

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 9/2

2011

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой
коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2011 г. ► № 9/2

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Елфимова Г.В.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.

д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.

д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:
344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 16.06.2011.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,33.
Заказ № 53/11. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Осипян Н.Б.** Актуальные направления использования психологических познаний в целях ресоциализации несовершеннолетних осужденных 5
- Пацапай С.Ю.** Психологические предпосылки совершения военнослужащими преступлений по неосторожности 9
- Брижак З.И.** Профессиональный отбор в системе Следственного комитета Российской Федерации 13
- Сарелайнен А.И.** Методика изучения профессионального психологического воздействия 17

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Афанасенко И.В., Онищенко А.И.** Особенности самоотношения мужчин и женщин возрастов ранней и поздней взрослости 21
- Кайдановская И.А.** К вопросу о рефлексии. 26

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Горельцева В.В.** Подходы к определению интимности в зарубежной психологии 31
- Альперович В.Д.** Влияние противоречий отношений личности на трансформацию ее представлений о друге и враге 35
- Есипова М.Е.** Системный подход к изучению конфликтной компетентности в рамках организационной культуры. 39
- Ильин Г.С.** Социально-психологическая интерпретация феномена «арреаранс» перфекционизм 43
- Погонцева Д.В.** К вопросу о дискриминация по внешнему облику 47
- Мартыненко К.И.** Представление о социальном познании в отечественной психологии 51
- Коваль Е.С.** Адаптация личности в социально-психологической структуре малой группы. 55
- Попова Л.В.** Социально-психологические факторы процесса дарения в Российской культуре 59

ПСИХОЛОГИЯ ЭКСТРЕМИЗМА

- Середина Н.В., Даниленко Е.В., Черныш Е.В.** Психологическая оценка переживания террористической угрозы. 63

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ В ЦЕЛЯХ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Осипян Н.Б.

В статье проведен анализ основных тенденций преступности несовершеннолетних, раскрывается смысл понятий «десоциализация» и «ресоциализация», рассматриваются основные направления применения психологических познаний в рамках осуществления комплекса мероприятий по социальной реабилитации и ресоциализации воспитанников колонии.

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних, десоциализация, ресоциализация, социальная адаптация, уголовно-исполнительная система, осужденный, воспитательная колония, социально-психологическая помощь, профилактика правонарушений.*

В течение последних лет одной из самых актуальных и социально-значимых задач в государственной политике Российской Федерации стало решение задачи по снижению роста преступности в подростково-молодежной среде. Несмотря на наметившуюся тенденцию экономической и социальной стабильности российского общества, налицо резкое увеличение численности молодежи, относящейся к «группе риска». Это не только несовершеннолетние правонарушители, но и безнадзорные, беспризорные, социальные сироты, подростки, злоупотребляющие алкоголем или психоактивными веществами, лица без определенного места жительства, а также дети – жертвы физического и морального насилия.

Согласно последним данным, в России проживают около 28 миллионов детей. Вызывает беспокойство отсутствие позитивных изменений в количестве детей, проживающих в государственных учреждениях: около 156 тысяч детей воспитываются в детских домах и интернатах, в социально опасных условиях живут 760 тысяч детей. С каждым годом растет и число детей, ушедших из дома и социозащитных учреждений (в 2009 г. их количество превысило 26 тысяч). По состоянию на 1 января 2010 г. в розыске оставалось 2850 детей [8].

Особое беспокойство вызывают тенденции преступности несовершеннолетних. Около 50 тысяч несовершеннолетних по решению суда находятся сегодня в учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа органов управления образованием. Более 30 тысяч несовершеннолетних приговорены к наказаниям, несвязанным с лишением свободы, и находятся на учете уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний. Отбывает реальное наказание в 62 воспитательных колониях – 5,9 тысячи несовершеннолетних [8].

Необходимо отметить, что за последние годы число преступлений, совершенных подростками, возросло на 2,5 %, а число несовершеннолетних, принявших участие в преступлениях, на 2,9 %. Качественно изменилась и характеристика самой преступности, которая отличается высокой степенью организованности (доля несовершеннолетних, совершивших преступления в составе групп, стабильно превышает 70 %).

Обоснованные опасения вызывает также тенденция все более широкого участия подростков в преступной деятельности совместно со взрослыми (более трети преступлений). Чаще всего, в преступную деятельность взрослыми вовлекаются подростки в возрасте 16–18 лет, нередко ранее уже судимые.

Судебная практика показывает, что подавляющее большинство осужденных подростков за те или иные преступления совершали их впервые. Однако значительным остается количество несовершеннолетних, которые уже ранее направлялись в спецшколы, освобождались от отбывания наказания и вновь совершали преступления.

«Дефекты» социализации несовершеннолетних во многом обуславливают преступность этой группы населения; в свою очередь, одной из основных причин сохраняющейся тенденции роста повторной преступности несовершеннолетних и молодежи является отсутствие или неудовлетворительный уровень ресоциализации уже однажды совершивших преступление и отбывших наказание.

Следует отметить, что в первые три года после освобождения совершают повторные преступления до 45 % бывших воспитанников колоний. Более того, четвертая часть особо опасных рецидивистов и 17 % пожизненников – бывшие воспитанники воспитательных колоний (ВК).

Одной из особенностей содержания несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии является срок отбывания ими наказания, который на практике составляет от года до двух лет, в течение которых должны быть в полной мере осуществлены задачи по исправлению подростков, подготовке их к освобождению и условиям жизни на свободе.

Очевидно, что, проведя значительный отрезок своей жизни в местах лишения свободы, несмотря на учебную деятельность, несовершеннолетний осужденный либо частично утрачивает способность к адаптации в той или иной сфере социальных отношений, либо «пропускает» благоприятный (сензитивный) период для нормального формирования этой способности. Развиваясь, человек осваивает различные модели социального поведения в различных сферах социальной реальности, и значительную роль в их освоении играет фактор окружения. Вследствие этого нормальная социализация несовершеннолетнего осужденного в воспитательной колонии при ограничении социальных контактов становится затруднительной и даже невозможной.

Десоциализация осужденных в воспитательной колонии – это процесс, в ходе которого подросток, лишенный свободы, под влиянием ряда факторов оказывается вынужден подвергнуть присущие ему на свободе ценностные ориентации, роли и нормы поведения изменениям, глубина которых обусловлена спецификой и особенностями функционирования правовых и иных институтов, обеспечивающих лишение свободы, и отношением к ним общества.

К объективным факторам десоциализации относятся: изолированность от общества вследствие отбывания наказания, требования режима содержания, «тюремная» субкультура, отношение работников воспитательной колонии к осужденным, влияние «десоциализирующей» системы. Субъективными факторами десоциализации осужденного являются тотальное недоверие к окружающим, статус в тюремной иерархии, готовность осужденного отвечать ожиданиям «тюремного» сообщества [2].

На этом фоне несомненным остается тот факт, что упомянутое выше приоритетное направление в государственной политике Российской Федерации помимо прочих актуализирует проблему поиска научно обоснованных способов совершенствования процесса адаптации и ресоциализации подростков и молодежи, прошедших через систему пенитенциарных учреждений или находящихся в ней.

В свою очередь, *ресоциализация* – это процесс усвоения индивидом социальных норм и культурных ценностей, не освоенных, или недостаточно освоенных ранее, или обновленных на новом этапе общественного развития. Для нормального функционирования индивида в обществе могут быть востребованы знания,

умения, навыки, которыми он не обладает, что актуализирует процесс социализации на новом жизненном этапе. Ресоциализация предполагает также усвоение индивидом ценностей и норм, радикально отличающихся от освоенных им ранее. Такой ресоциализации предшествует разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности [5].

В широком смысле под ресоциализацией понимают организованный социально-психолого-педагогический процесс восстановления социального статуса, утраченных либо несформированных социальных навыков у дезадаптированных несовершеннолетних, переориентации их социальных установок и референтных ориентаций за счет включения в новые позитивно ориентированные отношения. В узком смысле ресоциализация – это сознательное восстановление осужденного в социальном статусе полноправного члена общества и возвращение его к самостоятельной общепринятой социально-нормативной жизни в обществе.

В контексте эмпирических исследований «ресоциализация рассматривается как процесс изменения сознания, чувств, нравственное изменение личности, изменение сознания, формирование новой структуры поведения, включение личности в общественно полезную деятельность, переосмысление ценностей жизни» [8, с. 7].

Не вызывает сомнений тот факт, что ресоциализация несовершеннолетних – процесс индивидуальный и его эффективность зависит, в первую очередь, от учета психологических закономерностей развития личности несовершеннолетнего правонарушителя и специфики их проявлений в нестандартных условиях ситуации лишения свободы, а также различных видах деятельности принудительного характера.

Согласно мнению И.А. Овчаренко, социальная адаптация несовершеннолетних во многом может быть предопределена реабилитационным подходом к ним, который включал бы в себя комплекс психологических, воспитательно-психологических, профессиональных, юридических мер, направленных на восстановление личностного и социального статуса подростков, их индивидуальной и общественной ценности, нарушений функций организма и трудоспособности [4].

Комплексный подход к решению анализируемой проблемы поддерживают и другие авторы (И.А. Ярмыш, Е. Овсянникова, Ю. Штурхецкая), по мнению которых эффективность ресоциализации несовершеннолетних преступников зависит от объединения усилий субъектов ресоциализационного процесса на всех уровнях управления, постоянного сочетания пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия. Кроме того, как отмечают авторы, изучение социально-психологических аспектов,

связанных с исправлением несовершеннолетних правонарушителей не может быть проведено без учета специалистом психологических закономерностей развития личности подростков, специфики их проявления, а так же тех критических моментов и других ситуаций, которые возникают у них на этапе ресоциализации.

К сожалению, зачастую мы обращаем внимание на подростка, когда тот уже совершил серьезное правонарушение. Как справедливо заметил В.Л. Полозюк, «мы не задумываемся, может стоит предпринять определенные меры значительно раньше, когда ребенок бросил ходить в школу или когда он в первый раз был условно осужден» [8, с. 11].

Необходимо отметить, что с трудными подростками у нас работает много разных служб, но даже в рамках ФСИН не выработана комплексная программа взаимодействия УИИ и воспитательных колоний по профилактике правонарушений среди освобождающихся воспитанников. «Отсутствие устойчивых связей между перечисленными службами и заинтересованности в объединении усилий сторон сводит на нет всю проделанную работу в каждой из них... В условиях формирования гражданского общества пенитенциарная система должна быть органом, который не только исполняет судебные решения, но и выполняет роль социальной клиники для общества – ресоциализировать граждан, в силу различных жизненных неблагоприятных обстоятельств, вставших на путь преступлений» [8, с. 11–12].

Осознание значимости качественного пересмотра стратегий борьбы с преступностью несовершеннолетних и важности в этой связи осуществления мер, направленных на адаптацию и ресоциализацию деликвентных подростков, нашло свое отражение в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 года», утвержденной Распоряжением Правительства РФ № 1772-р от 14 октября 2010 г. В рамках данной Концепции предполагается развитие социальной, психологической, воспитательной и образовательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения; поиск и внедрение новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристики.

На сегодняшний день в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Уголовно-исполнительным кодексом РФ, а также приказом ГУИН Минюста России № 75 от 22.03.2004 года

в воспитательной колонии проводится работа по социальной реабилитации и ресоциализации воспитанников колонии в целях подготовки подростков к освобождению.

Как отмечает Т.Н. Хандожко, «процессы социальной адаптации осужденного подростка и подготовка его к дальнейшей жизни после освобождения начинаются с первого дня отбывания наказания и связаны с всесторонним изучением его личности. С момента поступления осужденного в карантин он находится под пристальным вниманием работников социальной службы. Проводится личная беседа, в процессе которой выясняются особенности жизни и социального окружения подростка до заключения под стражу, родственные связи, характер взаимоотношений с близкими, наличие у осужденного документов, образования, также выясняются его жизненные планы, установки, моральные ценности. В целях устранения выявленных у подростка проблем принимаются все необходимые меры и делаются запросы в соответствующие инстанции» [7, с. 64].

Ю.К. Сараева также отмечает, что «с первого дня пребывания в воспитательной колонии начинается кропотливая, психолого-педагогическая коррекционная работа с подростком. Учитывая индивидуальные особенности, степень педагогической запущенности осужденного, на каждого из них составляется план воспитательной работы на период адаптации, предусматривающий решение конкретных задач» [7, с. 44].

Для решения задачи по формированию законопослушного поведения необходимо глубокое знание личности осужденного, ведущих мотивов и направленности, позволяющие прогнозировать и корректировать поведение несовершеннолетнего. Учитывая основные личностные черты осужденного и параметры структуры его личности, в учреждении выбирают необходимые для воздействия средства и приемы. Все это обеспечивается благодаря комплексной программе изучения психологической структуры человека, в которой важнейшими средствами для решения прогностических задач, помимо прочих, являются данные от исследований, полученные с помощью психологических методик [4].

Интересен с практической точки зрения опыт коллег УИС Минюста России по Вологодской области, предлагающих свою программу психологической подготовки к освобождению, включающую: адаптационные мероприятия, учитывающие личностные особенности осужденного; индивидуальную воспитательную работу; оказание нуждающимся подросткам необходимой психологической помощи; коррекционная программа, осуществляемая с помощью социально-психологического тренинга; повторные регулярные психологические

обследования осужденных с целью дальнейшей корректировки индивидуально-воспитательных программ и т.д. [6].

За 2–3 месяца до освобождения начинает осуществляться работа, направленная на специальную подготовку подростка к выходу из воспитательной колонии. Такая подготовка, прежде всего, направлена на решение организационных и психологических задач, которые сводятся к бытовому и трудовому устройству освобожденных и их психологической подготовке к освобождению – адекватному восприятию возможных трудностей в жизни и выбору путей их преодоления. Перед освобождением многие подростки испытывают чувства тревоги, страха, неуверенности. В процессе психологической подготовки делается все возможное для их снижения.

Помимо коллективных лекций, бесед и консультаций с осужденными проводится индивидуальная работа: одним необходимо содействие в налаживании отношений с родителями, другим – оказание помощи в противодействии негативному влиянию ближайшего окружения и т.д. В программу работы «школы» по подготовке осужденных к освобождению, помимо традиционных занятий, включаются поведенческие тренинги, посвященные разбору поведения человека в конкретных жизненных ситуациях, которые могут возникать у подростков, освободившихся из воспитательной колонии. Так, например, применение индивидуального и группового поведенческого тренинга позволяет существенно повысить порог психологической устойчивости, способность ориентации в сложных ситуациях, научить выбору разумного выхода из них [3].

Несмотря на то, что ряд авторов (Г.С. Дорошенко, Г.Ф. Гумирова, Н.Б. Иглина) и указывает на отсутствие скоординированности во взаимодействии УИИ и воспитательных колоний в вопросах профилактики правонарушений среди освобождающихся воспитанников, надо сказать, что и после «выхода на свободу» работа по осуществлению мер социальной адаптации с такими подростками продолжается. Примером может служить отделение социальной адаптации несовершеннолетних и молодежи учреждения социального обслуживания ХМАО-Югры «Центр социальной помощи семье и детям «Юнона». Работа в отделении направлена на содействие людям, совершившим криминальные деяния в успешном разрешении жизненных проблем для обеспечения их возвращения в русло нормальной социальной деятельности. Специалисты отделения оказывают социально-психологическую помощь, включающую: психологическое консультирование по поддержанию психического и физического здоровья; психотерапев-

тическую помощь с использованием различных видов терапии (с целью преодоления психотравмирующих ситуаций с минимальными психоэмоциональными затратами, влекущими социальную дезадаптацию); психологические тренинги и психологическую диагностику.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что приоритетной задачей в работе с несовершеннолетними должно стать комплексное содействие в социально-психологической ресоциализации подростков, направленное на профилактику преступности и рецидива правонарушений. Такое содействие может быть оказано на основе реализации специально разработанных программ, направленных на социально-психологическое сопровождение несовершеннолетних осужденных и формирование профессиональной компетентности сотрудников ФСИН в области теории и практики образования и ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарова М. Критерии анализа ресоциализации подростков в условиях воспитательного учреждения // *Власть*. – 2010. – № 2. – С. 117–119.
2. Гумирова Г.Ф. Правовые и психологические аспекты оптимизации исправления осужденных к лишению свободы несовершеннолетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2009.
3. Козюля В.Г. Организация психологического обеспечения несовершеннолетних осужденных // *Преступление и наказание*. – 2002. – № 9. – С. 53–61.
4. Овчаренко И.А. Особенности и некоторые проблемы в подготовке к освобождению несовершеннолетних осужденных // *Сб. научных трудов юридического факультета*. – Ставрополь: СевКавГТУ, 2004. – Вып. 4.
5. Перинская Н.А. Ресоциализация // *Знание. Понимание. Умение*. – 2005. – № 4. – С. 161–162.
6. Программа психологической подготовки осужденных Судской воспитательной колонии к освобождению // *Сб. методических материалов по организации воспитательной работы в учреждениях УИС Вологодской области*. – 2002. – С. 134–137.
7. Ресоциализация несовершеннолетних: проектный опыт. Научно-методическое пособие / под общ. ред. Г.И. Симоновой. – М.: «Оргсервис-2000», 2005.
8. Совершенствование организации процесса ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: сборник статей / отв. ред. Н.Б. Иглина. – Архангельск, 2010.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
СОВЕРШЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ****Пацапай С.Ю.**

В данной статье рассматривается проблема учета особенностей психологической составляющей в различных видах неумышленного поведения военнослужащих. Современная военная техника является более сложной в эксплуатации по сравнению с техникой прошлых лет; также отмечается тенденция сокращения срока службы в армии. Такой расклад приводит к возрастанию нагрузки на психику военнослужащего и способствует возникновению аварийных и нештатных ситуаций, юридическая ответственность за которых ложится на военнослужащего.

В данной статье раскрывается область исследования и значение судебно-психологической экспертизы при расследовании преступлений военнослужащих с неосторожной формой вины. Также рассматриваются особенности человеческого организма и психики, которые могут привести к ошибкам при работе на военной технике.

Ключевые слова: неосторожная форма вины, уголовно-правовой казус, область судебно-психологической экспертизы, личностный фактор, индивидуальные качества военнослужащего, отбор кандидатов для взаимодействия с техникой.

В настоящее время, как в психологии, так и в уголовном праве и криминологии недостаточно внимания уделяется проблеме совершения военнослужащими преступлений по неосторожности. Недостаточно рассмотрены проблемные вопросы относительно особенностей психологической составляющей в различных видах неумышленного поведения военнослужащих (рефлекторного, импульсивного, неосторожного), проблемы квалификации отдельных видов неосторожных преступлений [9]. Все вышесказанное усложняет задачу исследований в данной области и делает ее более привлекательной с точки зрения актуальности и научного творческого поиска.

Важной особенностью научно-технического прогресса являются дальнейшее совершенствование технических устройств, комплексная автоматизация производственных процессов, изменение форм управления. Все это, вместе взятое, породило совершенно новую проблему, находящуюся на стыке техники и психологии – согласование функций автоматических и полуавтоматических устройств с реальными физиологическими и психологическими возможностями человека [2]. Более ярко данная тенденция обнаруживает себя в военной сфере общества, с одной стороны через разработку и поступление на вооружение более сложной в эксплуатации военной

техники, с другой – через сокращение сроков службы в армии, тем самым сокращая время на освоение правил по ее эксплуатации. Наличие такого расклада значительно повышает требования к психофизиологическим возможностям военнослужащих, непосредственно управляющих такой техникой [3]. Отмечено, что технические характеристики военной техники в следующие 10–15 лет будут неуклонно расти, а психофизиологические характеристики человека останутся практически на том же уровне [7], что не может не способствовать возникновению аварийных и нештатных ситуаций, разбирательство которых будут осуществлять юридические ведомства. Вероятность возникновения аварий такого рода велика и происходят они, как правило, по вине человека, который несет за это полную юридическую ответственность.

Рассмотрим виды и формы вины с юридической точки зрения. Вина в уголовном праве – это психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Поскольку неосторожная форма вины представляет для нас больший интерес, остановимся на данном аспекте подробнее [5].

Различие в интенсивности и определенности интеллектуальных и волевых процессов, протекающих

в психике субъекта преступления, лежит в основе деления вины на формы, а в пределах одной и той же формы – на виды.

Неосторожная форма вины характеризуется легкомысленным расчётом на предотвращение вредных последствий деяния лица, либо отсутствием предвидения наступления таких последствий. Неосторожная форма вины встречается реже, чем умысел, однако по своим последствиям неосторожные преступления (особенно связанные с использованием некоторых видов техники, атомной энергии и т.д.) могут быть не менее опасными, чем умышленные. Неосторожность в свою очередь может быть двух видов: преступное легкомыслие и преступная небрежность [1].

При преступном легкомыслии виновный предвидит возможность наступления общественно опасных последствий (интеллектуальный момент схож с косвенным умыслом), не желает их наступления и без достаточных оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (волевой момент). При этом лицо не расценивает свои действия как общественно опасные, хотя и осознаёт, что они нарушают определённые правила предосторожности.

При преступной небрежности виновный не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, хотя должен был и мог их предвидеть. Лицо может быть привлечено к ответственности за такие действия, поскольку его поступки связаны с пренебрежительным отношением к закону, требованиям безопасности и интересам других лиц [6].

Несмотря на то, что большое число преступлений по неосторожности, таких как происшествия, аварии и отказы военной техники, обусловлены эксплуатационными причинами, за которыми часто кроются ошибки военнослужащих, немало аварий происходит из-за несоответствия психофизиологических и психических характеристик военнослужащих уровню сложности поставленных перед ними задач [4]. Данный факт отмечается и в юридическом праве как невиновное причинение вреда или уголовно-правовой казус. Он имеет место быть, когда лицо хотя и предвидело возможность наступления последствий, но не могло их предотвратить в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам [6].

Успешность профессиональной деятельности военнослужащего при работе на военной технике ныне во многом зависит от его психологических и психофизиологических особенностей (таких, например, как свойства восприятия, памяти, мышления, тип высшей нервной деятельности) и от функциональных состояний (эмоциональная напряженность, утомление и др.).

Многие психологи и психоневрологи указывают на важность учета так называемого личного фактора в раскрытии причин аварий при работе на технике. Под личным фактором большинство из них понимает совокупность всех физических и психических свойств человека, влияющих на качество выполнения профессиональных функций. Такой точки зрения придерживался, например, известный специалист в области авиационной психологии С.Г. Геллерштейн [2].

Расследование причин происшествий, связанных с управлением современной техникой, не может оставить в стороне выяснение роли психологического фактора в их возникновении. На практике при изучении, например, причин автотехнических происшествий чаще всего основное внимание уделяется выяснению их технических компонентов, человек же выступает в этих исследованиях нередко как лишенная индивидуальности усредненная статистическая единица [3].

Личностный фактор является термином, описывающим возможность принятия человеком ошибочных или алогичных решений в конкретных ситуациях. Но такого рода ошибки, как правило, непреднамеренны: военнослужащий выполняет ошибочные действия, расценивая их как верные или наиболее подходящие.

Источником ошибок может служить снижение внимания в привычной и спокойной обстановке. В такой ситуации человек расслабляется и не ожидает возникновения какого-либо осложнения. При монотонной работе иногда появляются ошибки, которые практически никогда не встречаются в напряженных ситуациях.

В профессиональной деятельности стрессовые ситуации могут создаваться динамичностью событий, необходимостью быстрого принятия решения, рассогласованием между индивидуальными особенностями, ритмом и характером деятельности. Факторами, способствующими возникновению опасности в этих ситуациях, могут быть недостаточность информации, её противоречивость, чрезмерное разнообразие или монотонность, оценка работы как превышающей возможности индивидуума по объему или степени сложности, противоречивые или неопределенные требования, критические обстоятельства или риск при принятии решения [7].

Определяющее значение в формировании линии поведения каждого из военнослужащих имеют его индивидуальные качества, отражающие совокупность социально-психологических и физиологических свойств. Они включают тип нервной системы, темперамент, характер, особенности мышления, образование, опыт, воспитание, здоровье и т.п. Следовательно, для установления истинности факта несоответствия психофизиологических качеств военнослужащего

требованиям экстремальных условий и назначается судебно-психологическая экспертиза.

Назначение судебно-психологической экспертизы играет важную, а иногда и решающую роль в расследовании совершенных военнослужащими преступлений с неосторожной формой вины.

В энциклопедическом словаре медицинских терминов экспертиза определяется как изучение специалистом (или группой специалистов) вопроса, требующего для своего решения знаний в специальной области науки, с вынесением определенного суждения (заключения). Она представляет собой специальное психологическое исследование, проводимое экспертом в отношении человека – субъекта процесса или ситуации, назначаемое определением суда при наличии общего и специального оснований для получения судебного доказательства по делу заключения эксперта-психолога [8]. Судебно-психологическая экспертиза имеет в своей области исследования эмоциональные состояния, экспертизу личностных свойств, экспертизу отражения внешних и внутренних сторон события и т.д. Следовательно, общим предметом судебно-психологической экспертизы можно назвать психическую деятельность (психику) как систему психических свойств, процессов, закономерностей [2].

Качество и результативность судебно-психологической экспертизы во многом определяются подготовительной работой, которая включает в себя следующие направления работы:

1. Сбор материалов, необходимых для проведения экспертизы. Получение объективной информации о личности обвиняемого (потерпевшего, свидетеля) и ситуации, имеющей значение для всестороннего изучения обстоятельств совершенного преступления.
2. Сбор информации о личности испытуемого. Анализируются биографические сведения испытуемого, какие имеются неблагоприятные наследственные факторы, каким образом и в чем конкретно проявлялись особенности его нервной системы, психики, какие наблюдались заболевания, имелись ли психические отклонения на разных этапах развития.
3. Сбор сведений об индивидуально-психологических особенностях личности, проявляемых в различных видах деятельности.
4. Сбор информации о ситуации, имеющей значение для всестороннего изучения особенностей личности испытуемого [4].

Методы судебно-психологической экспертизы в большинстве случаев заимствуются из общей психологии: лабораторный и естественный эксперимент, беседа, наблюдение, изучение продуктов психической деятельности и др., однако некоторые

из них специально разрабатываются для целей соответствующей экспертизы. Использование экспертом-психологом разнообразных методических приемов позволяет ему достаточно полно выявить основные особенности и индивидуальное своеобразие психической деятельности испытуемого, что создает основу для выводов по тем конкретным вопросам, которые поставлены перед экспертом [2].

В психологии сложилось условное деление методов на «личностные», применяемые для исследования устойчивых и ситуативно обусловленных мотивов поведения, черт характера, эмоционально-волевых свойств испытуемых, и «интеллектуальные», выявляющие индивидуальные особенности познавательной деятельности человека. Однако большинство психологических методов таково, что при умелом использовании они, кроме основной информации, могут дать ценный дополнительный материал; результаты экспериментального исследования познавательной деятельности всегда содержат некоторые сведения и о характере испытуемого, его эмоционально-волевых и других личностных особенностях, равно как исследование «личностными» методиками способно обогатить представление об интеллектуальной деятельности человека [2].

Следовательно, судебно-психологическая экспертиза является важным средством получения доказательств – фактических данных о психологических особенностях, свойствах личности обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, свидетеля. С помощью данной экспертизы создаются необходимые условия для более полного исследования субъективной стороны преступления, объективной оценки показаний свидетелей, потерпевших, обвиняемых (подсудимых), выявления обстоятельств, смягчающих наказание виновному, данных, характеризующих его личность, а также для установления психологических причин и условий, способствовавших совершению преступлений [4].

Следует особо отметить, что цель судебно-психологической экспертизы заключается не в констатации элементов психической деятельности, а в их профессиональной оценке экспертом (диагностике психических процессов, состояний, свойств; отношения к ситуации; влияния этого отношения на поведение; обобщенной интерпретации данных о личности).

Таким образом, свойство человека ошибаться является функцией его психологического состояния. Однако одним из способов уменьшения влияния человеческого фактора является проведение мероприятий по отбору кандидатов для работы со сложной техникой. В основу подбора военнослужащих на осуществление деятельности по эксплуатации сложной военной техники должны быть положены основные свойства нервных процессов, которые мало изменяются в течение жизни человека,

особенности функции органов чувств, особенности характера, темперамента, личностные особенности военнослужащего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлаков В.Н. Криминология: учебник для вузов. – СПб.: С-ПГУ, Питер, 2003.
2. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: монография. – М., 1997.
3. Маринов М.Л. Человеческий фактор в проблеме безопасности профессиональной деятельности. – СПб., 2010.
4. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. – М., 2005. – С. 261–262.
5. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 1997.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. – М., 2004. – С. 89.
7. Хоменко М.Н. Актуальные вопросы учета человеческого фактора в военной авиации на современном этапе. – М., 2009.
8. Энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. В.И. Покровского: 2-е издание. – М., 2001.
9. Яковлев А.В. Предупреждение преступлений с неосторожной формой вины, совершаемых военнослужащими: автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2003.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОТБОР
В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Брижак З.И.**

В представленной статье рассматриваются перспективы развития психологической службы в системе Следственного комитета Российской Федерации. Автором предлагаются этапы развития психологической службы, обсуждаются вопросы психологической подготовки и повышения квалификации кадров СК России. Зинаидой Игоревной в работе дается системный анализ необходимости профессионального подбора кадров, лежащего в основе всей кадровой политики СК РФ.

Ключевые слова: психологическая служба, профессиональный отбор, психологическое сопровождение, профессиональная деформация.

В повседневной деятельности сотрудников Следственного комитета Российской Федерации по раскрытию и расследованию преступлений принципиальное значение имеет так называемый «человеческий фактор». Правовые нормы, как и социальные, экономические, организационные и иные регуляторы поведения людей, действуют в сочетании с психологическими. Поэтому и сам механизм правового регулирования включает в себя психологический аспект, без учета которого трудно добиться должной действенности правовых норм.

Решая сложные задачи по раскрытию и расследованию преступлений работники Следственного комитета России сталкиваются с самыми различными проявлениями человеческих убеждений, интересов, потребностей, чувств, мотивов, взаимоотношений, позиций и других психологических особенностей. При выполнении своих обязанностей следователь зачастую вступает в психологически обостренные отношения с частью граждан, особенно с теми, кто встал на путь конфликта с законом, либо обладает деформированным правосознанием.

Игнорирование психологического аспекта, либо его некомпетентный учет, снижают эффективность действий следователя. Умение разобраться во всей гамме психологических оттенков и зависимостей своей работы характеризует уровень профессионального мастерства следователя.

Следственная деятельность, если ее рассматривать в общепсихологическом аспекте, может быть охарактеризована как совокупность действий специально уполномоченных должностных лиц, направленных на удовлетворение потребностей как общества в целом, так и отдельных граждан.

Работа следователя относится к числу так называемых «критических» видов деятельности, осуществляемых в экстремальных, стрессогенных условиях. Она характеризуется рядом факторов, общих с другими экстремальными видами деятельности, например, дефицитом времени и информации, неопределенностью ситуаций, их вероятностным характером, эмоциональной значимостью, повышенной ответственностью за принимаемые решения. Существуют также психологические особенности, специфические в основном для следственной работы, сочетание которых обуславливает и психологические особенности следственной работы.

Рассмотрим их более подробно.

Во-первых, это детальная правовая регламентация деятельности следователя – одна из наиболее специфических особенностей его профессиональной деятельности. Деятельность следователя строго регламентирована правовыми нормами (Уголовно-процессуальным и Уголовным кодексом, приказами и распоряжениями Председателя Следственного комитета Российской Федерации и др.). Эта особенность отличает работу следователя от других отраслей человеческой деятельности, где выполнение работ определяется общими планами или инструкциями и создает широкую возможность для свободного осуществления своих личных представлений о наиболее эффективной организации труда. Правовая регламентация подчиняет деятельность сотрудника порядку, строго установленному нормами закона. Неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником своих служебных обязанностей всегда является нарушением того или иного положения законодательства. Все это, в конечном итоге, порождает

повышенную ответственность сотрудника за свои решения и действия.

Во-вторых, это наличие властных полномочий. В рамках расследования уголовных дел следователю приходится вторгаться в личную жизнь людей, выяснять обстоятельства, которые нередко стараются скрыть от окружающих, принимать участие в обыске по месту проживания, по сути, вторгаться в интимное пространство человека и его семьи, принимать решение о необходимости изоляции на период предварительного следствия и пр. Психологическое состояние должностного лица, облеченного властью, определяется, прежде всего, высокой степенью ответственности, а применение им своих полномочий предполагает проведение глубокой интеллектуальной работы, позволяющей мотивированно определить необходимость и разумность своих действий, их законную основу. В значительной степени правомерность и целесообразность использования власти зависит от личностных качеств следователя.

Третьей важной психологической особенностью профессиональной деятельности следователей, как уже отмечалось, является постоянное сопротивление и противодействие заинтересованных лиц. Это придает деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений характер борьбы, принимающей иногда очень острые формы. Необходимость преодоления опасных ситуаций, устранение препятствий, которые специально создаются на пути следователя, вызывают у него различные эмоциональные реакции, требует постоянного волевого напряжения. В условиях активного сопротивления возникает необходимость постоянной сложной интеллектуальной работы, зашифровки своих целей, маскировки действительных социальных ролей.

Четвертой характерной особенностью профессиональной деятельности следователя является необходимость постоянного развития коммуникативной компетентности по отношению к представителям различных социальных страт и слоев. Это требует постоянного повышения уровня знания психологии человека вообще и психологических основ общения в частности. Коммуникативная способность чрезвычайно необходима следователю для правильной организации и производства различных следственных действий. Отличительной чертой такой коммуникативности является то, что она часто требует перевоплощения. Это объясняется важностью установления психологического контакта со всеми лицами, попадающими в сферу уголовного судопроизводства.

К специфическим особенностям профессиональной деятельности следователя также следует отнести дефицит времени и наличие перегрузок в его работе. Оперативность и быстрота входят в число

основных принципов раскрытия и расследования преступлений. Чем больше преступник находится на свободе, тем больше у него возможностей для того, чтобы уйти от ответственности, уничтожить следы своей преступной деятельности, скрыться от следствия и суда.

С другой стороны, дефицит времени проявляется в необходимости соблюдения процессуальных и других сроков, которые отводятся на расследование уголовного дела, рассмотрение заявлений граждан и пр. Следователь постоянно находится в напряженном состоянии. То, что в других видах деятельности свойственно лишь «авральным ситуациям», является обычным в работе следователя.

Напряженность связана также с большими физическими и психическими нагрузками, которые испытывает следователь из-за высокой экстремальности его деятельности, действиями в условиях конфликтной ситуации, воздействие различного рода стрессогенных факторов, ненормированным рабочим днем, наличием отрицательной эмоциональной окраски деятельности, так как следователю приходится сталкиваться с проявлениями человеческого горя, сложными условиями его служебной деятельности.

И, наконец, в шестых. Психологической особенностью профессиональной деятельности следователя является ярко выраженный познавательный характер. Следователям жизненно необходимо постоянно повышать уровень своих профессиональных знаний. Без этого следователь рискует не только остановиться в своем развитии, но и быть «выброшенным на обочину жизни».

Таким образом, учитывая указанные психологические особенности деятельности следователя, можно выделить те личностные и профессиональные качества, которые являются необходимыми для успешного решения служебных задач:

- профессионально-психологическая ориентированность его личности;
- психологическая устойчивость;
- развитые волевые качества, умение владеть собой в сложных ситуациях, смелость, мужество, разумную склонность к риску;
- хорошо развитые коммуникативные качества, умение быстро устанавливать контакт с различными категориями людей, устанавливать и поддерживать доверительные отношения;
- способность оказывать психологическое воздействие на людей при решении различного рода оперативно-служебных задач;
- способность к творчеству;
- развитые познавательные навыки: наблюдательность и внимательность, развитая память, творческое мышление и воображение;

- развитое мышление, склонность к напряженной умственной работе, сообразительность, интуицию;
- быстроту реакции, умение ориентироваться в сложной обстановке.

Развитие указанных личностных качеств и профессиональных компетенций следователей – задача комплексная, требующая целенаправленных усилий со стороны руководства следственных органов, кадровых подразделений, наставников и образовательных учреждений. От ее успешного решения зависит не только качество раскрытия и расследования преступлений, но и очень часто человеческие жизни.

Развитие указанных профессионально-значимых компетенций наиболее успешно происходит в процессе психологической подготовки следователя.

Основными задачами психологической подготовки являются:

- повышение психологической устойчивости следователей к действию стрессогенных факторов и их сочетаний, типичных для уголовного процесса;
- развитие у следователей профессионально-значимых качеств, способствующих высокоэффективному выполнению всех профессиональных действий в любых сложных и опасных условиях.

Наибольших результатов достигает такая форма психологической подготовки, которая называется «фасилитацией» (сопровождением) следователей в течение всей профессиональной карьеры, начиная от неопытного новичка до ветерана следствия. Оптимальным вариантом психологического сопровождения является организация особой организационной структуры – психологической службы. Вопросы психологического сопровождения и психологической службы сегодня активно разрабатывается зарубежной и отечественной психологической наукой.

Так, ведущие российские ученые А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский определяют психологическую службу как систему практического использования психологии для решения комплексных задач психологической экспертизы, диагностики, консультирования в сферах народного образования, производства, медицины, охраны правопорядка и др.

На практике их положения активно применяются и дополняются практикующими психологами. По Е.И. Метельковой (2005), психологическая служба – это многоуровневая структура с единой вертикалью управления, имеющая свои подразделения и представительства на разных управленческих уровнях.

И.В. Дубровина (1997) рассматривает психологическую службу как интегральное явление, представляющее собой единство четырех его составляющих,

или аспектов – научного, прикладного, практического и организационного.

Таким образом, сегодня сложилась ситуация, когда требование участия психологов (в первую очередь психологов, специализирующихся в области юридической психологии) в практике работы следственных органов, из просто необходимого стало крайне актуальным. Поэтому основными целями и задачами, стоящими перед психологической службой в системе Следственного комитета России является: профессиональный отбор кадров в следственные органы, содействие развитию профессиональных качеств следственных работников, формированию готовности и понимания необходимости непрерывного самосовершенствования на протяжении всей жизни.

Кроме того, необходимо закрепить задачи, которые стоят перед психологической службой:

- оптимизация трудового процесса;
- консультирование следственных работников, руководства следственных подразделений;
- психологическое изучение различных категорий сотрудников;
- обеспечение личностного, интеллектуального и профессионального развития сотрудников на каждом возрастном этапе;
- психологическое обеспечение дополнительных образовательных программ с целью адаптации их содержания и способов освоения к интеллектуальным и личностным возможностям и особенностям сотрудников СК России;
- содействие в приобретении сотрудниками психологических знаний, умений и навыков, необходимых для качественного исполнения служебных обязанностей;
- оказание помощи в экстремальных ситуациях;
- социально-психологическая реабилитация сотрудников;
- содействие распространению и внедрению в практику следственных органов достижений в области отечественной и зарубежной психологии.

Также необходимо выделить следующие функции психологической службы и направления её работы.

1. Психологические функции:

- оказание психологической помощи сотрудникам следственных органов;
- содействие определению психологических причин и условий профессиональных деформаций и ненадлежащего выполнения служебных задач.

2. Коммуникативно-социальные функции:

- профилактика условий возникновения профессиональных деформаций;

- содействие следственным органам в гармонизации социально-психологического климата.

3. Организационные функции:

- создание системы психологической помощи в системе Следственного комитета Российской Федерации;
- участие в подготовке и создании психолого-педагогических условий непрерывного повышения профессионального уровня следователей.

Организационный аспект введения психологической службы в системе Следственного комитета России заключается в следующем. На данном этапе необходимо введение как минимум одной ставки психолога в следственных управлениях Следственного комитета России по субъектам Российской Федерации. Структурно, в идеале, это должен быть специалист в ранге помощника руководителя, либо иной сотрудник одного из отделов управления, в своей работе напрямую подчиняющийся руководителю следственного управления. Данное требование обусловлено тем, что психологу в его работе станут известны конфиденциальные сведения, которые могут относиться как к личным качествам отдельных сотрудников, так и к особенностям организации работы в территориальных следственных органах. К функциям психолога также может быть отнесено психологическое исследование лиц, впервые поступающих на работу в следственные органы, с целью определения ведущей мотивации, основных установок личности, определения акцентуаций характера и пр. Это позволит вывести кадровую работу Следственного комитета России на качественно новый уровень, будет способствовать оптимизации служебной деятельности, трудовых отношений в коллективе и управлению им, а также более эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

В идеале, должность психолога должна быть введена, по крайней мере, во всех крупных террито-

риальных следственных подразделениях. При этом, специалист психолог, кроме указанных выше задач психологического сопровождения сотрудников может осуществлять функции консультанта по вопросам тактики и применения психологических средств и приемов при проведении отдельных следственных действий, в ходе которых следователю необходимо учитывать психологические особенности участников уголовного судопроизводства. Это и проведение допроса различных категорий граждан (в том числе несовершеннолетних и малолетних), очная ставка, проверка показаний на месте, следственный эксперимент, обыск с участием подозреваемого (обвиняемого) и пр. Кроме того, специалист-психолог, обладающий дополнительной квалификацией полиграфолога, сможет проводить исследования с помощью полиграфа, как с сотрудниками управления, так и иными лицами.

Таким образом, создание психологической службы Следственного комитета России будет способствовать формированию крепкого высокопрофессионального следственного корпуса, улучшению морально-психологического климата в следственных подразделениях, продлению срока, в течение которого следователь сможет продуктивно исполнять служебные обязанности, отсрочке неизбежного профессионального выгорания и позволит создать все необходимые условия для выполнения в полном объеме задач по качественному расследованию преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровина И.В. Практическая психология образования. – СПб., 1997.
2. Метелькова Е.И. Психологическая служба в образовании: перспективы развития // Вестник практической психологии образования. – 2005 – № 4 (5). – С. 6–8.
3. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. – М., 1998.

**МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ****Сарелайнен А.И.**

В статье описывается процесс разработки специализированного авторского опросника для изучения психологического воздействия в работе следователя. В основу опросника легли описания приемов воздействия двух видов – организационные и воздейственно-психологические в соответствии с классификацией Т.А. Кабаченко

Ключевые слова: опросники, психология труда, психологическое воздействие, психология профессионала, юридическая психология.

В рамках проводимого нами изучения психологического воздействия следователей Следственного комитета осуществляемого в процессе их профессиональной деятельности, мы столкнулись с методической проблемой. В отечественной психологической литературе специализированные опросники, изучающие особенности использования психологического воздействия в профессиональной деятельности нами обнаружены не были. В зарубежной литературе похожие шкалы описаны, но их перевод и адаптация к современным российским реалиям – процесс, требующий усилий, равных усилиям по созданию такого опросника «с нуля».

В сложившейся ситуации для решения задач нашего исследования нам необходимо было разработать такой опросник. В рамках нашего исследования мы ставили себе несколько задач. Во-первых, прояснить к каким стратегиям воздействия чаще всего прибегают следователи, какие типы воздействия они используют. Это позволило бы нам выделить и описать несколько групп следователей в соответствии с предпочитаемым ими типом воздействия. В дальнейшем, предполагалось проанализировать, то какими личностными особенностями обладают следователи, избирающие ту или иную стратегию воздействия и выявить взаимосвязи между типом личности и предпочитаемой стратегией воздействия.

Во-вторых, нашей задачей было исследовать такую характеристику психологического воздействия как «правомерность» – допустимость того или иного воздействия с точки зрения законодательства, и оправданность применения – в данном случае подразумевалась предположительная эффективность того или иного приема. Необходимо отметить, что правомерность воздействия специалисты должны оценивать исходя из своих представлений о законности, т.е. из своих профессиональных знаний.

Оценивать эффективность как оправданность воздействия следователи будут в большей степени с опорой на личный прошлый опыт и распространенные стереотипы о том, какие способы воздействия с большей вероятностью приведут к желаемому результату.

Для определения предпочитаемого типа воздействия, в рамках решения первой поставленной нами задачи, нам было необходимо классифицировать все существующее многообразие приемов воздействия в соответствии с каким-либо теоретическим основанием. У большинства изученных нами авторов сколько-нибудь стройная классификация приемов воздействия в их работах отсутствует. Одна из немногих целостных классификаций обнаруженная нами принадлежит Т.А. Кабаченко. Поэтому в качестве теоретических оснований в разработке опросника мы опирались на классификацию методов воздействия этого автора [1].

В своей классификации автор предлагает делить все методы воздействия, по типу их реализации, на организационные и воздейственно-психологические.

Цель воздейственных приемов организационного типа – обеспечить оптимальную ситуацию встречи и контакта реципиента со средствами психологического воздействия [1]. Под оптимальным контактом понимается как необходимый для успешного воздействия тип контакта – опосредованный или непосредственный, так и временные характеристики контакта – момент его начала относительно других важных событий, а также продолжительность. Также учитываются другие условия контакта – место его протекания, статус воздействующего – если эта характеристика может быть изменена (подразумевается, что если на организационном этапе воздействующее лицо может быть заменено на более статусное и значимое для реципиента, то это должно быть сделано).

Все организационные действия, как правило, обуславливаются теми психологическими задачами, которые решаются в конкретном взаимодействии. При этом организационный контекст может быть явным или скрытым от реципиентов.

Исходя из работы Т.С. Кабаченко, ошибочно было бы делать выводы о том, что организационное воздействие заканчивается к моменту начала контакта, т.е. все приготовления совершаются до встречи с реципиентом, такие изменения и приготовления могут происходить и в течение контакта. В таком случае организационные приемы отличаются от воздейственно-психологических тем, что оптимизируют воздействие, а не осуществляют его.

Таким образом, Т.С. Кабаченко указывает на две системы целей воздействия и две группы задач, которые решаются при взаимодействии для обеспечения эффективности этого воздействия. Первая – система оптимизации взаимодействия – организационный тип; вторая – система реализации психологической задачи – воздейственно-психологический тип [1]. Успешное, с точки зрения воздействующей стороны воздействие гармонично сочетает оба эти типа.

Вместе с тем как указывает Т.С. Кабаченко «при анализе конкретных случаев не всегда просто выявить специфику воздейственно-психологического плана на фоне сходного организационного контекста» [1, с. 209].

Вторая классификация принимаемая нами во внимание при построении нашего опросника также приводимая Т.С. Кабаченко – основана на критерии того, что является мишенью воздействия. По мнению Кабаченко, и это отражено в определении ею психологического воздействия, такой мишенью являются регуляторы психологической активности. Вообще нужно сказать, что автор строит свой анализ методов психологического воздействия с точки зрения задач стоящих перед воздействующим. В случае, когда задача реализуется в определенных условиях – речь идет не о методе воздействия, а о приеме. Возвращаясь к методам и задачам, которые они призваны решать, необходимо раскрыть какие мишени воздействия в виде регуляторов активности автор описывает.

Всего описано четыре группы мишеней.

К первой относятся факторы, обеспечивающие ориентировку в действительности (субъективные модели действительности).

Ко второй – факторы, обеспечивающие исходное побуждение к определенной активности (потребности, склонности, интересы, идеалы, убеждения, чувства).

К третьей – факторы, влияющие на реализацию возникшего побуждения к конкретной поведенческой реакции (своего рода психологическим шлюзам, в определенных обстоятельствах либо способствующим

реализации активности в ее определенном воплощении, либо препятствующих этому – это установки, групповые и индивидуальные ценности, стереотипы, нормы).

К четвертой – фоновые факторы (состояние сознания, функциональные состояния, настроение) [1].

Основываясь на такой классификации методов мы ввели в наше исследование еще одну переменную – а именно условия реализации задачи психологического воздействия. Наша работа требовала рассмотрения указанных методов в условиях профессиональной деятельности следователя. Таким образом, при разработке опросника мы рассматривали методы воздействия организационного и воздейственно-психологического типа, классифицировали их в соответствии с четырьмя группами мишеней воздействия (мишенями предстали регуляторы активности). А затем, связав описанные методы с конкретными условиями протекания профессиональной деятельности следователя, на выходе получили матрицу характеристик отдельных приемов воздействия. В дальнейшем нам необходимо было описать или подобрать в психологической литературе описания приемов соответствующих характеристикам каждой ячейки полученной матрицы. При решении этой задачи мы использовали литературу, описывающую реально используемые приемы воздействия, разработанные, как в криминалистической тактике [2], так и в других профессиональных областях. Часто мы сталкивались с тем, что приемы, описанные применительно к сфере рекламы, прямых продаж [3], педагогики [1], а также к сфере внепрофессиональных межличностных отношений были универсальны для многих областей. На этом этапе нашей задачей было заполнение матрицы описаниями различных, включая внепрофессиональные, соответствующих критериям, приемов в количестве достаточном для составления опросника.

Поскольку в наши задачи входило изучение такой характеристики психологических воздейственных приемов, как правомерность, то в описания приемов были представлены как правомерные так и неправомерные приемы. Также, мы планировали оценить, какие приемы будут определены участниками нашего исследования как потенциально эффективные, т.е. с большей вероятностью приводящие к результату при их применении. При этом мы исходили из предположения, что ряд неправомерных приемов будет отнесен нашими респондентами к эффективным приемам. Чтобы определить описанные приемы в рамках их допустимости (правомерности) и эффективности (оправданности применения для более вероятного получения результата), мы просили участников исследования отнести каждый описанный нами прием к одной из четырех категорий «допустимо и оправдано», «недопустимо, но оправдано», «допу-

стимо, но неоправдано», «недопустимо и неоправдано». Таким образом, опросник позволяет выявить расхождения в представлениях об эффективности недопустимых и неправомερных методов. В данном случае мы исходим из предположения, что сотрудникам следственных органов свойственна установка на эффективность силовых методов воздействия. Предложенная нами сетка ранжирования приемов позволит выявить установку на неэффективность правомερных приемов воздействия.

Когда таблица приемов воздействия была заполнена, мы получили 51 краткое описание приемов психологического воздействия. В дальнейшем из них методом экспертной оценки были отобраны 32, которые и вошли в опросник. В качестве экспертов выступали следователи с большим стажем работы, а также психологи, разрабатывающие проблемы воздействия.

Приведем несколько примеров описаний составивших опросник. «После заданного вопроса выдерживается пауза примерно 10–15 секунд для того чтобы человек почувствовал «гнетущую» тишину и начал говорить (подтолкнуть человека говорить)», «Приводится сначала большее требование (завышенное по сравнению с необходимым воздействующему), потом оно «смягчается» его до более реального. Поскольку в таких случаях люди, чаще соглашаются». Затем эти описания были нами в случайном порядке (вне категорий матрицы) организованы в опросник.

В инструкции к опроснику требовалось отнести описанный прием к одной из четырех категорий: «допустимо и оправдано», «недопустимо, но оправдано», «допустимо, но неоправдано», «недопустимо и неоправдано». Пример бланка методики представлен в табл. 1.

Таблица 1

Методика оценки правомερности (допустимости) и результативности (определенности) различных приемов психологического воздействия в работе следователя (некоторые утверждения)

№	Утверждение	«допустимо и оправдано»	«допустимо, но неоправдано»	«недопустимо, но оправдано»	«недопустимо и неоправдано»
	Разговаривать с участником следственного действия на жаргонном языке, если он его употребляет				
	Обратить внимание собеседника на то, как меняется тембр и интонация его голоса, когда он говорит об определенных фактах дела				
	Помочь человеку правильно сформулировать свои показания в соответствии с общей картиной дела				
	Дать пояснения о тяжести преступления и о смягчении наказания при содействии со следствием или чистосердечном признании				
	Сообщить допрашиваемому о возможности применения более жестких методов допроса				
	Привести допрашиваемому вымышленный факт, который позволяет ему воспринимать ситуацию однозначно в нужном следователю ракурсе				
	Для того, чтобы разрушить убежденность человека в каком-то факте, предъявить наглядные доказательства (предметы, документы) опровергающие его убежденность				
	Дать понять собеседнику о том, что время ограничено и решение о даче показаний нужно принимать сейчас, пока еще не поздно				
	Преувеличить возможную тяжесть наказания для побуждения к сотрудничеству				
	Предъявить информацию, которая не может быть проверена допрашиваемым				
	Найти важный для собеседника мотив-«мишень», обращение к которому побудит его сотрудничать и быть более откровенным				
	Намекнуть участнику следственного действия о возможном применении более жестких методов допроса, если он не будет сотрудничать				
	Привести показания других свидетелей, противоречащих показаниям допрашиваемого				
	Для того чтобы убедить собеседника в чем-либо, надо самому быть убежденным в этом				
	Описать подробности возможного наказания, чтобы создать эмоционально напряженную ситуацию и побудить человека к сотрудничеству				

	Представить мнение (или показания) о ситуации лица, авторитетного для собеседника				
	Поощрять человека к диалогу – «вы же честный человек, давайте поговорим на чистоту...»				
	После заданного вопроса выдерживать паузу примерно 10–15 секунд для того, чтобы человек почувствовал «гнетущую» тишину и начал говорить				
	Пойти на уступку собеседнику, дабы вызвать уступку с его стороны				
	Использовать запугивание для создания эмоционального напряжения у допрашиваемого, чтобы побудить его давать показания				

Также требовалось оценить степень используемости того или иного приема следователями в их собственной работе по 5-балльной шкале, где 1 балл означал «вообще не используется», а 5 баллов – «используется постоянно». Таким образом, при помощи этого опросника мы планируем получить данные о том, какие приемы воздействия являются наиболее используемыми в работе следователя, а также степень их профессионализма в применении методов психологического воздействия. Кроме прочего опросник позволит выявить восприятие правомерных и неправомерных приемов воздействия как эффективных и неэффективных.

Нам представляется важным, что в опроснике заложено активизирующее воздействие. Оно, на наш взгляд, заключается в том, что с одной стороны, работая над опросником, следователи смогут провести «инвентаризацию» и осознание имеющихся у них в арсенале навыков и приемов психологического воздействия, а с другой стороны, познакомится с новыми для них приемами. Такой эффект опросника представляется нам полезным в плане повышения квалификации специалистов.

Поскольку исследование в данное время находится на этапе пилотажного, то мы посчитали целесообразным добавить в конце опросника один открытый вопрос, предполагающий развернутый ответ об используемых респондентами приемах воздействия не перечисленных в опроснике. Также учитывая то, что

исследование будет проводиться в индивидуальном порядке, психологам проводящим психодиагностику дана установка фиксировать устные высказывания респондентов о практике использования ими психологического воздействия. В дальнейшем, после проведения пилотажного исследования и анализа его результатов, планируется заменить некоторые описания приемов воздействия теми приемами, которые будут упомянуты при ответе на открытый вопрос.

В заключение необходимо отметить, что после этапа анализа результатов пилотажного исследования и внесения корректировок и дополнений в опросник, мы планируем провести исследование в котором будем изучать то, как соотносятся используемые следователями приемы психологического воздействия с их личностными особенностями. Результаты такого исследования будут полезны, как на этапе профессионально-психологического отбора, так и в сопровождении деятельности следователей и повышении их квалификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. – М.: Педагогическое общество России, 2000.
2. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. – М.: Издательский дом «Дашков и К», 2009.
3. Чалдини Р. Психология влияния. – СПб.: Питер, 2009.

ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН ВОЗРАСТОВ РАННЕЙ И ПОЗДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

**Афанасенко И.В.,
Онищенко А.И.**

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей самооотношения мужчин и женщин возрастов ранней и поздней взрослости – даны определения самооотношения в содержательном, структурном и функциональном аспектах его изучения; проведен сравнительный анализ особенностей компонентов самооотношения и способов самооотношения у мужчин и женщин в группах ранней взрослости и поздней взрослости; обозначены перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: самооотношение, интегральное самооотношение, субъект-субъектный и субъект-объектный способы отношения к себе.

Самоотношение является важнейшим компонентом самосознания личности, оказывающим влияние на проявление ее социальной активности и обуславливающим адекватность и дифференцированность последней. Самоотношение связано с саморегуляцией поведения и актуализируется на всех этапах реализации поведенческого акта. Самоотношение структурно определяется как специфическая активность субъекта в адрес своего «Я», реализуемая на трёх уровнях: уровне определённых внутренних действий и установках на эти действия; уровне эмоциональных измерений, в которых разворачиваются эти действия и уровне интегрального самооотношения [2, 7]. Интегральное самооотношение не просто отражает некоторое обобщенное чувство «за» или «против» собственного «Я» индивида, а само обладает сложным строением, определяемым различными факторами и процессами. Различные характеристики интегрального самооотношения могут выражаться в чувствах и переживаниях различных модальностей и обладать различным психологическим содержанием. Интегральное самооотношение понимается нами вслед за В.В. Столиным как особое когнитивно-аффективное образование личности, которое является результатом интеграции самопознания и эмоционально-ценностного самооотношения; общее чувство «за» или «против» себя как совокупность позитивных и негативных моментов самооотношения [7]. В структуре самооотношения выделяют два способа отношения к себе: 1) субъект-объектный, при котором личность может искать причинное объяснение собственных поступков как во внешних обстоятельствах, так и во внутренних

диспозициях, и 2) субъект-субъектный, при котором действия относительно «Я» в целом определяются усилиями, способствующими самовыражению [4].

Функционально самооотношение понимается как специфическая активность личности, сигнализирующая о смысле «Я» личности, способствующая самовыражению и самореализации личности, сохраняющая внутреннюю стабильность и контроль над действиями личности [2, 3, 4, 7].

Актуальность изучения самооотношения женщин и мужчин возрастов ранней и поздней взрослости связана с тем, что данные периоды жизни характеризуются проблемой достижения профессионального мастерства, сохранения социального статуса и ухода на заслуженный отдых, а также различными аспектами привязанности к семье. Широкий спектр направлений и степень самореализации женщин и мужчин этих возрастов, несомненно, связаны с их отношением к себе.

Целью исследования явилось изучение особенностей самооотношения мужчин и женщин возрастов ранней и поздней взрослости.

Предмет исследования – самооотношение субъектов возрастов ранней и поздней взрослости.

Объектом исследования выступили субъекты возрастов ранней (21–25 лет) и поздней (41–55 лет) взрослости в количестве 80 человек (по 20 человек мужчин и женщин каждой возрастной группы).

Методы исследования.

- Метод психологического тестирования – опросник самооотношения (Столин В.В., 1985); символические задания на выявление «социального Я»

(Long B., Ziller R., Henderson R., 1968); «Кто я есть в этом мире» [6].

- Метод качественного анализа.
- Методы математической статистики: критерий χ^2 Фридмана, Т-критерий Вилкоксона для выявления иерархии показателей самооотношения и значимости различий между ними [5]. При интерпретации полученных результатов учитывались достоверно значимые показатели при $p < 0,05$.

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования.

1. Самоотношение женщин и мужчин возрастов ранней и поздней взрослости будет обладать собственной спецификой.
2. Самоотношение женщин и мужчин возрастов ранней и поздней взрослости будет различаться по способу отношения к себе (субъект-субъектное, субъект-объектное, смешанное).

В результате эмпирического исследования были получены следующие результаты.

Особенности самооотношения женщин и мужчин возраста ранней взрослости. Ведущие показатели самооотношения субъектов возраста ранней

врослости отражены в таблице 1. Как у женщин, так и у мужчин возраста ранней взрослости выявлен высокий уровень глобального самооотношения. Самоотношение мужчин и женщин основывается на оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь, понимании себя, доверии к себе, позитивной самооценке, интересе к собственным мыслям и чувствам. Как для мужчин, так и для женщин не имеет большого значения уверенность в своей интересности для других. Таким образом, в отношении к себе они склонны ориентироваться как на уровень своих достижений, так и на веру в свои силы и способности, доверие к себе.

Самоотношение женщин и мужчин возраста ранней взрослости дифференцировано на уровне конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я». На уровне конкретных действий у женщин доминируют самоинтерес и самопринятие, а у мужчин доминируют самопринятие, самопонимание и самоинтерес. Таким образом, женщины и мужчины склонны к «дружескому» отношению к себе, обладают готовностью к проживанию своего опыта, интересом к внутренним потребностям и побуждениям и принятии их. Мужчинам так же присущ высокий уровень понимания своих желаний и стремлений.

На уровне частных самооценок (когнитивный аспект) в структуре самооотношения у женщин и у мужчин доминируют оценки себя по следующим параметрам: доброта, общительность, счастье, искренность. В отличие от мужчин женщины так же основываются на честности, а для мужчин большое значение имеют принципиальность, здоровье и ум.

Таблица 1.

Ведущие показатели в когнитивно-эмоциональном и поведенческом компонентах самооотношения и на уровне частных самооценок в группах женщин и мужчин возраста ранней взрослости

Женщины	Мужчины
Когнитивно-эмоциональный компонент	
самоинтерес, аутосимпатия ($X2r = 28,74$; $T = 31$)	самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес ($X2r = 6,01$; $T = 40$)
Поведенческий компонент	
самоинтерес, самопринятие ($X2r = 41,11$; $T = 29$)	самопринятие, самопонимание, самоинтерес ($X2r = 40,62$; $T = 43,5$)
Уровень частных самооценок	
доброта, привлекательность, общительность, счастье, искренность, честность ($X2r = 19,72$; $T = 32,5$)	общительность, счастье, доброта, принципиальность, искренность, здоровье, ум ($X2r = 12,88$; $T = 3,5$)

Качественный анализ изучения самооотношения женщин и мужчин возраста ранней взрослости позволил сделать следующие выводы: 90 % женщин и 75 % мужчин имеют средний уровень самооценки, которая является одним из жизненных регуляторов поведения личности. Это оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. Мысленное сходство с другими людьми в равной степени переживают как мужчины, так и женщины (65 % субъектов). Все женщины и 90 % мужчин считают себя частью социального целого или группы. Эгоцентричность в большей степени выражена у мужчин (70 %), чем у женщин (55 %), что определяет их отношение к окружающему миру, которое характеризуется сосредоточенностью на своём индивидуальном «Я».

Таким образом, самооотношение женщин и мужчин возраста ранней взрослости характеризуется высоким уровнем глобального самооотношения, которое дифференцировано на когнитивно-эмоциональном и конативном уровнях, формируется у мужчин как на основе внешних оценочных оснований (самоуважение), так и на основе внутренних оценочных оснований (аутосимпатия и самоинтерес), а у женщин только на основе внутренних оценочных оснований (аутосимпатия и самоинтерес).

На конативном уровне самооотношения доминируют самопринятие и самоинтерес, т.е. проявляется готовность к проживанию своего опыта, интересе к внутренним потребностям и побуждениям и принятии их.

На уровне частных самооценок (когнитивный аспект) в структуре самооотношения у женщин и у мужчин доминируют оценки себя по таким параметрам

как доброта, общительность, счастье, искренность. В отличие от женщин, которые основываются еще и на честности, для мужчин большую значимость имеют принципиальность, здоровье и ум. Следовательно, самоотношение женщин и мужчин возраста ранней взрослости будет строиться в зависимости от выраженности у них этих качеств.

Особенности самоотношения женщин и мужчин возраста поздней взрослости. Ведущие показатели самоотношения субъектов возраста поздней взрослости отражены в таблице 2. В группе женщин и мужчин возраста поздней взрослости выявлен высокий уровень глобального самоотношения. Самоотношение женщин и мужчин дифференцировано по основным шкалам методики самоотношения, т.е. оно основывается в равной степени на оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь, понимании себя, доверии к себе, позитивной самооценке, интересе к собственным мыслям и чувствам, но как для мужчин, так и для женщин не имеет большого значения уверенность в своей интересности для других. Таким образом, в отношении к себе они склонны ориентироваться как на уровень своих достижений, так и на веру в свои силы и способности, доверие к себе, а не на отношение к себе со стороны окружающих.

Вместе с тем, самоотношение женщин и мужчин данного возраста дифференцировано на уровне конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я». Однако у женщин на уровне конкретных действий доминируют самопринятие и самоинтерес, что говорит об их склонности к «дружескому» отношению к себе, о готовности к проживанию своего опыта, интересе к внутренним потребностям и побуждениям и принятии их. А у мужчин доминируют самопринятие, самопонимание, самопоследовательность, самоинтерес и самообвинение. Это свидетельствует о том, что мужчины возраста поздней взрослости так же склонны к «дружескому» отношению к себе, обладают готовностью к проживанию своего опыта, но еще обладают стремлением к внутреннему управлению своим поведением и способностью действовать на основе своих убеждений и ценностей.

На уровне частных самооценок (когнитивный аспект) в структуре самоотношения при общих с женщинами значимо доминирующих оценках по следующим параметрам: доброта, честность, общительность, искренность и счастье, у мужчин также можно отметить выраженность высоких оценок себя по таким параметрам как принципиальность и ум. Таким образом, самоотношение женщин и мужчин возраста поздней взрослости будет строиться в зависимости от выраженности у них этих качеств.

Таблица 2.

Ведущие показатели в когнитивно-эмоциональном и поведенческом компонентах самоотношения и на уровне частных самооценок в группах женщин и мужчин возраста поздней взрослости

Женщины	Мужчины
Когнитивно-эмоциональный компонент	
самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес ($X_2r = 3,61; T = 35,5$)	самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес ($X_2r = 2,92; T = 40$)
Поведенческий компонент	
самопринятие, самоинтерес ($X_2r = 30,77; T = 40$)	самопринятие, самопонимание, самопоследовательность, самоинтерес, самообвинение ($X_2r = 19,78; T = 26$)
Уровень частных самооценок	
доброта, общительность, счастье, искренность, честность ($X_2r = 28,21; T = 3,5$)	общительность, доброта, принципиальность, ум, искренность, честность, счастье ($X_2r = 19,12; T = 24$)

Качественный анализ изучения самоотношения женщин и мужчин возраста поздней взрослости позволил сделать следующие выводы: 85 % мужчин имеют средний уровень самооценки, а 55 % женщин имеют высокий уровень самооценки, следовательно, женщины более склонны к завышению оценки собственной личности, её значения, достоинств и недостатков. Мысленное сходство с другими людьми переживает большее количество женщин 85 %, чем мужчин 75 %. Частью социального целого или группы воспринимают себя 90 % мужчин и женщин возраста поздней взрослости, т.е. подавляющее большинство из них реализует потребности в принадлежности.

Высокая выраженность эгоцентричности присуща 35 % опрошенных мужчин и 70 % женщин. Это говорит о большей выраженности сосредоточенности на своём индивидуальном «Я» у женщин, а также об их стремлении в своих мыслях и поступках ставить в центр внимания собственное «Я».

Таким образом, самоотношение женщин и мужчин возраста поздней взрослости характеризуется высоким уровнем глобального самоотношения, которое дифференцировано на когнитивно-эмоциональном и конативном уровнях и формируется и у мужчин и у женщин как на основе внешних оценочных оснований (самоуважение), так и на основе внутренних оценочных оснований (аутосимпатия и самоинтерес).

На конативном уровне самоотношения у женщин доминируют самопринятие и самоинтерес, а у мужчин доминируют самопринятие, самопонимание, самопоследовательность, самоинтерес и самообвинение. Следовательно, их отношение к себе основано на объективной оценке собственных достижений, возможностей, способностей и общих достоинств, а так же на отсутствии отрицательного отношения к самому себе или к другим и соответствующего этому отношению поведения.

На уровне частных самооценок у женщин доминируют оценки себя по следующим параметрам: доброта, честность, общительность, искренность и счастье, а у мужчин по таким параметрам как общительность, доброта, принципиальность, ум, искренность, честность и счастье, т.е. самоотношение женщин и мужчин возраста поздней зрелости будет строиться в зависимости от выраженности у них этих качеств.

Особенности способа отношения к себе у мужчин и женщин возрастов ранней и поздней зрелости. Ведущие способы отношения субъектов отражены в таблице 3. В результате исследования путём суммирования данных по шкалам I и III (отражающих субъект-объектный способ самоотношения) и II и IV (отражающих субъект-субъектный способ самоотношения) были выделены следующие особенности самоотношения женщин и мужчин возрастов ранней и поздней зрелости.

Таблица 3.

Выводы о способе самоотношения в группах женщин и мужчин возрастов ранней и поздней зрелости

Возраст	Женщины	Мужчины
Ранняя зрелость	Субъект-субъектный способ отношения к себе: самоотношение дифференцировано и строится преимущественно на основании самоинтереса и аутосимпатии ($X_2r = 28,74$; $T = 31$)	Смешанный способ отношения к себе: самоотношение дифференцировано и строится преимущественно на основании самоуважения, самоинтереса и аутосимпатии ($X_2r = 6,01$; $T = 40$)
Поздняя зрелость	Смешанный способ отношения к себе: самоотношение дифференцировано и строится преимущественно на основании самоуважения, самоинтереса и аутосимпатии ($X_2r = 3,61$; $T = 35,5$)	Смешанный способ отношения к себе: самоотношение дифференцировано и строится преимущественно на основании самоуважения, самоинтереса и аутосимпатии ($X_2r = 2,92$; $T = 40$)

Женщины возраста ранней зрелости отличаются субъект-субъектным способом отношения к себе. Следовательно, женщины данного возраста склонны проявлять к себе интерес и принимать себя такими, какие они есть. Действия относительно «Я» при данном способе отношения к себе в целом определяются усилиями, способствующими самовыражению. Внутренний диалог способствует расширению «диапазона приемлемости» возможных способов действий в мире, самовыражения и самореализации. В результате такого отношения к себе повышается уровень пластичности жизнедеятельности субъекта. Самоотношение женщин с субъект-субъектным способом отношения к себе дифференцировано и строится преимущественно на основании самоинтереса и аутосимпатии, что говорит

о том, что они практически не нуждаются в признании со стороны других людей, характеризуются высокой степенью близости к себе, интересом к своим мыслям и чувствам, низким уровнем тревожности, уверенностью в себе и в собственном интересе для других людей, а также приятием себя в целом, вне зависимости от своих свойств и достоинств.

Мужчины возраста ранней зрелости, а так же женщины и мужчины возраста поздней зрелости отличаются смешанным способом отношения к себе. Самоотношение этих мужчин и женщин так же дифференцировано и строится в равной степени на основании самоуважения, аутосимпатии и самоинтереса. Это свидетельствует о том, что в формировании отношения к себе они склонны ориентироваться на свои достижения, также как и женщины возраста ранней зрелости не нуждаются в признании со стороны других людей, уверены в себе. Это говорит об их готовности принимать то, что они думают, чувствуют, желают и делают, о довольно высокой чувствительности к своим потребностям и желаниям, а также о стремлении лучше познать самих себя. В отличие от женщин этого возраста у мужчин в формировании самоотношения значительное место занимает оценка собственных достижений.

Таким образом, женщины и мужчины возрастов ранней и поздней зрелости различаются по способу формирования самоотношения: женщины возраста ранней зрелости склонны к субъект-субъектному способу отношения к себе и в формировании самоотношения основываются на самоинтересе и аутосимпатии; мужчины возраста ранней зрелости, а так же женщины и мужчины возраста поздней зрелости склонны к смешанному способу отношения к себе и в формировании самоотношения основываются на самоуважении, аутосимпатии и самоинтересе. Вместе с тем для всех групп респондентов характерно отсутствие потребности в оценке их другими людьми, т.е. при формировании самоотношения они не склонны ориентироваться на общественное мнение в собственный адрес. Следовательно, самоотношение женщин и мужчин возрастов ранней и поздней зрелости различается в зависимости от способа отношения к себе. Таким образом, в результате эмпирического исследования выдвинутые гипотезы были подтверждены.

Изучение самоотношения у мужчин и женщин возрастов ранней и поздней зрелости может быть практически значимо в области психологии личности для расширения представлений о феномене самоотношения, в области возрастной психологии, в практике психологического консультирования по вопросам развития личности и её самореализации.

Перспективы исследования мы видим в изучении особенностей самоотношения у людей возраста

средней взрослости, предпенсионного возраста, а так же изучение особенностей самоотношения в связи с полом, возрастом, семейным статусом и профессиональной направленностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – СПб.: Речь, 2000. – 440 с.
2. Пантеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М: Изд-во МГУ, 1991. – 110 с.
3. Психология самоотношения: учебное пособие / А.М. Колышко. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 102 с.
4. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: «Мецниереба», 1989. – 206 с.
5. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб: Речь, 2001. – 350 с.
6. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во института психотерапии, 2005. – 490 с.
7. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 284 с.

К ВОПРОСУ О РЕФЛЕКСИИ

Кайдановская И.А.

Феномен рефлексии был известен в античные времена. Термин «рефлексия» получил распространение в научных кругах после семнадцатого века. Проработка вопросов, связанных с этим феноменом осуществлялась в трактатах о бытии и познании. В двадцатом веке рефлексия, как механизм существования и развития человека или общества, стала предметом психологических исследований.

Ключевые слова: рефлексивная абстракция, самосознание, рефлексивное сознание, обратимость знака, внешняя рефлексия, внутренняя рефлексия, аутостимуляция.

Феномен рефлексии рассматривался в разных контекстах и с разных теоретических позиций. Наиболее полное выражение этого феномена было достигнуто в гносеологии как учении о началах, видах, способах познания, критериях достоверного знания. В том же ряду находятся психологические исследования мышления как процесса решения логических или творческих задач. Иное выражение рефлексии было достигнуто в исследованиях процессов кооперации и коммуникации. В этих исследованиях на передний план выдвигается проблема субъекта познания, того, кто, собственно говоря, контролирует этот процесс. Еще одна тематическая область, в рамках которой происходило рассмотрение и осмысление этого феномена – сознание, самосознание и становление человека как личности. Любое событие приобретает свое фактическое значение в контексте той ситуации, где происходит, и это в полной мере относится к рефлексии, как феномену, известному с древних времен.

Рефлексия, как основание и условие развития умственных способностей была известна мудрецам и философам античных времен. Девизом школы Сократа было изречение: «Познай самого себя». С этой целью был разработан метод, получивший название «диалектика». Обучение в школе Сократа начиналось с формирования установки: «Я знаю, что ничего не знаю», вслед за которой формулировался вопрос типа: «Что такое мужество?» – и далее стоило как диалог, направленный на поиск такого ответа, для которого философ не сможет подобрать контраргументов. В результате ученики Сократа, начиная с исходной установки и, совершив, своего рода, путешествие в поисках предельно общего понятия из области этики, возвращались, как все герои,

в исходный пункт («Я знаю, что ничего не знаю») как истинно верному суждению. Здесь вполне уместен вопрос: причем тут рефлексия?

Дело в том, что ученики бывают разные. Одни в этой ситуации дают реактивный ответ. В этом случае глубина рефлексии близка к нулю. Другие, более мотивированные на учение, будучи в состоянии готовности начать с «чистого листа», совершают в своем ментальном пространстве действительный поиск идеальных примеров мужества. В этих случаях можно говорить о рефлексии, глубина которой контролируется и определяется учителем с помощью примеров, не подпадающих под понятие или противоречащих искомому понятию. Такая ситуация обучения является действительно-развивающей, иными словами, расширяющей семантическое пространство учащихся, способствуя таким образом, с одной стороны, обобщению понятия, с другой, – степени погруженности в предмет обсуждения как показателя глубины рефлексии.

Диалектика – это учение о развитии. В данном случае мы имеем дело с развитием мышления. Диалектичность этого метода в том, что учащиеся, совершая поиск идеального ответа на вопрос, после каждого контраргумента, возвращаются к исходной позиции, возобновляя его снова и снова, но это вовсе не означает зацикливание, хотя такое тоже возможно, напротив, каждый новый виток поиска осуществляется с учетом контраргументов, следовательно, по другой траектории ментального пространства. В результате это пространство упорядочивается, иными словами, становится подлинным микрокосмом.

Приставка «диа-» в словах «диалектика», «диалог» означает, что развитие мышления – это процесс, разделенный между двумя субъектами, предполагающий

участие обеих сторон, каждая из которых, в меру своей причастности к обсуждаемому вопросу, разбивается в интеллектуальном отношении.

Понимание развития живых организмов, космоса, знаний как нелинейного процесса с круговой причинностью, закольцованного в точке первоначала, получило выражение в «колесе» буддийской философии, учения Гераклита, неоплатоников, в работах Ф. Шеллинга, Г. Гегеля и ряде психологических и психофизиологических теорий XX в. (Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, Н. Бернштейна и др.). Рефлексия в этих процессах представлена как своего рода механизм обратной связи, который, как пишет Б.М. Величковский, выполняет не только ретроспективную, но и проспективную (предвосхищающую) функцию, обеспечивая тем самым динамический баланс саморазвивающейся системы [2, с. 374]. Примером тому является хорошо известный в философии и психологии факт, состоящий в том, что рефлексия собственного опыта и, в еще большей степени, описание отрефлексированного содержания парадоксальным образом изменяет отношение человека к самому себе, что в свою очередь, отражается на его отношении к окружающему миру. Этот факт зафиксирован в учении о катарсисе, которое восходит к философии Платона, согласно которой занятия философией очищают душу.

Описание рефлексии, как способности души созерцать саму себя и свою деятельность, было дано Платином, который, благодаря раскрытию нового предназначения этого феномена, стал признанным основоположником нового направления в философии – неоплатонизма. Само понятие «рефлексия», вероятнее всего, восходит к Д. Локку и его учению о двух видах опыта (6).

Вопрос о достоверности знаний был предметом размышлений философов Нового времени. Одним из ярких представителей этого времени является Р. Декарт. Человек, согласно Декарту, рождается дважды: первый раз – как телесное существо, наделенное способностью движения и ориентации в пространстве, второй – как субъект мышления, осознающий себя как такового. Мыслящему «Я» свойственны два режима существования – в реальном пространстве и в континууме мышления. Первый способ существования обеспечивается рефлекторными механизмами, второй – рефлексивными. Переключение из одного режима в другой осуществляет мыслящее «Я».

Существование в режиме мышления характеризуется осознанностью действий, чувственного опыта и означает способность рефлексирования (когитации) накопленных знаний. Благодаря этому знания систематизируются. Нижний уровень этой системы образует наивный, можно сказать, бессознательный опыт, подобный тому, который в современной когнитивной психологии называется процедурным

знанием, включающим моторные навыки и прайминт-эффекты. Более высокий уровень образуют знания о себе как субъекте познания и о том, что он знает. Этот уровень выражается формулой «Я знаю». Еще более высокий уровень присущ тем, кто способен мыслить «во всей полноте», будучи уверенным в том, что ничего не пропущено и все сомнения разрешены. Этот уровень выражается в формуле «Я знаю и знаю о том, что знаю», а знания, соответствующие этому, по сути дела, рефлексивному критерию, рассматриваются как достоверные [9]. Характерным для философии Декарта является и то, что условием выхода из автоматического режима и появления рефлексии является сомнение, другими словами, субъективное состояние, интроспектируемое субъектом. Получается, что критерием достоверности знания является глубина рефлексии, степень которой определяется степенью уверенности мыслящего субъекта в том, что ничего не пропущено и отсутствием у него же каких-либо сомнений в завершенности проработки и истощенности вопроса.

Идеи Р. Декарта о тщательности проработки предметного материала как показателе глубины рефлексии и расширения ментального пространства до состояния «во всей полноте» получили дальнейшее развитие в трудах Г. Лейбница. Он ввел в научный оборот понятие «бессознательные идеи» и «апперцепции» как нулевой и высший уровень развития сознания, отличающиеся между собой ясностью, отчетливостью, осознанностью и достоверностью знаний. Развитие сознания рассматривается как процесс равномерного и последовательного наращивания рефлексивных способностей, а человек – как саморазвивающаяся и самодостаточная «монада», содержащая в своих недрах все то, чего еще нет, но только будет. Монады, по Лейбницу, «не имеют окон» через которые они могли бы сообщаться друг с другом, они ни в ком и ни в чем не нуждаются для развития психики и сознания. Даже самосознание, как способность «всматриваться в себя как в зеркало», так же как и все другие способности, изначально заложены в генетическую программу, контролируемую и направляемую к лучшему «принципом предустановленной гармонии» [7].

Подводя черту в кратком обзоре философских учений, отметим, что рефлексия в работах философов рассматривалась как онтологическое основание сознания, предпосылка и критерий достоверности объективного знания, инструмент и метод познания. Субъект познания в этих исследованиях вводится как факт, не вызывающий сомнений или предполагается как само собой разумеющееся, подобно тому как «Я» (личное местоимение) предполагается в автобиографических анкетах, эгоцентрической речи детей или внутренней речи взрослых.

Иной принцип построения теоретических конструкций получил распространение в XX в. В концепции Ж. Пиаже, швейцарского биолога, психолога и логика, в качестве исходного основания предусматривается субъект, объект и связующее их звено в виде действия, «не знающего самого себя» и рассматриваемого как «периферия» познания, исходную точку, из которой познавательный процесс разворачивается одновременно в двух направлениях – объекта и действий, направленных на этот объект. Согласно Ж. Пиаже, субъект, создавая из объектного материала разнообразные композиции, открывает для себя устойчивые свойства этого материала, связи между трансформациями объекта и собственными действиями, наконец, сами действия как объект познания, по отношению к которым применяются интеллектуальные операции (интериоризированные действия), позволяющие координировать непосредственные впечатления и предвосхищать возможные исходы событий.

Интеллект в этой концепции представлен как многоуровневая система взаимосвязанных между собой по вертикали и горизонтали сенсомоторных координаций и «мобильных психических структур». Центральное место в этой системе занимает действие, осознание которого составляет генеральную «линию» в развитии интеллекта.

Осознание действий, по Ж. Пиаже, представляет собой процесс концептуализации, который завершается построением логических структур. Инструментом извлечения знаний из сферы собственных действий является рефлексивная абстракция, а использования приобретенного опыта – рефлексирование сформированных логических структур. Каждое открытие в сфере собственных действий приводит к транспозиции и реорганизации сложившихся интеллектуальных структур в направлении большей, с одной стороны, целостности, с другой – мобильности. Реорганизованные интеллектуальные структуры, в свою очередь, оказывают обратное влияние на совершаемые субъектом действия. Главным свойством действий, когнитивных структур и всей системы в целом является обратимость и направленность на достижение тотального равновесия [11].

Субъект-субъектные взаимодействия, по Ж. Пиаже, строятся параллельно субъект-объектным, поскольку, как пишет он, «эти два вида опыта в реальной действительности неразделимы» [11, с. 215]. Кооперация рассматривается им как операция, разделенная между субъектами. Тоже самое – диалог. Центрация на собственных действиях, означающая их неосознанность и эгоцентризм, как неспособность учитывать точку зрения другого, по Ж. Пиаже, – однопорядковые феномены. За ними скрывается отсутствие координаций и неуравновешенность отношений с любым

объектом. Интеллектуальный обмен между индивидами, как пишет он, представляет собой систему приведенных в соответствие типа: такому-то отношению, установленному с точки зрения А, соответствует (как результат обмена) такое-то отношение с точки зрения В, а такая-то операция, осуществленная А, соответствует такой-то операции, осуществленной В. «Интеллектуальный обмен между индивидами, – пишет он далее, – можно сравнить с огромной по своим размерам и непрерывной партией в шахматы, где каждое действие, совершенное в одном пункте, влечет за собой серию эквивалентных или дополнительных действий со стороны партнеров» [11, с. 220]. Интеллектуальные структуры, по Пиаже, – это не что иное, как совокупность взаимосвязанных между собой правил, обеспечивающих реципрокность игроков и согласованность их игры.

В отечественной психологии широкое распространение получила теория Л.С. Выготского, согласно которой человек встроены в исторически развивающуюся социо-культурную среду и главным условием, точнее «источником» развития человека является «социальная ситуация», как сложившаяся система межличностных отношений, в которую по факту своего рождения включен ребенок. Развитие высших психических функций и сознания в целом, как пишет он, осуществляется в направлении от социального к индивидуальному, от интерпсихического к интрапсихическому [3].

Рефлексия, как предмет специального рассмотрения, определяется Л.С. Выготским как направленность психических функций и речи ребенка на осознание собственных действий. Речь, как пишет он, вплетается в действие, начиная «с хвоста», фиксируя достигнутый результат, затем сопровождает действие, фиксируя ключевые моменты, наконец, – опережает действие, выполняя функцию планирования будущих действий [3].

Ключ к решению вопроса о природе рефлексивных процессов Л.С. Выготский видел в социальных по своей природе коммуникативно-кооперативных взаимодействиях и средствах, развивающихся в этих взаимодействиях, среди которых первостепенная роль отводится знаку, слову как универсальному знаку и речи. Язык и речь, по Выготскому, – это орудие развития высших психических функций: будучи средством коммуникации и построения взаимоотношений, язык (речь) становится средством автокоммуникации, построения отношений к самому себе, воздействий на самого себя и свою собственную деятельность.

Сознание в работах Л.С. Выготского представлено как многоуровневая, структурированная и саморазвивающаяся система, в которой выделяется две стороны: внешняя (система психических функций)

и внутренняя (система смыслов и значений). Развитие этой системы представляет собой трехступенчатый процесс.

Первая ступень определяется как наивное сознание с характерными для него натуральными психическими процессами. Центральное место в системе сознания на этой ступени его развития занимает восприятие, определяющее специфические особенности этой ступени как непосредственного сознания здесь и теперь.

Вторая ступень определяется как ступень «действующего Я», практического сознания, сознательно-го общения, интерпсихических взаимодействий. На этой ступени центральное место в системе сознания занимает память, под знаком которой происходит полная перестройка всей системы: появление устойчивых представлений, формирование внутреннего феноменального слоя (плана) сознания и развитие репродуктивного воображения приводит к тому, что восприятие становится проективным, а мышление осуществляется в форме припоминания.

Третья ступень – ступень самосознания, «рефлексирующего Я», рефлексивного сознания, интрапсихических взаимодействий. На этой ступени центральное место в системе сознания занимает мышление, в результате восприятие становится осмысленным, а память осознанной.

Развитие сознания представлено в концепции Л.С. Выготского как процесс количественных изменений и качественных преобразований, осуществляющихся в трех направлениях: расширения сферы сознаваемого и, соответственно, ориентации в пространстве; иерархизации взаимосвязанных и взаимообусловленных уровней сознания, обеспечивающей возможность не только ретроспективной, но и проспективной активности и, соответственно, ориентации во времени; формирования внутреннего, ментального пространства смыслов и значений и, соответственно, интрапсихических взаимодействий в этом, по сути дела, идеальном мире, «мире идей».

Знак, как средство воздействия, прежде всего на других, а затем на самого себя и потому – «инструмент», «орудие» формирования высших психических функций, которое становится таковым в системе субъект-субъектных взаимодействий. Основным свойством знака является «обратимость», но для того чтобы знак приобрел это свойство, субъект должен совершить «обходной путь», освоив на этом пути его социо-культурное значение или значение для другого, а это, в свою очередь, связано со структурно-функциональной перестройкой сознания, составляющей содержание стадии «вращивания» (второй ступени в развитии системы сознания).

Возьмем, к примеру, крик новорожденного. Что это – чисто физиологическая реакция, вроде перво-

го вдоха, первородный акт самоактуализации или сигнал, свидетельствующий о полной остановке естественных, автоматически текущих процессов и обращенный к тем, кто обладает соответствующей рецептивной системой? В этой ситуации акустический сигнал, предуготовленный самой природой, будучи воспринятым, определенным в своем значении реципиентом и отреагированным, возвращается к пациенту, но в иной форме – форме действия, направленного на восстановление прерванных актом рождения жизненных процессов. Здесь завязывается узел комплементарных и обратимых отношений между стимул-сигналом и действием, внешней и внутренней сторонами знака, знаком в себе, для другого и для себя, – отражающий общий закон развития высших психических функций, сознания и личности [4, с. 223].

Согласно Л.С. Выготскому, всякая высшая психическая функция «появляется на сцене дважды – <...> сперва как форма сотрудничества между людьми, <...> как интерпсихическая, затем как средство индивидуального поведения, <...> как интрапсихическая» [5, с. 62–64]. Иными словами, все высшие психические функции обнаруживаются сначала другими, затем самим собой и становятся таковыми, прежде всего для других, затем для самого себя. Тот же путь проходит в своем развитии сознание и личность.

В соответствии с этим, рефлексия как обращение психических функций на самого себя, свои действия, речь, – появляется на «сцену» дважды и обнаруживается как таковая сначала, на стадии действующего Я, – другими, затем, на стадии рефлексирующего Я, – самим собой. На первой ступени развития сознания функцию рефлексии осуществляют другие, прежде всего родители и родственники, окружая новорожденного вниманием и заботой, отслеживающие и осмысливающие все сигналы, подаваемые им, обеспечивающие восстановление всех жизненных функций в новых для него условиях и формирование социо-культурных средств аутостимуляции, саморегуляции и саморазвития. В работах В.И. Слободчикова этот вид рефлексии получил название «внешней», в отличие от производной от неё «внутренней», которая, пройдя через ступень «вращивания», сворачивается для других и разворачивается самим собой и для самого себя. Внутренняя рефлексия как акт самообнаружения, презентированный индивиду в самоощущениях, самочувствии, самодеятельности, будучи выраженной в форме доступной для восприятия и понимания другими, возвращается и культивируется этими другими в ходе реализации социокультурной программы воспитания и обучения, сложившейся в обществе.

В истории философии и психологии был зафиксирован тот факт, что познание внешнего мира пред-

полагает в своей основе определенное отношение субъекта не только к объекту, но и к самому себе. Иначе говоря, познание окружающей действительности осуществляется в системе отношений «субъект – объект», но выделение объекта из множества других предполагает хотя бы элементарную форму самосознания, позволяющего дифференцировать внешние и внутренние источники воспринимаемых изменений объекта. В свою очередь было показано, что самосознание, то есть осознание самого себя как субъекта познавательной деятельности осуществляется и развивается в системе отношений «субъект – субъект», предполагающей построение отношений субъекта к другому субъекту как себе подобному и отношение к самому себе как подобному другому. Иными словами, отношение субъекта к самому себе опосредовано отношением к нему другого человека, а последнее – тем, как субъект относится к этому другому.

Эта двойственность познавательных отношений свидетельствует о том, что познание как процесс, представляет собой саморазвивающуюся систему с обратной связью, предполагающую в своем основании два вида рефлексии – внешнюю и внутреннюю. Любая система, будь то живой организм, функционирующий в условиях естественного отбора или человек – в условиях социальной среды, развиваясь, достигает такой стадии, на которой возникает механизм типа рефлексии. Развитие таких систем направлено в сторону усиления в них процессов рефлексивного типа, поддерживающих устойчивость системы в пространстве и изменчивость во времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Г. Использование психологических моделей мышления в изучении и диагностике шахматного творчества // Исследование проблем психологии творчества. – М.: Наука, 1983.
2. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. – Т. 2.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Научное наследие / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1984.
6. Лекторский В.А. Л.С. Выготский и проблема рефлексии // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1981.
7. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2.
8. Локк Дж. Сочинения в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2.
9. Мамардашвили М.К. Картезианские размышления. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993.
10. Петров В.М. Рефлексия в истории художественной культуры. Ее роль и перспективы развития // Исследование проблем психологии творчества. – М.: Наука, 1983.
11. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Просвещение, 1969.
12. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. Классификация и серияция. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
13. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии // Психология человека: Введение в психологию субъективности. – М.: Школа-Пресс, 1995.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИНТИМНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Горельцева В.В.

Научное определение феномена интимности позволяет глубже проникнуть в механизмы и процессы общения и межличностных отношений. На сегодняшний день интимность как термин не имеет четких содержательных границ и зачастую смешивается с другими понятиями, описывающими межличностное взаимодействие. В статье представлен обзор зарубежных концепций интимности. Выделены уровни, ключевые компоненты и временные аспекты феномена.

Ключевые слова: интимность, близость.

Понятие интимности включает в себя сексуальные и личные отношения, характеризующиеся близостью и открытостью. Латинский корень *intimus*, означает «самый внутренний». Следовательно, интимность касается самых внутренних качеств человека. Интимная близость связана с пониманием одним человеком глубинных внутренних качеств Другого. Это понимание конфиденциально и обычно скрывается от публики [15]. Поэтому научное определение феномена интимности позволяет глубже проникнуть в механизмы и процессы общения и межличностных отношений. Однако как дать строгое научное определение тому, что характеризует глубоко внутренние процессы межличностных отношений? К. Прэгер обращает внимание на то, что в попытках определения интимности проблемой является отнесение этого феномена либо к индивидуальному качеству личности, либо к качеству ее системы отношений [10]. Интимность часто смешивают с понятиями любви, близости, самораскрытием, поддержкой, связью, привязанностью и сексуальностью.

К. Прэгер выделяет четыре функции, которые должно выполнять научное определение интимности: 1) интеграция различных перспектив в понимании того, что есть интимность; 2) определение отношения между различными компонентами близости; 3) различение собственно интимности от соотносящихся понятий; 4) признание недостижимости абсолютного определения феномена интимности.

Интимность обычно характеризуется широким диапазоном эмоций, включая доброту, нежность, сексуальную привлекательность, удовольствие в удовлетворении желаний и потребностей Другого, и радость в разделении значимых моментов, действий, и проектов. По Э. Гидденсу, интимность, прежде всего, предполагает эмоциональную связь с собой

и другими в контексте равенства, причем доверие должно побеждать и активно поддерживаться [2]. Э. Берн полагает интимность в качестве особого – искреннего – отношения партнеров, находящихся в Эго-состоянии «Ребенок», которое характеризуется акцентом на чувственности [1]. Э. Эрон с коллегами рассматривают интимность как эмоциональный опыт психологической близости, сопрягающийся вовлечением в личность партнеров ресурсов (материальных благ, знаний (концептуальных, информационных, процедурных), объектов социальной сферы), перспективы и идентичности Другого [3].

Р. Бергнер и Э. Бридж выделяют следующие черты, характерные для интимности, понимаемой как эмоциональная близость: 1) инвестиции в благополучие любимого, 2) связи, 3) восхищение, 4) сексуальное желание, 5) близость, 6) обязательства, 7) исключительность, 8) понимание [5].

В результате феноменологического исследования интимности Л. Реджистер и Т. Хенли выделили семь компонентов, которые составляют центральную структуру интимности: 1) невербальное общение; 2) существование; 3) время; 4) границы (стирание границ между людьми); 5) тело (повышение значимости тела и телесных прикосновений); 6) судьба и сюрприз (описание опыта как необычного и очень естественного; предначертанность); 7) преобразование, трансформация (что-то новое через движение или слияние) [13].

Опыт ранжирования испытуемыми категорий описывающих отношения интимности, выделенных в процессе аналогичного исследования показал, что самораскрытие определяется в качестве основного аспекта интимности в межличностных отношениях. Выражение любви, совместимости, сплоченности, идентичности, и умение разрешать конфликты были

также выделены как важные аспекты интимности. Сексуальное удовлетворение считается менее важным, чем предыдущие компоненты близости [16].

К. Прэгер и Л. Робертс предлагают разделять интеракционную интимность (*interactional intimacy/intimate interactions*) и интимные отношения (*intimate relationships*) [9]. Интеракционная интимность связана с поведением самораскрытия, положительной причастностью к Другому и общими соглашениями. Тогда как интимные отношения характеризуются степенью и качеством близости. Поведение самораскрытия заключается в показе персональных, частных аспектов личности Другому или в приглашении Другого в зону приватности, которое может репрезентироваться через вербальное и невербальное поведение. Положительная причастность во взаимодействии заметна через вербальное и невербальное поведение, которые показывают положительную непосредственность свидетельства. В интимном взаимодействии оба партнера испытывают ощущение знания или понимания некоторых аспектов внутреннего опыта Другого, частные мысли, чувства, или верования, характерные ритмы, привычки, или установившиеся практики, частные сексуальные фантазии и предпочтения. Интимные отношения, согласно К. Прэгер и Л. Робертс, складываются на основе длительной интеракционной интимности. Они характеризуются взаимным, накопленным, разделенным личностным знанием. Критерием определения отношений в качестве интимных является континуум относительной близости, ее степень и качество. Интимные отношения развиваются под воздействием двух факторов: полноты и точности личностной информации, получаемой друг о друге близко взаимодействующими партнерами.

Для развития интимных отношений необходимо, чтобы пары использовали скоординированные стратегии перемещений в континууме интимных взаимодействий (от личностного сближения до личностного отдаления). Цитируемые авторы выделяют три основных типа последовательностей регулирования интимности, определяющие частоту и содержание интимных интеракций, а также связывающих предсказуемые последствия с уместным поведением.

Первый тип определяет последовательность взаимного обмена личностной информацией, последовательность сближения и отдаления в динамике развития интимных отношений. Второй тип определяет последовательность действий по прекращению интимных отношений, их свертыванию через согласие на отдаление или сопротивление ему. Третий тип определяет шаги по уменьшению степени близости. Динамика в функционировании интимных отношений неизбежна, потому что потребность в близости

с Другим находится в «диалектическом напряжении» с другими потребностями (например, в автономии).

Э. Коунески и Д. Олсон утверждают, что интимность связана с паттернами гибкости и психологической близости в отношениях [8]. Близость в паре означает эмоциональную связанность, возможность полагаться друг на друга, поддержку, наслаждение отношениями и принятие друг друга. Для оценки близости в паре, указанными исследователями были выделены следующие категории: связь, решение конфликтов, семейство и друзья, досуг, сексуальные отношения, духовность и вера, дети и воспитание, финансовое управление, проблемы индивидуальности и эгалитарные роли. При этом интимность измеряется как степень позитивного восприятия отношений.

Джэмисон выделила шесть ключевых характеристик интимности: 1) сходные ассоциации; 2) общее знание; 3) знание о тайных, сокровенных сторонах личности друг друга; 4) знание и понимание любви и доверия; 5) забота; 6) соучастие в жизни друг друга [7].

Бликие отношения могут быть успешно поняты с помощью анализа теории взаимозависимости. К. Расбалт совместно с коллегами предложила матричную репрезентацию ситуационной структуры отношений интимности (на основании разработок Тибо и Келли) [14]. Теория взаимозависимости представляет логический анализ структуры межличностных ситуаций и предлагает концептуальную основу для анализа ситуаций взаимозависимости, в терминах вышеперечисленных свойств. Авторы предположили, что близость существует в случае, если хотя бы один из партнеров зависим. Комбинация зависимости и других структурных свойств определяет характер близкой взаимозависимости, представляя партнеров с определенного рода проблемами и возможностями, позволяя логически оценить вероятность тех или иных мотивов, найти допустимые способы их выражения. Уровень зависимости описывает степень, в которой индивидуум «полагается» на партнера взаимодействия, в этом его, или ее результаты – под влиянием действий партнера. Структуры взаимозависимости определяются следующими компонентами: 1) управление субъекта – воздействие каждого субъекта на собственные действия; 2) управление партнером – воздействие каждого субъекта на результаты партнера; 3) совместное управление – влияние совместных действий субъекта и партнера на результаты партнера; 4) ковариация интересов – мера, в которой результаты субъекта и партнера коррелируют положительно (согласованные интересы) или отрицательно (конфликт интересов).

Вышеперечисленные компоненты определяют четыре структурные свойства интимности: уровень зависимости, обоюдность зависимости, базис за-

зависимости и ковариация интересов. Уровень зависимости определяет степень, в которой результаты субъекта зависят от действий партнера. Обоюдность зависимости определяет степень равноценности зависимости партнеров. Базис зависимости описывает способ влияния партнеров на результаты друг друга, применяя либо управление партнером, либо совместное управление. Ковариация интересов описывает меру, в которой соответствуют друг другу результаты партнеров.

Д. Беннет подчеркивает темпоральную и динамическую составляющие интимной связи и выделяет четыре формы уравнений «интимность-время» [4]. Первая, определяемая автором как наиболее популярная, показывает, что реальная близость требует затрат времени: для подлинной близости два человека должны быть готовы дать или проводить время друг с другом. Первая форма предполагает, что близость приравнивается к взаимным обменам самораскрытия, уязвимости или сексуальности. Вторая форма: более глубокий опыт близости влечет за собой переживание некоторой трансцендентности временного мира. Третья форма состоит в чувствительности к естественным временным качествам, таким как циклы, ритмы, периоды сближения и отдаления – определяет способность к интимности. Именно в языке чувственности и сексуального диалога можно видеть это уравнение наиболее часто. Четвертая форма заключается в переживании времени во всех его личностных аспектах и даже в смысле смертности зависит от приоритетов интимности и проведения времени с другими людьми. То есть, наши социальные отношения, особенно те, которые мы считаем самыми интимными, определяют время в самой экзистенциальной и личной манере. Автор также считает, что время проходит быстрее в приятном или интимном контакте. Опыт четвертого уравнения переживается наиболее остро, когда мы ждем, или ждали, интимности с Другим или когда мы выкупаем прошлое через прощение. Близкие отношения часто заставляют развивать добродетели трезвости, терпения, смирения и спокойствия; аттitudes, которые требуют более глубокого отношения ко времени.

Опыт интимности может формировать отношения и отличить их от других отношений. С другой стороны, различные формы отношений могут стимулировать и формировать интимный опыт. Д. Беннет также утверждает, что именно опыт переживания интимности катализирует трансформацию отношений, через изменение в их характере, в дружеские, эксклюзивные, партнерские, семейные или сексуально совершенные [4].

Г. Рейс и П. Шевер определяют интимность как межличностный процесс, который включает в себя

сообщение личных чувств и информации другому лицу, которое отвечает тепло и сочувственно [11]. Такой процесс также является последовательным развертыванием соответствующих мыслей, чувств и поведения, каждое из которых зависит от предшествующих условий и ожидаемых последствий. Авторы выделяют два принципиальных компонента интимности: самораскрытие и живой отклик партнера. Самораскрытие категоризируется как принадлежащее одному из типов: а) фактическому, или описательному (сообщение персональных фактов, информации) и б) эмоциональному, или оценочному (связь персональных чувств и мнений). Авторы также описывают интимность как тип близости, подчеркивая необходимость подтверждения правильности и заботу. Другие типы близости включают скорее поведенческие формы взаимозависимости, в которых партнеры влияют на поведение друг друга. Чувство близости и поведение близости представляют собой независимые формы близости.

У. Айкес совместно с коллегами в контексте модели Г. Рейс и П. Шевер расширил определение интимности, включив в нее эмпатическую точность – способность точно вывести определенное содержание мыслей и чувств партнера по взаимодействию [6]. Эмпатическая способность, или точность, может влиять на степень верности интерпретации самораскрытия другого и, в свою очередь, соответствия пути, который показывает верность понимания, заботы, и принятия партнера. Слишком высокий уровень эмпатической точности может производить негативный эффект в виде повышения конфликтности в отношениях в случаях, когда (а) эмоциональные и познавательные способности партнеров включают противоречивые различия, которые должны остаться нерешенными; (б) их эмпатическую точность изменяет или даже уничтожает иллюзии, которые помогали поддерживать отношения; и (с) эмпатическая точность одного партнера интерпретируется другим как навязчивая и прямолинейная.

Процесс восприятия партнера в процессе взаимодействий может влиять на интерпретацию раскрываемой личностной информации. Г. Рейс и коллеги осмысливают роль социального восприятия в близости как интерпретирующие фильтры, используемые индивидами для регистрации и интерпретации поведения партнера во взаимодействии, включая мотивы и цели, которые затрагивают виды интерпретаций и оценок, которые уже сделаны [12].

Центральная характеристика интимности – взаимодействие. Интимность осмысливается как динамический процесс, разворачивающийся через какое-то время. Исследователи признают, что хотя устойчивые характеристики могут делать отношения близкими, степень близости может существенно изменяться.

Описываемая модель предоставляет теоретический механизм, отражающий опосредование и регулирование процесса интимности, посредством которого она развивается, находясь под влиянием индивидуальных факторов различия. Эта модель подтверждает, что близкие отношения состоят из повторных близких взаимодействий с течением времени, которые вносят свой вклад в более глобальные оценки качества отношений. Методологическое значение рассмотренной модели заключается в возможности изучения процесса близости через оценку самораскрытия и живого отклика партнера неоднократно, через определенные промежутки времени в пределах отношений.

Таким образом, интимность может быть концептуализирована множеством способов, основанных на различных измерениях, относимых к интимности, и включает уровни анализа (например, уровень индивидуальности или взаимодействия), центральный компонент (например, раскрытие информации и отклик партнера) и временные аспекты (статичность против процессуальности).

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Секс в человеческой любви / пер. с англ. М.П. Папуша. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. В. Анушин. – СПб.: Питер, 2004.
3. Aron A.P., Mashek D.J., Aron E.N. Closeness as Including Other in the Self // Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 27–42.
4. Bennett Joel B. Time and Intimacy: A New Science of Personal Relationships. – Mahwah, NJ/London: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. – P. 349.
5. Bergner R., Bridges A. The significance of heavy pornography involvement for romantic partners: Research and clinical implications // Journal of Sex and Marital Therapy. – 2002. – № 28. – P. 198–206.
6. Ickes W., Hutchison J., Mashek D. Closeness as Intersubjectivity: Social Absorption and Social Individuation. Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 357–174.
7. Jamieson L. Intimacy: Personal relationship in modern societies. – Cambridge, MA: Polity Press, 1999.
8. Kouneski E.F., Olson D.H. A Practical Look at Intimacy: ENRICH Couple Typology. Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 117–136.
9. Prager K.J., Roberts L.J. Deep Intimate Connection: Self and Intimacy in Couple Relationships Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
10. Prager K.J. The psychology of Intimacy. – New York: The Guilford Press, A Division of Guilford publications, 1995.
11. Reis H.T., & Shaver P.T. Intimacy as interpersonal process. In S. Duck (Ed.), Handbook of personal relationships: Theory, relationships, and interventions. – Chichester, England: Wiley, 1988. – P. 367–389.
12. Reis H.T., Clark M.S., Holmes J.G. Perceived Partner Responsiveness as an Organizing Construct in the Study of Intimacy and Closeness Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 201–228.
13. Register L.M., Henley T.B. The Phenomenology of Intimacy // Journal of Social and Personal Relationships. – 1992. – Volume 9. – Issue 4. – P. 124–151.
14. Rusbult C.E., Kumashiro M., Coolsen M.K., Kirchner J.L. An Attachment Theory Perspective on Closeness and Intimacy Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 137–163.
15. Sexton R., Sexton B. Intimacy: A historical perspective // Fisher M., & Stricker, G. (Eds.). Intimacy. – New York: Plenum Press, 1982. – P. 1–20.
16. Waring E.M., Tillman M.P., Frelick L., Russell L., Weisz G. Concepts of intimacy in the general population // Published as a separate and in The Journal of Psychology. – 1980. – № 104. – P. 221–231.

**ВЛИЯНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ
НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ДРУГЕ И ВРАГЕ****Альперович В.Д.**

В данной статье затронута проблема взаимосвязей трансформации представлений о Другом как о Враге и Друге и динамики отношений личности. Выявлено, что уровень выраженности кризиса системы отношений влияет на направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге. Высокий и средний уровни выраженности кризиса системы отношений определяют трансформации представлений о Друге в направлении усиления эмоциональной поддержки, помощи Друга, о Враге – в направлении усиления «предательства» Врага; низкий уровень выраженности кризиса системы отношений – трансформации представлений о Друге в направлении усиления ценностно-смыслового единства, о Враге – в направлении усиления ценностно-смысловых различий, зависти, агрессии Врага.

Ключевые слова: трансформации, представления, Враг, Друг, кризис системы отношений.

Актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что феномены «Враг» и «Друг», во многом определяющие образ Другого, независимо от социально-экономической ситуации и уровня общественного развития, функционируют в системе межгрупповых и межличностных отношений. В последние десятилетия макросоциальные трансформации в разных странах предопределили постановку в гуманитарных науках проблемы взаимодействия динамики особенностей, способов и принципов обыденного познания Другого в разных категориях, конструирования его образа и рассогласований в развивающейся системе отношений человека с миром и другими людьми. Несмотря на теоретическую постановку данной проблемы, на большую практическую значимость ее решения, до настоящего времени в отечественной социальной психологии отсутствуют исследования, в которых бы кризис как перманентное состояние развивающейся системы отношений личности, рассматривалось в качестве фактора трансформации социально-психологических характеристик представлений о Другом как Враге или Друге. Такие феномены, как трансформация представлений о Враге и Друге и степень выраженности кризиса системы отношений личности, остаются малоизученным. Изучение, как трансформаций представлений, так и динамики системы отношений, предполагает привлечение к исследованию взрослых людей, приближающихся к середине жизни или находящихся на данном этапе жизненного пути. Актуальность исследования обусловлена, с одной

стороны, неугасающим общественным интересом к феноменам «Друг» и «Враг», особенно в условиях трансформации социальных отношений, а с другой стороны, неразработанностью проблемы трансформации представлений о Враге и Друге в связи с динамикой системы отношений личности, таких ее состояний, как кризис системы отношений разной степени выраженности.

Мы отметили ряд противоречий и ограничений в изучении представлений о Враге и Друге. Так, в работах постулируется динамика представлений о Враге и Друге [5, 6, 9, 11], но не указаны четкие критерии трансформации этих представлений. В них утверждается, что отношения между людьми влияют на представления о Другом [1, 3, 12], но сами отношения в качестве фактора трансформации представлений о Враге и Друге не изучаются как система, включающая отношения к себе, к Другим, Других и ожидаемые от Других отношения в прошлом и настоящем времени. Указывается на роль рассогласований, противоречий в системе отношений личности в трансформации представлений о Другом [4, 8], но отсутствуют эмпирические модели кризиса системы отношений и соответствующие им трансформаций представлений о Враге и Друге. В исследованиях выделены общие показатели кризиса (дезинтеграция образов «Я» и Других, рассогласованность, противоречивость различных видов и модальностей отношений, социальная фрустрированность, неудовлетворенность своей социальной позицией, разрушение переоценка событий прошлого,

временной перспективы) [2, 7, 10], но не изучается степень выраженности и взаимосвязи между этими показателями в качестве проявления определенного уровня выраженности кризиса системы отношений. В имеющихся работах не рассматриваются взаимосвязи между уровнем выраженности кризиса системы отношений и направлениями трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге.

Исходя из названных работ и многих других, мы рассматриваем представления о Враге и Друге как динамичные когнитивно-эмоциональные образования, социально-психологические характеристики которых – личностные свойства, функции в общении, характеристики отношений, интерпретации поступков Врага и Друга. Структурная трансформация социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге – исчезновение и/или добавление элементов представлений и их групп, смещение элементов и их групп от «ядра» представления к его периферии и, наоборот, от периферии представления к его «ядру». Содержательная трансформация социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге – изменение приписываемых Врагу и Другу личностных свойств, функций в общении, характеристик отношений, интерпретации поступков. Направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге – совокупности структурных и содержательных изменений представлений. Мы понимаем кризис системы отношений личности как перманентное состояние системы отношений, для которой является характерной различная степень выраженности рассогласований между отношениями к себе, к Другим, Других и ожидаемым отношением Других определенных модальностей, отношениями в прошлом и настоящем.

Цель исследования: определить направления трансформации социально-психологических характеристик представлений взрослых людей о Другом как Враге и Друге под влиянием различных уровней выраженности кризиса системы отношений. Гипотеза: направления трансформации социально-психологических характеристик представлений о Друге и Враге обусловлены уровнем выраженности кризиса системы отношений. Эмпирический объект: 204 человека (95 мужчин, 109 женщин) 32–45 лет. Методики: (с модифицированными инструкциями) «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, «Экспресс-диагностика уровня социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана, «Шкала аттитудов ко времени» Ж. Ньютона (адаптированная К. Муздыбаевым, 2000), авторская методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге». Достоверность по-

лученных данных обеспечивалась использованием методов математической статистики (частотного анализа, кластерного анализа).

Эмпирические модели уровней выраженности кризиса системы отношений были сформулированы нами согласно параметрам, заданным Т. Лири, Л.И. Вассерманом, К. Муздыбаевым, и результатам кластерного анализа индексов согласованности видов отношений (соотношений оценки выраженности отношения к себе к оценке выраженности отношения Других в данной модальности) в каждой модальности. Эмпирическая модель высокого уровня выраженности кризиса системы отношений включает: 1) низкие индексы согласованности видов отношений: $E_x (= a/d)$, $F_x (= b/d)$, $G_x (= c/d)$, где a – отношение к себе, b – отношение к Другим, c – ожидаемое отношение Других, d – отношение Других, – в авторитарной, эгоистической, агрессивной, подозрительной модальностях (0,1–0,32), в дружелюбной, альтруистической модальностях – 0; 2) высокая степень выраженности данных модальностей отношений ($\geq 68,7$ % от количества характеристик отношений каждой модальности, заданных Т. Лири), низкая степень выраженности дружелюбной, альтруистической модальностей отношений (15–32 %); 3) рассогласованность между видами отношений в позитивных модальностях существенно выше, чем в негативных, в настоящем и прошлом; 4) очень высокий уровень выраженности социальной фрустрированности; 5) негативное эмоционально-ценностное отношение к времени жизни, низкий личностный контроль времени жизни.

Эмпирическая модель среднего уровня выраженности кризиса системы отношений включает: 1) средние индексы согласованности видов отношений E , F , G в негативных модальностях ($> 0,33 \leq 0,5$), в позитивных модальностях – 3,03–5,55; 2) средняя степень выраженности всех указанных выше модальностей отношений ($\geq 50 < 68,7$ %); 3) в настоящем рассогласованность видов отношений в позитивных модальностях выше (в прошлом существенно выше), чем в негативных модальностях; 4) повышенный уровень выраженности социальной фрустрированности; 5) среднепозитивное эмоционально-ценностное отношение к времени жизни, средний личностный контроль времени жизни.

Эмпирическая модель низкого уровня выраженности кризиса системы отношений включает: 1) высокие индексы согласованности видов отношений E , F , G (0,73–1) во всех модальностях; 2) низкая степень выраженности негативных модальностей отношений (15–32 %), высокая степень выраженности позитивных модальностей отношений ($\geq 68,7$ %); 3) наличие согласованности видов отношений в позитивных модальностях в настоящий период. В прошлом

рассогласованность между видами отношений в позитивных модальностях выше, чем в негативных модальностях; 4) пониженный уровень выраженности социальной фрустрированности; 5) высокая степень позитивности эмоционально-ценностных отношений к времени жизни, высокий личностный контроль времени жизни.

На первом этапе исследования было выявлено, что показатели респондентов первой группы (29 мужчин, 22 женщин) соответствуют модели высокого уровня выраженности кризиса системы отношений. Показатели респондентов второй группы (31 мужчины, 23 женщины) соответствуют модели среднего уровня выраженности кризиса системы отношений. Показатели респондентов третьей группы (35 мужчин, 64 женщины) соответствуют модели низкого уровня выраженности системы отношений.

На втором этапе исследования были установлены группы социально-психологических характеристик в структурах представлений о Друге (в % от количества названных респондентом элементов).

1. Высокий уровень выраженности кризиса системы отношений:

а) прежние представления:

- «ядерные» группы: «Совместная деятельность, совместное пребывание» (62–75); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (25–39);
- периферические группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (10–15);

б) актуальные представления:

- «ядерные» группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (73–89);
- периферические группы: «Принадлежность к семье, наличие общего прошлого, старых связей» (10–20); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (4–15).

2. Средний уровень выраженности кризиса системы отношений:

а) прежние представления:

- «ядерные» группы: «Совместная деятельность, совместное пребывание» (62–75); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (23–40);
- периферические группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (10–14); «Взаимная помощь» (10–17);

б) актуальные представления:

- «ядерные» группы: «Эмоциональная поддержка и оценка» (58–80); «Взаимная помощь» (32–39);
- периферические группы: «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (10–18); «Принадлежность к семье, наличие общего прошлого, старых связей» (11–15).

3. Низкий уровень выраженности кризиса системы отношений:

а) прежние представления:

- «ядерные» группы: «Совместная деятельность, совместное пребывание» (60–75); «Качества Друга, проявляемые им в общении с партнером» (23–38); «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (25–40);
- периферические группы: «Взаимная помощь» (10–18);

б) актуальные представления:

- «ядерные» группы: «Сходство ценностей, идеалов, мнений, интересов, духовная близость» (48–57); «Взаимная помощь» (32–41);
- периферические группы: «Качества Друга, проявляемые им в общении с партнером» (10–13).

Были установлены группы социально-психологических характеристик в структурах представлений о Враге (в % от количества названных респондентом элементов).

1. Высокий уровень выраженности кризиса системы отношений:

а) прежние представления:

- «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (53–61); «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (40–49);
- периферические группы: «Иностранность, чужеродность Врага» (10–14);

б) актуальные представления:

- «ядерные» группы: «Предательство» (85–91);
- периферические группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (7–18).

2. Средний уровень выраженности кризиса системы отношений:

а) прежние представления:

- «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (49–60); «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (42–49);
- периферические группы: «Иностранность, чужеродность Врага» (10–12); «Соперничество» (10–15);

б) актуальные представления:

- «ядерные» группы: «Предательство» (61–82); «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (32–43);
- периферические группы: «Враг как потенциальная угроза» (10–15).

3. Низкий уровень выраженности кризиса системы отношений:

а) прежние представления:

- «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (53–61); «Взаимная неприязнь, недоброжелательность» (42–49);
- периферические группы: «Инородность, чужеродность» Врага» (10–14); «Различие ценностей, идеалов, мнений и интересов» (10–15); «Соперничество» (11–14);

б) актуальные представления:

- «ядерные» группы: «Вредоносность, насильственность, агрессивность действий» (52–63); «Различие ценностей, идеалов, мнений и интересов» (44–52);
- периферические группы: «Враг как потенциальная угроза» (12–16).

Выявлено, что структурная трансформация социально-психологических характеристик (смещение периферийных групп элементов к «ядру» представления и появление/исчезновение определенных групп элементов) представлений взрослых людей о Враге и Друге происходит независимо от уровня выраженности кризиса системы отношений.

В группах с высоким и средним уровнями выраженности кризиса системы отношений содержательные трансформации представлений о Друге идут в направлении усиления значимости эмоциональной поддержки, взаимопомощи, позитивных нравственных качеств и снижении значимости ценностно-смыслового единства, духовной близости. Друг категоризуется как «помогающий, преданный, поддерживающий». В группе с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений содержательные трансформации представлений о Друге идут в направлении усиления значимости ценностно-смыслового единства, духовной близости, интеллектуального потенциала. Друг категоризуется как «духовно близкий».

В группах с высоким и средним уровнями выраженности кризиса системы отношений содержательные трансформации представлений о Враге идут в направлении усиления значимости негативных функций и отрицательных нравственных качеств («лживость», «неискренность», «двуличие»), в отношении Врага к определенному типу людей – «предатель». В группе с низким уровнем выраженности кризиса системы отношений содержательные трансформации представлений о Враге идут в направлении усиления значимости различий ценностно-смысловой сферы, интересов, в наделении Врага завистливым

поведением, в отнесении его к такому типу людей, как «агрессор».

Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Уровень выраженности кризиса системы отношений влияет на направление трансформацию социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 4. – С. 39–55.
2. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб., 2008.
3. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. – М., 2006.
4. Марковская О.В. Влияние психологических характеристик культур на социальные представления русских и немцев о гостеприимстве: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
5. Мохова Е.Е. Возрастная динамика представлений о друге и дружбе в младшем возрасте: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2004.
6. Мэзоннёв Ж., Лами Л. Избирательные отношения // Социальная психология: 7-е изд. / Под ред. С. Московичи. – СПб., 2007.
7. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. – М., 2000.
8. Соснина Л.М. Сравнительное исследование социальных представлений о справедливости в различных этнических общностях (на примере русских, молдаван и цыган): автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
9. Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
10. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. – М., 2007.
11. Юркова Е.В. Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб., 2004.
12. Seca J.-M. Les représentations sociales. – Paris, 2001.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Есипова М.Е.

В данной статье конфликтная компетентность рассматривается как системное качество; обосновывается необходимость изучения конфликтной компетентности по отношению к социальной среде как системе более высокого уровня; обозначаются современные тенденции исследований конфликта в контексте организационной культуры; обосновывается актуальность изучения конфликтной компетентности в рамках организации; описываются особенности конфликтной компетентности сотрудников с различным восприятием организационной культуры.

Ключевые слова: системный подход, конфликтная компетентность, ценностное отношение к Другому, организационная культура.

Актуальность изучения проблемы конфликтов обусловлена повышением напряженности и конфликтности в социальной и профессиональной сферах жизнедеятельности человека, а также изменениями профессиональных требований к личности специалиста и к его компетентности. Эффективность профессиональной деятельности специалиста зависит от многих факторов, среди которых значительное место принадлежит умению разрешать конфликты. Поэтому в настоящее время интерес многих исследователей вызывает конфликтная компетентность. Однако, несмотря на имеющиеся в науке исследования (Г.С. Бережная, А.А. Деркач, Л.Р. Комалова, Л.А. Петровская, Т.И. Привалихина, Б.И. Хасан и др.), посвященные рассмотрению этого понятия, конфликтная компетентность изучена все же недостаточно глубоко и всесторонне. Накопленные знания в этой области представляют собой разрозненные факты и данные, требующие интеграции и систематизации. Более того, конфликтная компетентность как интегральное образование недоступна прямому наблюдению и может быть всесторонне выявлена только путем научного анализа. Также стоит отметить, что большинство исследований посвящено изучению составных компонентов конфликтной компетентности и вопросов ее формирования в онтогенезе, в то время как упускается из внимания окружающая социальная среда, оказывающая влияние на развитие и функционирование конфликтной компетентности. Способствовать разрешению обозначенных проблем может системный подход к изучению конфликтной компетентности.

Л.А. Петровская [9] определяет конфликтную компетентность как сложное интегральное образо-

вание личности в составе компетентности в общении, включающее в себя компетентность человека в собственном «Я» («Я-компетентность»), субъектную позицию, рефлексивную культуру, владение широким спектром стратегий поведения в конфликте, а также культуру саморегуляции, прежде всего эмоциональной. В общем виде конфликтная компетентность представляется Б.И. Хасаном [10] как умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению.

При рассмотрении конфликтной компетентности как некоторой системы, качественной единицы, необходимо выявить ее составляющие, структуру и функции. Теоретический анализ взглядов различных исследователей (М.В. Башкин, 2009; Г.С. Бережная, 2009; О.И. Денисов, 2001; А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, 2003; А.А. Кузина, 2007; Т.Е. Майорова, 2009; А.Б. Немкова, 2008; Л.А. Петровская, 1997; Е.М. Сгонникова, 2008; Б.И. Хасан, 1996; М.Ю. Худаева, 2007; и др.) на основе совпадений описываемых учеными компонентов в составе конфликтной компетентности позволил выделить следующие компоненты: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Конфликтная компетентность как системное образование имеет иерархическую структуру. Согласно Л.А. Петровской [9] в конфликтной компетентности можно выделить следующие уровни: уровень ценностей личности, уровень ее мотивов, установок и уровень умений. Причем «ценности человека оказывают определяющее влияние на характер его общения и являются стратегическими ориентирами конфликтной практики» [9, с. 44]. Исходя из данных различных исследований (М.В. Башкин, 2009; А.Б. Немкова, 2008; Е.М. Сгонникова, 2008) конфликтная компетентность выполняет следующие функции: информативная,

ориентировочная, прогностическая, регулятивная, интегративная, рефлексивная, ценностная, стимулирующая, профилактическая, преобразовательная, обучающая, инновационная.

Описание состава, структуры и функций конфликтной компетентности позволяет рассмотреть лишь одну сторону дела, конфликтная компетентность как система раскрывается частично. Поэтому далее необходимо перейти на другой план исследования, рассматривающий ее как часть системы более высокого уровня. Так Б.Ф. Ломов отмечает, что «любое явление возникает и существует в рамках некоторой (достаточно большой) системы явлений» [6, с. 79]. Конфликтная компетентность, как явление, относящееся к конфликтному взаимодействию, возникает и существует в рамках социальной системы, а также включена в процесс общественных отношений. В связи с этим мы считаем важным рассмотреть конфликтную компетентность в рамках организационной культуры, которая представляет собой социальную систему, включающую в себя «культуру управления, корпоративную культуру, культуру межличностных отношений и другие подсистемы» [7, с. 11].

Изучение конфликтной компетентности в рамках организации становится особенно востребованным сегодня, так как конфликтогенность организационной среды носит объективный характер, что подтверждается философско-социологической (Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, И. Кант, Л. Козер, К. Маркс, А. Смит, Г. Спенсор) и психологической (М. Дойч, К. Левин, З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев) традициями объяснения конфликта как носителя противоречий, источника развития и совершенствования социальных систем. Организация играет важную роль в возникновении и регулировании конфликтов, создавая тем самым условия для развития и реализации конфликтной компетентности сотрудников. С другой стороны, конфликтная компетентность сотрудников как элемент конфликтного взаимодействия влияет на особенности формирования и функционирования организационной культуры (М.А. Самсонова, 2008).

К настоящему моменту есть исследования конфликтной компетентности как важной составляющей профессионализма (А.А. Деркач, В.Г. Зызыкин, 2003), как фактора эффективности управленческой деятельности (В.Ф. Картель, 2007), особенностей ее развития у руководителей (О.И. Денисов, 2001). Конфликты в управленческих системах подробно рассмотрены в работах А.Я. Анцупова, А.Л. Журавлева, В.Г. Зызыкина, Д.Л. Моисеева, В.Н. Князева, А.В. Филиппова, А.И. Шипилова, Л.Н. Цой и др. Существуют отдельные исследования взаимосвязи организационной культуры и конфликта (Е.И. Павлова, 2004; М.А. Самсонова, 2008; Е.В. Тишина, 2007; и др.).

В последнее время, как отмечает С.А. Липатов [5], широкое распространение получили исследования организационного социального познания, посвященные тому, как люди познают свою организацию и действуют в соответствии с результатами этого познания. Ученый отмечает, что «социальную психологию интересует в первую очередь то, как элементы организационной культуры отражаются в сознании членов конкретной организации» [4, с. 108]. Исследователи (О.С. Виханский, А.И. Наумов, 1995; С.А. Липатов, 1999) выделяют субъективную организационную культуру, которая характеризуется способом восприятия и интерпретации сотрудниками окружающей их организационной среды. Так как организационная культура рассматривается как система коллективных представлений о нормах, ценностях, способах поведения, то предметом диагностики в этом случае является результат процесса восприятия и интерпретации организационной культуры организации ее членами [4].

Ряд исследований выявил неоднородность представлений об организационной культуре у сотрудников, работающих в одной компании. Так, Т.Н. Персикова [8] отмечает, что восприятие культуры в организации и представления о ней различаются у сотрудников разного пола, возраста и с разным стажем работы в компании. М.М. Елфимова [3] в диссертационном исследовании показывает, что персонал организации характеризуется неоднородностью представлений об организационно-культурной среде, важнейшей детерминантой которых выступают мотивационно-ценностные ориентации сотрудников. Различные ценностные ориентации обуславливают появление условных групп сотрудников внутри организации с разным типом восприятия организационной культуры. «Организационные представления сотрудников как членов условных внутриорганизационных групп типологизируют организационную культуру как вариант расстановки ценностных приоритетов» [3, с. 10]. Неоднородность представлений об организационной культуре подтверждается также и философскими исследованиями современной организационной культуры. Так, А.В. Аверин [1] отмечает влияние на культуру организации культуры постмодерна, которая характеризуется «распадом единства, плюрализмом ценностей, культурных форм и стилей, контекстуализмом» [1, с. 14].

В связи с тем, что современная организация характеризуется неоднородностью представлений сотрудников об организационной культуре, актуальными будут являться типологии организационных культур, в основании которых положены базовые смысловые системы. Такому требованию соответствует предложенная Л.Н. Аксеновской [2] модель организационной культуры. Автор разрабатывает ордерный подход,

в котором организационная культура определяется как сложный социально-психологический порядок организационно-управленческих взаимодействий, устанавливаемых и регулируемых системами этических смыслов участников взаимодействия. Структурная модель социально-психологического содержания культуры как порядка (культурного порядка) включает в себя последовательность из восьми ключевых социально-психологических концептов, взаимно интерпретирующих друг друга: культура – социальное – взаимодействие – отношение – психологические связи – потребности – восприятие – смысл. Используя метафоры, Л.Н. Аксеновская [2] выделяет следующие типы организационной культуры: «семья», «армия», «церковь».

Итак, в настоящий момент проблема взаимосвязи особенностей конфликтной компетентности сотрудников, соотношения ее компонентов с восприятием организационной культуры, недостаточно изучена. Проведенный теоретический анализ позволяет сделать предположение о взаимосвязи между восприятием организационной культуры и особенностями конфликтной компетентности. Остается открытым вопрос влияния организации на становление и развитие отдельных компонентов конфликтной компетентности. Это и определило цель нашего исследования – изучение особенностей конфликтной компетентности сотрудников с различным восприятием организационной культуры.

Объект исследования – конфликтная компетентность сотрудников различных компаний.

Предмет – особенности конфликтной компетентности сотрудников с различным восприятием организационной культуры.

В нашем исследовании конфликтная компетентность рассматривается как системное личностное качество, проявляющееся в конфликтных ситуациях; включающее когнитивный, эмоциональный и поведенческий взаимосвязанные компоненты, интегрируемые ценностным отношением к Другому в конфликте. Обозначенные компоненты конфликтной компетентности изучаются через выявление: 1) имплицитной теории межличностных конфликтов; 2) способности понимать и контролировать свои эмоции и эмоции других людей; 3) способности в субъективно конфликтных ситуациях использовать конструктивные речевые техники, способности к децентрации; 4) ценностного отношения к Другому и конструктивного отношения к конфликту в целом.

Для достижения поставленной цели был использован следующий методический инструментарий: семантический дифференциал, методика эмоционального интеллекта М.А. Манойловой, рисуночный тест «Деловые ситуации» Н.Г. Хитровой

с модифицированной инструкцией, авторская анкета для определения отношения к Другому в конфликте и отношения к конфликту; опросник на выявление типа организационной культуры Л.Н. Аксеновской.

В исследовании приняли участие 165 человек – сотрудники семи предприятий малого бизнеса г. Ростова-на-Дону. Среди них – 105 женщин и 60 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Исследование проводилось в период с мая по июль 2010 года на территории компаний.

Для изучения особенностей конфликтной компетентности все участники исследования были разделены на три условных группы по критерию восприятия типа организационной культуры: «семья» – 50 человек, «армия» – 70 человек, «церковь» – 45 человек.

Сравнение трех выделенных групп по методу Крускала-Уоллиса выявило статистически значимые различия по следующим критериям: имплицитная теория межличностного конфликта «Сотрудничество» ($p = 0,017$), способность к пониманию эмоций других людей ($p < 0,001$), способность к контролю своих эмоций ($p = 0,016$), разрешающий тип реакции в конфликтных ситуациях ($p = 0,07$), способность к децентрации в конфликтных ситуациях ($p = 0,045$), ценностное отношение к Другому в конфликте ($p = 0,027$), отношение к конфликту ($p = 0,005$). Наиболее высокие показатели средних ранговых значений указанных выше переменных по тесту Крускала-Уоллиса отмечаются в группе «церковь», самые низкие – в группе «армия». Значимых различий между тремя исследуемыми группами не было выявлено по следующим переменным: понимание своих эмоций, контроль эмоций Другого, имплицитные теории межличностного конфликта типов: «Давление» и «Уход».

Таким образом, мы видим, что различное восприятие организационной культуры влияет на особенности конфликтной компетентности. Для их уточнения мы сравнили выделенные группы попарно по U-критерию Манна-Уитни.

Наиболее различными оказались группы респондентов, воспринимающих организационную культуру по типам «армия» и «церковь». Значимые различия были выявлены по следующим критериям: имплицитная теория межличностного конфликта «Сотрудничество» ($p = 0,003$), способность к пониманию эмоций других людей ($p < 0,001$), способность к контролю своих эмоций ($p = 0,004$), разрешающий тип реакции в субъективно конфликтных ситуациях ($p = 0,027$), способность к децентрации в субъективно конфликтных ситуациях ($p = 0,014$), ценностное отношение к Другому в конфликте ($p = 0,009$), отношение к конфликту ($p = 0,002$). Сотрудники,

воспринимающие организационную культуру как «церковь», в сравнении с сотрудниками, воспринимающими культуру как «армию», чаще обладают имплицитной теорией межличностного конфликта типа «Сотрудничество», более способны к контролю своих эмоций и пониманию эмоций других людей, в субъективно конфликтных ситуациях чаще используют конструктивные речевые техники, более децентрированы, конструктивнее относятся к конфликту, в ситуации конфликта чаще сохраняют субъектное отношение к оппоненту.

Значимые различия между группой сотрудников, воспринимающих культуру как «семья» и «церковь», проявились по показателям способности к пониманию эмоций партнера ($p = 0,005$), отношения к Другому в конфликте ($p = 0,073$) и отношения к конфликту ($p = 0,024$). Все указанные показатели значительно выше в группе «церковь».

Значимые различия между группой сотрудников, воспринимающих культуру организации как «семья» и «армия», проявились только по показателю способности к пониманию своих эмоций ($p = 0,05$). Представители первой группы более способны к осознанию и пониманию своих эмоций, чем представители второй.

Таким образом, проведенное исследование конфликтной компетентности сотрудников позволило установить ее специфику у участников с разным восприятием организационной культуры. Наиболее высокий уровень развития конфликтной компетентности отмечается у сотрудников, воспринимающих организационную культуру как «церковь» – они способны к пониманию эмоций партнера, к контролю своих собственных эмоций, в субъективно конфликтных ситуациях используют конструктивные речевые техники, децентрированы, конструктивно относятся к конфликту, в ситуации конфликта сохраняют субъектное отношение к оппоненту. У сотрудников, воспринимающих организационную культуру как «армия», низкий уровень развития конфликтной компетентности. В сравнении с другими группами, они имеют более низкую способность к пониманию и контролю своих эмоций и эмоций оппонента, низкую способность к децентрации и негативно относятся к конфликту. Минимальное число значимых различий было выявлено между группой «семья» в сравнении с группами «армия», «церковь». Поэтому выделить особенности конфликтной компетентности у представителей данной группы не удалось. Данная

задача может быть реализована в дальнейших исследованиях.

Полученные в исследовании результаты на теоретическом уровне позволяют определить конфликтную компетентность как систему, отвечающую принципам целостности, иерархии, функциональности. Эмпирические данные демонстрируют взаимосвязь конфликтной компетентности как системы с окружающей социальной средой, представляющей по отношению к первой систему более высокого уровня. Данная взаимосвязь носит открытый характер, т.к. преобразует среду и саму систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин А.В. Корпоративная культура современного общества: дис. ... канд. философских наук. – Ставрополь, 2006. – 195 с.
2. Аксеновская Л.Н. Ордерная модель организационной культуры: монография. – М.: Академический проект, 2007. – 303 с.
3. Елфимова М.М. Психологические особенности восприятия организационной культуры сотрудниками образовательного учреждения (вуза) и индустриальной организации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Самара, 2007. – 26 с.
4. Липатов С.А. Организационная культура: социальное познание в организационном контексте / Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 106–112.
5. Липатов С.А. Организационные представления: постановка проблемы // Мир психологии. – 2004. – № 3. – С. 116–122.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 445 с.
7. Павлова Е.И. Роль организационной культуры в преодолении социально-трудовых конфликтов: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 143 с.
8. Персикова Т.Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (сопоставительный анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях): автореф. дис. ... канд. культурологи. – М., 2007. – 22 с.
9. Петровская Л.А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестник московского университета. Серия 14. Психология. – 1997. – № 4. – С. 41–45.
10. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. – СПб.: Питер, 2003. – 250 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ФЕНОМЕНА «APPEARANCE» ПЕРФЕКЦИОНИЗМ

Ильин Г.С.

В статье определяется необходимость создания конструкта «"appearance" перфекционизм» как социально-психологического феномена, в основе которого лежат перфекционистские тенденции личности касательно своего внешнего облика как интегрального социально-психологического образования. Данный конструкт разрабатывается в качестве типа направленности личности на свой внешний облик. Рассматриваются возможности социально-психологического изучения данного феномена.

Ключевые слова: перфекционизм, внешний облик, направленность личности, социально-психологические особенности личности.

В современном обществе происходит актуализация перфекционистских тенденций личности в отношении многих аспектов ее бытия. Данный феномен связывается с воцарившемся культом успеха и благополучия [13], технологическим бумом с распространением потребительских ценностей [11], с феноменом индивидуализации в современной культуре, культуре нарциссизма [1, 9, 11]. С другой стороны, социо-культурные факторы обуславливают значимость внешнего облика для современного человека, во-первых, определяя его в качестве средства репрезентации жизненного благополучия, удовлетворенности жизнью, успешности и состоятельности, столь ценных в современном обществе, а, во-вторых, отводя ему весомую роль в реализации жизненных планов личности, в частности профессиональных. Так, в подтверждение последнему, имеются указания на то, что в самых разных областях профессиональной деятельности, несвязанных с индустрией красоты и моды, где внешний облик, соответствующий определенным стандартам, является главным «профессиональным качеством», все большую ценность приобретает молодежный вид, а имеющееся давление на рынке труда определяет стремление быть подтянутым и выглядеть здоровым и делает видимые признаки старения неприемлемыми [10]. Внешний облик все в большей степени соотносится с некими «идеальными образцами внешности», которые активно пропагандируются средствами массовой информации, и ассоциированы с определенными стратификационными и гендерно-возрастными характеристиками. Образцы идеальной внешности, транслируемые СМИ, также связаны со здоровым образом обладателей красивой внешности. В соответствии с этим внешний облик современного

человек непременно должен служить отражением ведения данного образа жизни. В результате всего этого к внешнему облику человека в современном обществе предъявляются все большие требования в определенном направлении: внешний облик должен быть красивым, привлекательным (для противоположного пола), ухоженным, сексуальным, здоровым; компоненты входящие в его структуру, например лицо, помимо этого, – выразительным; тело – подтянутым, хорошо сложенным; оформление внешнего облика – интересным, приятным, эффективным и т.п. Соответствие внешнего облика человека данным социальным ожиданиям в отношении его внешнего облика, а также самооценивание своего внешнего облика в направлении приписывания ему таких характеристик, как «красивый», «привлекательный», «здоровый», «ухоженный», «сексуальный» в противовес «некрасивому», «непривлекательному», «нездоровому», «неухоженному», «несексуальному» и т.д. становится свидетельством его социальной адаптированности в современном мире. Все это указывает на распространенность стремлений «улучшать» свой внешний облик, приближать его к наличествующим образцам красивого/привлекательного внешнего облика, в связи, с чем именно он становится объектом перфекционистских устремлений личности, что определяет актуальность исследования перфекционизма относительно внешнего облика человека.

В последнее время появились работы, посвященные изучению взаимосвязи перфекционизма и аффективно-когнитивных переменных, касающихся телесности человека, таких как особенности восприятия «границ образа тела» (В.В. Травова, 2008), удовлетворенность образом тела (И.Г. Малкина-

Пых, 2010), и отдельными его параметрами: мускулатурой, полнотой, ростом (Debbie L. Grammas, Jonathan P. Schwartz, 2009). Также перфекционизм изучается в контексте выявления определенных личностных психологических черт у людей, прибегающих к различного рода телесным практикам, причем в большинстве исследований фиксируется дезадаптивный характер данных особенностей: имеются указания на перфекционистские тенденции личности в связи с изучением факторов риска расстройств личностной дезадаптации у пациентов эстетической хирургии с погранично-нарциссическим синдромом (Л.Т. Баранская, 2008, 2010), определена роль перфекционизма в дисфункциональной системе особенностей самосознания аутодеструктивной личности у больных нервной анорексией (П.В. Цыганкова, 2010), выявлено соотношение феноменов патологического и нормального перфекционизма и сопутствующих им синдромов психологических черт: аффективно-когнитивных особенностей личности, стиля саморегуляции и межличностной коммуникации у профессиональных и непрофессиональных спортсменов (В.В. Травова, 2008). Имеются работы, которые посвящены изучению перфекционизма как фактора формирования неадаптивного (зависимого, компульсивного) поведения в отношении телесных практик: зависимости от тренировок (*exercise dependence*) (Howard K. Hall, Andrew P. Hill с соавт., 2009); эскалации таких видов пищевого поведения, как диета и пищевые кутежи (*binge eating*) (Angela S. Cain, Anna M. Bardone-Cone с соавт., 2008) и др.

Практически во всех выше обозначенных исследованиях имеет место изучение перфекционизма как личностной черты [7, 19, 21], либо как определенной стратегии самопрезентации [15], в основании которых перфекционистские тенденции не были непосредственно ориентированы на собственный внешний облик, за исключением исследования Angela S. Cain с соавт. [17], в котором, наряду с перфекционизмом в области межличностных отношений и академической успеваемости, изучалась взаимосвязь между уровнем перфекционизма, стресса и самоофективностью касательно веса/формы тела и эскалации диеты и компульсивного переедания. Специальному исследованию перфекционизма, ориентированного на собственную внешность, посвящены две следующие работы. Отечественная работа А.Б. Холмогоровой, А.А. Даденко [14], в которой изучалась взаимосвязь между физическим перфекционизмом (как системы личностных представлений и установок, связанных со своим внешним видом, прежде всего с весом и фигурой; для чего характерна повышенная озабоченность своим внешним видом и стремление к соответствию высоким стандартам тела, к достижению наилучших результатов в борьбе

за идеальную фигуру) и выраженностью симптомов тревоги и депрессии у юношей и девушек, систематически занимающихся бодибилдингом и фитнесом соответственно. И англоязычная работа К. Srivastova [13], в рамках которой с помощью специально разработанной шкалы (*the Appearance Perfectionism Scale (APPS)*) исследовался перфекционизм относительно своего внешнего облика, как возможный фактор мотивации прибегнуть к косметической хирургии с выявлением его взаимосвязи с такими параметрами как осознанность внешнего облика и физического Я, степень позитивной/негативной оценки своего внешнего облика, уровень удовлетворенности телом, самооценка в различных областях, в том числе зависимость самооценки от внешнего облика, негативные и позитивные переживания, свойственные индивиду и удовлетворенность собственной жизнью и др.

Другим ограничением работ (за исключением последней) является то, что в них научный интерес сфокусирован, прежде всего, на устойчивом компоненте в структуре внешнего облика и отдельных его параметров: на теле и его конституциональных особенностях. Помимо этого выше обозначенные работы посвящены изучению таких аспектов отношения к своей внешности, как удовлетворенность ею, оценка образа тела и др.; в них не рассматривается содержательная самооценка собственного внешнего облика, оценка социально-стратификационных параметров своего внешнего облика, степень его принятия и др. Также малоизученными остаются социально-психологические особенности общения лиц, перфекционистски относящихся к своему внешнему облику.

В соответствии с выявленными ограничениями встает задача теоретической разработки конструкта *appearance-перфекционизм*, как социально-психологического феномена, в основе которого лежат перфекционистские тенденции личности касательно собственного внешнего облика как интегрального социально-психологического образования. Для этого, прежде всего, необходимо обратиться к самому понятию «перфекционизм»

В самом общем виде перфекционизм определяется как стремление к совершенству [3, 16, 18]. В литературе имеются указания на то, что в настоящее время ни одно определение перфекционизма не является общепринятым [16] и что разные исследователи используют различные операциональные определения, для того, чтобы описать перфекционизм [18]. Однако развитие представлений о перфекционизме привело к концептуализации его в качестве многомерного конструкта, который имеет сложную психологическую структуру и ядром которого является такой параметр как «высокие личные стандарты», с чем в настоящее время согласны большинство исследователей.

Остановимся подробнее на канадской модели перфекционизма, разрабатываемой П. Хьюттом и Г. Флиттом [20], в рамках которой разработан опросник «Многомерная шкала перфекционизма», получивший достаточно широкое распространение в зарубежных и отечественных исследованиях перфекционизма как личностной черты. Данный опросник прошел стандартизацию, проверку надежности, валидности на российской выборке [3] и нет значительных ограничений для его использования.

П. Хьютт и Г. Флитт понимают перфекционизм как «личностный конструкт, характеризующийся стремлением к безупречности и постановкой высоких стандартов» [20, р. 22]. Этот конструкт отражает взаимодействие когнитивных, эмоциональных, мотивационных и поведенческих факторов и процессов. В структуре конструкта авторами выделяются три составляющие: перфекционизм, ориентированный на себя, (завышенные, нереалистические требования, предъявляемые по отношению к себе самому, усиленное исследование себя, строгая самокритика); перфекционизм, ориентированный на других (предполагает наличие чрезвычайно высоких стандартов, установленных человеком для других людей, требовательность по отношению к ним, нетерпимость, нежелание прощать ошибки, несовершенства) и социально-предписанный перфекционизм (убеждение субъекта в том, что к нему окружающие предъявляют чрезмерно высокие требования, которым необходимо соответствовать, чтобы заслужить одобрение и принятие, избежать негативной оценки) [2, 3, 16, 20]. В социально-психологическом смысле конструкт перфекционизма может быть понят как определенного типа направленность личности, заключающаяся в совокупности устойчивых мотивов, убеждений и установок, связанных с необходимостью в отношении себя и других быть совершенным. В случае с «appearance» перфекционизмом объектом данной направленности выступает внешний облик человека. Обратимся к трактовке внешнего облика в социальной психологии.

Внешний облик представляет собой динамическую, вариабельную, конструируемую совокупность трех взаимосвязанных подсистем: статических, среднединамических и динамических компонентов [5]. Внешний облик человека выступает в роли посредника в ситуациях социального общения с другими людьми: он представляет собой конструкт Я-для-другого, функционирующий в ситуации общения в связи с необходимостью представлять себя другому, конструировать себя для него. На этой основе формируется определенное впечатление у партнера по общению о субъекте, его отношении к субъекту [5]. Важной функцией внешнего облика является формирование социально-психологического образа

человека, его гендерной, возрастной идентичности, указание на социально-стратификационные характеристики индивида [4]. Помимо этого, собственный внешний облик выступает объектом познания самим индивидом, и данный процесс сопровождается эмоционально-оценочным отношением к своему внешнему облику (в том числе к отраженному внешнему облику). Внешний облик занимает определенное место в ценностно-смысловой картине мира человека [4], что отражается в степени значимости внешнего облика в структуре отношений личности.

Таким образом, под appearance-перфекционизмом как социально-психологическим феноменом следует понимать определенного типа направленность личности на собственный внешний облик как интегральное образование, которая заключается в совокупности устойчивых мотивов, убеждений и установок, связанных с необходимостью выглядеть совершенно (идеально) и характеризуется значимостью своего внешнего облика в структуре отношений личности и определенной самооценкой собственного внешнего облика.

Исходя из этого, исследование «appearance» перфекционизма предполагает обращение к проблеме оценочно-содержательной интерпретации своего тела и оформления своего внешнего облика, становится возможным изучение таких социально-психологических особенностей отношения к собственному внешнему облику, как оценка его соответствия гендерно-возрастным и статусно-ролевым конструктам, степень принятия своего отраженного внешнего облика и общая удовлетворенность им, отдельные параметры значимости внешнего облика в структуре отношений личности у людей с различным уровнем «appearance» перфекционизма.

С другой стороны, особый интерес вызывают социально-психологические особенности лиц, перфекционистски относящихся к своему внешнему облику.

Выраженность appearance-перфекционизма может определяться определенной системой отношений личности. На это указывает положение о том, что отношение к своему внешнему облику и его формирование и система отношений личности к себе и другому, особенности осмысления себя в жизненном пространстве взаимосвязаны [4]. Кроме того существование отношений определенной модальности к себе и другому у лиц с перфекционистскими тенденциями подтверждается конкретными эмпирическими исследованиями. Так, в отдельных исследованиях [1, 2, 11, 12] обнаружена склонность перфекционистов к высокомерию, холодности, манипулированию, требовательности, враждебности, доминированию, к контролю в отношениях с другими, к конкурентным отношениям и др. Исходя из идеи о том, что система отношений личности находит свое проявление в общении, составляя его ядро,

содержательную сторону общения: «В общении выражаются отношения человека с их различной активностью, избирательностью, положительным или отрицательным характером» [8, с. 71]; «Общение есть актуализация отношений» [6, с. 31] можно заключить, что знак, модальность отношений личности указывают на социально-психологические параметры взаимодействия данной личности в общении.

Исходя из выше изложенных положений цель исследования – провести сравнительное изучение социально-психологических характеристик общения и отношения к своему внешнему облику у лиц, отличающихся выраженностью «арреагансе» перфекционизма.

Гипотеза исследования: субъекты с различной степенью «арреагансе» перфекционизма могут отличаться социально-психологическими характеристиками отношения к своему внешнему облику и социально-психологическими параметрами общения.

Для уточнения выдвинутой гипотезы планируется проведение пилотажного эмпирического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранская Л.Т. Факторы риска расстройств личностной адаптации у пациентов эстетической хирургии: автореф. дис. ... доктора псих. наук. – М., 2010. – 44 с.
2. Гаранян Н.Г. Психологические модели перфекционизма // Вопросы психологии. – 2009. – № 5. – С. 74–83.
3. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта» // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 6. – С. 73–89.
4. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – 344 с.
5. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов-н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. – Тарту, 1974; М.: Смысл, 1997.
7. Малкина-Пых И.Г. Перфекционизм и удовлетворенность образом тела в структуре личности пациентов с нарушениями пищевого поведения и алиментарным ожирением // Экология человека. – 2010. – № 1. – С. 2–27.
8. Мясищев В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды. – М., 1995.
9. Парамонова В.В. Феномен телесного перфекционизма как социокультурная патология // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 34–41.
10. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.
11. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социо-культурный феномен // Вопросы психологии. – 2009. – № 1. – С. 67–81.
12. Травова В.В. Соотношение нормальных и патологических перфекционистских тенденций. Предварительные размышления // Материалы научно-практических конгрессов IV Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». Том 2. Раздел «Здоровье нации и образование». – М., 2008. – С. 289–290.
13. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г. Культура, Эмоции и Психическое здоровье // Вопросы психологии. – 1999. – № 2. – С. 61–74.
14. Холмогорова А.Б., Дадеко А.А. Физический перфекционизм как фактор расстройств аффективного спектра в современной культуре // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2010. – № 3. URL: <http://medpsy.ru> (25.11.2010).
15. Цыганкова П.В. Взаимосвязь перфекционизма с особенностями самосознания при аутодеструктивном поведении // Вестник МГОУ. Серия: «Психологические науки». – 2010. – № 2. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 28–32.
16. Ясная В.А., Ениколопов С.Н. Перфекционизм: история изучения и современное состояние проблемы // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 157–168.
17. Cain A.S., Bardone-Cone A.M., Abramson L.Y., Vohs K.D., Joiner T.E. Refining the Relationship of Perfectionism, Self-Efficacy, and Stress to Dieting and Binge Eating: Examining the Appearance, Interpersonal, and Academic Domains // International Journal of Eating Disorders. – 2008. – № 41. – P. 713–721.
18. Canter D.E. Self-Appraisals, Perfectionism, and Academics in College Undergraduates: Thesis of PhD. – Virginia: Commonwealth University, 2008.
19. Grammas D.L., Schwartz J.P. Internalization of messages from society and perfectionism as predictors of male body image // Body Image. – 2009. – № 6. – P. 31–36.
20. Hewitt P.L., & Flett G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology // Journal of Personality and Social Psychology. – 2001. – № 5. – P. 21–39.
21. Hall H.K., Hill A.P., Appleton P.R., Kozub S.A. The mediating influence of unconditional self-acceptance and labile self-esteem on the relationship between multidimensional perfectionism and exercise dependence // Psychology of Sport and Exercise. – 2009. – № 10. – P. 35–44.
22. Srivastava K. Conceptualization and Development of the Appearance Perfectionism Scale: Preliminary Evidence for Validity and Utility in a College Student Population: Thesis of BS in Psychology. – Michigan, 2009.

К ВОПРОСУ О ДИСКРИМИНАЦИИ
ПО ВНЕШНЕМУ ОБЛИКУ**Погонцева Д.В.**

В статье рассматривается феномен дискриминации по внешнему облику. Приводятся теоретические и экспериментальные работы российских и зарубежных исследователей посвященные таким разновидностям дискриминации как: лукизм (lookism), эйджизм (ageism), дискриминация по весу (толстый/худой) (weightism), дискриминация по росту (highism) и другие. Приводятся эмпирические данные исследования различных аспектов дискриминации по внешнему облику.

Ключевые слова: дискриминация, лукизм, эйджизм, внешний облик.

На современном этапе можно отметить рост количества исследований, посвященных роли физической аттракции, т.е. внешней привлекательности или непривлекательности как факторам, влияющим на поведение людей в различных сферах жизни (реклама, судебные решения, трудоустройство, выборы и т.д.), а также феноменам категоризации и дискриминации другого по внешнему облику.

В конституции любой страны заложен пункт против дискриминации, в Российской конституции в 19-ой статье указывается, что государство «гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Однако в конституции не затрагиваются следующие виды дискриминации: по внешности (красивый–не красивый), или лукизм; дискриминация по возрасту, или эйджизм. Есть также некоторые виды дискриминаций, о которых имеется упоминание в зарубежных исследованиях, но еще мало отраженных в российских работах, такие как: дискриминация по весу (толстый/худой) (weightism), дискриминация по росту (highism). Однако довольно часто можно наблюдать различные проявления дискриминации, в том числе дискриминации основанной на внешнем облике. Это закладывается в нас как на уровне сказок и мультяшек, так и в различных аспектах жизни,

которые демонстрируют современные СМИ, а также специфика современного общества: фейс-контроль и дресс-код в клубах и ресторанах, отсутствие одежды и обуви нужных размеров в дорогих магазинах. Культ молодости, худобы приводят к тому, что акцентируется такие параметры как вес («жирный» несет гораздо большую негативную окраску, чем «полный»), возраст («старый») и т.д.

Однако еще в фольклорных текстах, передаваемых из поколения в поколение, как народная мудрость говорится: «Не суди о книге по обложке», «Не родись красивым, а родись счастливым», «Не мил телом, да угодлив делом», «Выбирай жену не в хороводе, а в огороде» и многие другие, которые подчеркивают, что за внешностью зачастую скрываются более значимые характеристики.

Используя различные стереотипные суждения мы делим людей на группы по внешнему облику, а каждую из этих групп наделяем определенными характеристиками, которые могут, как соответствовать данной группе так и быть ложными.

Лукизм – довольно новое явление для России, однако в Америке одни из первых исследований относятся к 1980-м годам. Под лукизмом понимается любая дискриминация под воздействием оценки другого как красивого/не красивого. Одной из самых распространенных тем в европейских исследованиях – изучение стереотипа «что красиво – то хорошо» («beautiful is good»). Как отмечают И. Олсон и К. Маршуетц (Olson I.R., Marshuetz Ch., 2005) красивые люди всегда получают больше льгот, от более высокой социальной оценки до более высокой зарплаты [12]. Проводя теоретический анализ данной проблемы, авторы отмечают, что практически все работы изучающие аттрактивность внешнего облика,

так или иначе затрагивают данный вопрос и отмечают, что такой стереотип существует, более того, зачастую он оказывает влияние на все другие оценки.

Так Р. Фелсон и Дж. Борнштедт [7] рассматривали проблему «красивое значит хорошее, или хорошее значит красивое» на примере оценок школьников. Они изучали взаимосвязь оценок внешней привлекательности и способностей (академических и физических) в ходе проведения социометрии. В своем исследовании они просили школьников назвать трех самых красивых учеников, самых умных и самых успешных в спорте. В итоге они показали, что детей более умных и спортивно-развитых их одноклассники считают более красивыми.

Д. Хамермеш и Э. Паркер исследовали взаимосвязь внешности студентов и их оценок. Ими было выявлено, что студенты, которых преподаватели считают обладателями более привлекательного внешнего облика, получают более высокие учебные оценки [10]. Эта закономерность больше присуща для мужчин, чем для женщин-преподавателей. Авторы так же подчеркивают, что оценка, в ряде случаев, зависела не от уровня знаний, а занижалась или завышалась (в среднем на 0,5–1 балл) в зависимости от внешнего облика студента и отношения к нему преподавателя. Со своей стороны студенты не замечали данную тенденцию, отмечая, что все оценки ставятся заслуженно. На втором этапе, на котором опрашивали студентов, было так же выявлено что такое мнение, о справедливости оценок, объяснялось тем что, студенты так же склонны считать, что красивые люди более умные, и поэтому заслуживают более высоких оценок. Таким образом, Д. Хамермеш и Э. Паркер [10], также отмечают влияние стереотипа «что красиво – то хорошо» на повседневную жизнь.

Так Л.А. Нордхолм, в своей работе рассматривала проблему взаимодействия врач–пациент, в связи со стереотипами врачей о красоте и их отношении к «красивым» и «некрасивым» пациентам [6]. Ею было выявлено, что «красивых» пациентов считают более «хорошими», покладистыми и оптимистично настроенными, чем «некрасивых» пациентов. Подобное исследование было проведено спустя 10 лет канадскими учеными Х.Д. Хаджиставропулосом, М.А. Россом и К.Л. фон Байером. В своем исследовании они рассматривали проблему восприятия боли пациента в зависимости от внешней привлекательности пациента [9]. Ими было обнаружено, что врачи оценивают боль как более сильную у красивых пациентов.

Как отмечают ряд авторов [6, 9, 13] феномен эйджизма, особенно в представлениях о внешнем облике другого человека обусловленом СМИ, которые пропагандируют стереотип «здоровый, молодой, красивый». Изучая особенности восприятия учащимися элементов внешнего облика другого человека,

М.В. Воробьева отмечает возрастные особенности восприятия внешнего облика другого человека. В данной работе автором были обнаружены некоторые различия в характере предпочтений школьников разного возраста при восприятии ими элементов внешнего облика другого [3, с. 195–198]. Это может быть продиктовано тем, что подростковый эталон красоты и привлекательной внешности в подростковом возрасте часто «завышен и нереалистичен» [3, с. 280]. В свою очередь Е.В. Белугина отмечает, что каждый возрастной этап развития личности характеризуется возрастными специфическими особенностями формирования, функционирования и трансформации телесности, образа тела, динамических экспрессивных паттернов самовыражения, способов оформления своей внешности [1, 2]. У. Teuscher и Ch. Teuscher [13] в своей работе, посвященной двойным стандартам эйджизма при оценке внешней красоты, выявили, что пожилые женщины чаще оценивались как более привлекательные, чем пожилые мужчины, независимо от возраста субъекта оценки.

Однако на данном этапе можно отметить, что в рамках российской психологии, существует мало работ посвященных дискриминации людей по внешнему облику, и её чаще связывают с этническими и расовыми особенностями. А эйджизм рассматривается в рамках вопросов по подбору персонала или дискриминации пожилых людей (проблемы пенсионеров). В нашей работе, посвященной изучению представлений женщин о красивой женщине, мы опросили 170 женщин двух возрастных групп: условно названных «молодые» (85 человек в возрасте от 17 до 21 года) и «зрелые» (85 человек в возрасте от 30 до 55 лет). Нами были предложены ряд опросников, в том числе прямо или косвенно затрагивающих проблему эйджизма и лукизма.

Мы просили указать возрастной диапазон («от» и «до») к которому можно отнести «красивую женщину», респондентам была предложена шкала в диапазоне от 5 до 90 лет, с градацией по 5 лет.

В ходе анализа полученных результатов, нами было выявлено, что красивая женщина описывается как женщина в возрасте от 18,7 (средний показатель по выборке) до 55,6 лет.

Однако анализ каждой из групп показал, что у молодых девушек этот диапазон от 16 до 30 лет, а в группе «зрелых» от 20 до 60 лет, что так же показал корреляционный анализ Спирмена, в ходе которого было выявлено, что существует прямая корреляционная связь между возрастом и такими характеристиками как нижняя граница возраста красивой женщины ($r = 0,32$; $p < 0,05$), верхняя граница возраста красивой женщины ($r = 0,21$; $p < 0,05$). Таким образом, чем старше женщина, тем старше в ее представлении «красивая женщина». Этот те-

зис также подтверждают другие полученные нами данные. В рамках нашего исследования мы просили респондентов назвать женщину, которая является для них идеалом/эталоном женской красоты. В качестве идеала «красивой женщины» 52 участницы назвали известных актрис/певиц.

Нами был проведен анализ соотношения возраста участниц исследования, возраст их «идеала» и возрастной диапазон, который они приписывают красивой женщине. В рамках этого анализа, мы выявили прямую корреляционную связь между возрастом участниц исследования и возрастом их идеала ($r = 0,5$; $p < 0,05$). Мы также проанализировали возраст женщин, указанных как идеал, и диапазон возраста, к которому эти участницы исследования относят понятие «красивая женщина». Мы выяснили, что только 52 % указанных женщин попадают в указанный диапазон, в то время как 48 % старше, чем верхняя граница возраста «красивой женщины». Необходимо также отметить, что среди указанных идеалов, молодые девушки называли актрис, которые известны по ролям в молодые годы (Одри Хепберн, Мэрилин Монро). Таким образом, мы можем предположить, что проявление эйджизма в представлениях женщин о женской красоте более характерно для молодых девушек.

Рассматривая лукизм, как специфическое, дискриминационное отношение к другому, в зависимости от его внешнего облика, мы выделили ряд вопросов, которые могут, так или иначе, отражать данный феномен. Так, один из блоков вопросов включал вопросы о росте и весе красивой женщины, в зарубежных исследованиях говорится о том, что люди слишком маленького роста или очень высокие считаются менее красивыми, в то время как люди среднего роста и веса оцениваются как более привлекательные. В нашей работе, нами было выявлено, что красивая женщина описывается как женщина среднего роста от 158 до 175 сантиметров, с весом от 48 до 64 килограмм, что также отражает эту тенденцию.

Также нами был проведен анализ ответов на вопросы, связанных с числовым описанием роста и веса красивой женщины. Участницы исследования отмечали прямой диапазон роста и веса. Исходя из указанного роста и веса «красивой женщины», мы высчитали ИМТ, который рассчитывается по формуле «масса тела, деленная на рост в квадрате». Данный показатель интерпретируется в соответствии с рекомендациями ВОЗ. Таким образом, мы выделили 4 группы ответов: 75 % участниц исследования указали соотношение рост–вес, который оценивается как «норма», 14 % указали на недостаточную массу тела; 7 % – на избыточную массу тела и 4 % на выраженный дефицит массы тела. При этом среди женщин старшего возраста 85 % указали соотношение роста

и веса в пределах «нормы», 9 % – недостаточную массу тела, однако близко к норме и 6 % – избыточную массу тела. В тоже время молодые девушки, только 78 % указали на нормальное соотношение роста и веса, а 22 % назвали соотношение с выраженным дефицитом или недостаточной массой тела. Необходимо отметить, что даже те ответы, которые относятся к группе «норма», находятся в нижней части диапазона и отражают пограничное состояние с «дефицитом массы тела».

Мы также проанализировали, ответы на вопрос, в котором необходимо было отметить, как выглядит фигура красивой женщины (от «анорексично худая» до «толстая»). Так, 45 % зрелых женщин указали, что у красивой женщины фигура «с формами»; 35 % – выбрали характеристику «стройная фигура», 13 % – спортивная; 5 % – полная и 2 % – указали, что у красивой женщины «очень худая фигура». Молодые девушки выбирали «стройная» и «фигура с формами» (по 39 %); 12 % – «спортивная фигура», по 3% – «очень худая» и «полная» и по 2 % – «анорексично худая» и «очень полная». Таким образом, можно предположить, что молодые девушки, находятся в большей степени под властью стереотипов транслируемых СМИ о весе красивой женщины и скорее будут проявлять дискриминацию женщин, обладающих полной фигурой, однако для того чтобы говорить о дискриминации, следует провести дополнительные исследования.

Также нами были заданы 5 вопросов, которые были составлены, основываясь на зарубежных исследованиях приведенных выше. Респондентам предлагалось оценить, насколько та или иная характеристика относится к красивой женщине, где 1 балл соответствовал ответу «совершенно не относится», а 10 баллов «полностью соответствует». Так мы просили оценить такие высказывания как «красивые женщины более счастливые», «красивые женщины больше переживают из-за внешности», «у красивой женщины больше друзей», «у красивой женщины больше врагов», «красивым женщинам чаще завидуют».

Были получены следующие данные: «красивые женщины более счастливые» – 6,7 балла, «красивые женщины больше переживают из-за внешности» – 6,2 балла, «у красивой женщины больше друзей» – 6,7 балла, «у красивой женщины больше врагов» – 6,2 балла, «красивым женщинам чаще завидуют» – 7,5 балла. Данные баллы, как и распределение частоты ответов, говорят о том, что большинство участников исследования считают красивую женщину более счастливой (71 % респондентов), по сравнению с другими женщинами, красивые женщины больше переживают из-за внешности (64 %), им чаще завидуют окружающие (81 %), у них много как друзей (68 %), так и врагов (57 %).

Описывая отношения красивой женщины на работе, 1 % респондентов не дали ответа, 11 % считают, что красивые женщины «на работе пользуются авторитетом и уважением», 65 % респондентов указывают, что «на работе некоторые их любят, а некоторые нет», 18 % считают, что у красивых женщин «ровные отношения со всеми коллегами», и 5 % респондентов считают, что красивую женщину «коллеги не любят».

Таким образом, можно предположить, что полученные нами данные, говорят об актуальности данной темы для российского менталитета. Как отмечает В.А. Лабунская [5], «внешний облик – становится одним из важнейших средств построения типологий, выделения и распознавания определенных социальных групп, страт, описания стилей жизни. ... Внешний облик человека становится способом визуальной коммуникации и стратификации». Таким образом, внешний облик становится одним из факторов дискриминации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белугина Е.В. Особенности отношения к своему внешнему облику в период середины жизни: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002.
2. Белугина Е.В. Исследование внешнего «Я» личности в контексте психологии общения // Психологический вестник РГУ. – Ростов-на-Дону, 1999. – Вып. 3. – С. 293–298.
3. Воробьева М.В. Восприятие учащимися элементов внешнего облика другого человека // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III всероссийского съезда психологов 25–28 июня 2003: в 8 т. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2003. – Т. 2. – С. 195–198.
4. Кон И.С. Открытие «Я». – М., Политиздат, 1978.
5. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 26–39.
6. Ageism: stereotyping and prejudice against older persons / edited by T. Nelson. – New York: Massachusetts Institute of Technology, 2002.
7. Felson R.B., Bohrnstedt G.W. «Are the Good Beautiful or the Beautiful Good?» The relationship between children's perception of ability and perceptions of physical attractiveness // Social Psychology Quarterly. – 1979. – Vol. 42. – № 4. – P. 386–392.
8. Furnham A., Mistry D., McClelland A. The influence of age of the face and the waist to hip ratio on judgements of female attractiveness and traits // Personality and Individual Differences. – 2004. – Vol. 36. – P. 1171–1185.
9. Hadjistavropoulos H.D., Ross M.A., Von Baeyer C.L. Are physicians' ratings of pain affected by patients' physical attractiveness? // Social Science & Medicine. – 1990. – Vol. 31. – Issue 1. – P. 69–72.
10. Hamermesh D., Parker A. Beauty in the classroom: instructors' pulchritude and putative pedagogical productivity // Economics of Education Review. – 2005. – Vol. 24. – Issue 4. – P. 369–376.
11. Nordholm L.A. Beautiful patients are good patients: evidence for the physical attractiveness stereotype in first impressions of patients // Social Science & Medicine. Part A: Medical Psychology & Medical Sociology. – 1980. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 81–83.
12. Olson I.R., Marshuetz Ch. Facial Attractiveness Is Appraised in a Glance // Emotion. – 2005. – Vol. 5. – Issue 4. – P. 498–502.
13. Teuscher U. and Teuscher Ch. Reconsidering the double standard of aging: Effects of gender and sexual orientation on facial attractiveness ratings // Personality and Individual Differences. – 2007. – Vol. 42. – № 4. – P. 631–639.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**Мартыненко К.И.**

В данной статье производится анализ представлений зарубежных и отечественных авторов о социальном познании, его особенностях и содержании, выделяются различия точек зрения исследователей. А так же описывается развитие данной проблематики в настоящее время в рамках современной социальной психологии с учетом актуальных потребностей общества.

Ключевые слова: социальное восприятие, социальное познание, субъект социального познания, общение, коммуникативное ядро личности, коммуникативная направленность личности.

Социальная психология, как известно, охватывает огромный спектр тем и проблем, которые постоянно расширяются. Углубляются сами исследования по мере развития общества в целом и самой психологии, как науки, в частности. Так, начиная с 70-х гг. XX века в социально-психологической литературе интерес к себе стала привлекать особая проблемная область, а именно психология социального познания.

Однако, как отмечают многие исследователи [1, 2], в англоязычной литературе термин «психология» в названии этой области опущено, и она названа просто «Social Cognition». Вместе с тем, это понятие не является чисто психологическим, оно также встречается в ряде других гуманитарных наук. Например, в философии («теория познания»), или социологии, где в качестве одной из самостоятельных дисциплин существует «социология познания» (или «знания»). Но неверно было бы ставить знак равенства между психологическим взглядом на проблему познания и философским, или же социологическим. Конечно, социальная точка зрения имеет свой специфический угол зрения на заявленную проблему, поэтому с полной уверенностью можем говорить о появлении и существовании «психологии социального познания».

В связи с этим, цель данной статьи – анализ представления о социальном познании в рамках отечественной психологии. Однако чтобы в полной мере осветить представления российских ученых на заявленную проблему как предмет нашего рассмотрения, нам придется обратиться к истокам проблемы познания в социальной психологии, прежде всего, к разработкам зарубежных теоретиков и практиков.

Для начала, надо ответить на вопрос, почему же проблема социального познания стала актуальной именно во второй половине двадцатого века? В отве-

те на этот вопрос, нам поможет статья Г.М. Андреевой «К проблематике социального познания», в которой указывается, что вся предшествующая традиция, развитая в философии, да и в классическом варианте социологии знания (например, в работах М. Шелера и К. Маннгейма), не вполне различала два возможных акцента при изучении социального познания. Один из них – анализ методологии социального познания, разрабатываемой различными научными дисциплинами: их средства, приемы, нормативы, руководствуясь которыми можно изучить (познать) социальную реальность. «Социальное познание» в такой трактовке – это научное познание всей совокупности социальных явлений, отношений, фактов; задача и способы ее решения исследователями [2]. Второй акцент, который, в принципе, также отмечался, – это познание социального мира «обыденным» человеком, непрофессионалом, познание им повседневной реальности своей собственной жизни. «Социальное познание» в данном случае, как указывает автор, – не научное знание, а то «знание», которое складывается в непосредственном жизненном опыте каждого человека. Последний выступает как «наивный психолог» или, в крайнем случае, как «наивный ученый» [2, с. 16].

Именно этот второй аспект стал интересовать социальную психологию. Причин того, что такой подход стал особенно актуален во второй половине столетия множество. Например, одной из важных причин было усложнение общественной жизни, которое проявлялось и в убыстрении социальных процессов, и в возникновении новых форм и «сечений» общественных институтов, и во все умножающихся бурных социальных изменениях, а порою в катаклизмах, требующих от обыденного человека, рядового члена общества, достаточной степени

понимания того, что же происходит вокруг. В новой ситуации резко возросла потребность в ориентации в окружающем мире, поскольку ориентироваться в новом, сложном мире, можно только умея более или менее адекватно интерпретировать наблюдаемые факты. Иначе, без такой интерпретации легко потерять смысл, как происходящего, так и своего собственного места в нем. Так же сыграл свою роль стремительный темп происходящих социальных изменений, развитие средств массовой информации, поскольку это требует от человека не только большей адаптации к социуму, но и умения «совладать» (что обозначается в английском языке словом *to cope*, отсюда существительное *coping*) с новой ситуацией, то есть оптимизировать деятельность в ней, а значит, лучше понять, как соотносятся наши знания о мире с изменениями в нем. Таким образом, прежде всего социальные и общественные условия приводят к тому, что познание социального мира обыденным человеком становится специальным предметом исследования [1].

Анализируя труды Найсера, Г.М. Андреевой была выделена еще одна причина обращения к проблематике социального познания, и она кроется в самой логике развития этой науки. С одной стороны, в одной из «родительских» дисциплин (общей психологии), также во второй половине века наблюдается огромный прорыв в области изучения познавательных процессов. Традиционный раздел общей психологии – познавательные процессы – все больше и больше сам становится предметом особой отрасли психологической науки – когнитивной психологии. В значительной мере это было обусловлено появлением электронно-вычислительных машин, в связи с чем выяснилось, что операции, ими выполняемые, весьма сходны с когнитивными процессами человека (получение информации, сохранение ее в памяти, классификация и пр.). Однако, первоначальный энтузиазм, возникший в связи с новыми возможностями, открываемыми ЭВМ, обернулся угрозой оторваться от характеристики процесса познания, как он происходит в реальном мире. Поэтому в исследованиях когнитивной психологии довольно быстро были обозначены новые подходы, ориентированные на анализ когнитивной активности индивида в условиях естественной целенаправленной деятельности. И благодаря этому был сделан шаг в сторону социально-психологического исследования когнитивных процессов [1, 2].

Из всех других отраслей психологии, именно социальная психология оказалась более всего подготовленной стать непосредственной предшественницей психологии социального познания. Хотя, следует отметить, что предпосылки возникновения нового широкого фронта исследований появились еще минимум в трех областях, а именно, это – про-

блематика межличностного восприятия (и вообще социальной перцепции), анализ атрибутивных процессов и теории когнитивного соответствия. В каждой из этих трех областей были выявлены те или иные стороны специфики познания человеком социального мира.

Можно смело говорить о том, что социальное восприятие стало именно социальным познанием в работах Дж. Брунера, поскольку в них акцент делается на особенности процесса категоризации социальных объектов, служащей средством не просто восприятия, но интерпретации поведения другого человека. Восприятие при этом становится не просто «репрезентацией», но построением «модели мира», так как предполагает умозаключение, то есть некоторую ментальную «конструкцию» [1].

Кроме Дж. Брунера, большой вклад в зарубежную психологию социального познания внесли Э. Джонс и К. Дэвис с их теорией *корреспондентного вывода*, Г. Келли с теорией *ковариации (ANOVA) и конфигурации*. Данные работы интересны тем, что субъект восприятия в этих концепциях рассмотрен как вполне рациональная личность, которая нечто *знает* о действительности, в частности, знает, как приписывать причину наблюдаемому поведению. Это доказывает, что процесс социального восприятия, по существу, превращается в процесс социального познания и в данном случае. Так же следует отметить теории Ф. Хайдера, Т. Ньюкома, Л. Фестингера, Ч. Осгуда, П. Танненбаума, в которых предлагается описание психологической технологии поиска смысла «субъективной рациональности». Важно для изучения социального познания и понятие «психологии» как логики обыденного человека, введенное Р. Абельсоном и М. Розенбергом [1].

Как мы видим, зарубежная социальная психология имеет большой опыт исследования социального познания, множество областей и направлений, которые позволяют рассматривать данное явление с разных сторон. К сожалению, то же самое мы не можем сказать об отечественных исследованиях в этой области.

Тем не менее, интерес к проблеме познания людьми друг друга в отечественной психологии уходит корнями в исследования и работы начала двадцатого века. Начиная с 70-х гг. XX века в социально-психологической литературе все чаще стала заявлять о себе особая проблемная область, которая обозначила себя как «психология социального познания». Однако, определение социального познания, которое предложил Дж. Брунер, как отмечает Г.М. Андреева в отечественной социальной психологии приобрело другое значение, им стали обозначать восприятие социальных объектов, а именно: другой человек, социальная группа, более широкая социальная общность.

Автор указывает на структуру перцептивного процесса, в котором выделяется четыре составляющих: субъект восприятия, объект восприятия, собственно процесс восприятия и результат этого процесса – образ. И здесь очень значимой является идея А.Н. Леонтьева о рассмотрении образа восприятия как «ориентировочной основы поведения» [8, 1]. Образ как «результат» социально-перцептивного процесса функционирует далее во всей системе взаимоотношения людей. Более того, иногда «образы» другого человека, группы, какого-либо социального явления более значимы в этих отношениях, чем сами объекты.

Очень важно, что, социальное познание, возникая в ходе взаимодействия, предполагает обязательный коммуникативный процесс, т.е. процесс постоянного обмена информацией. Это проблема во всей ее полноте обсуждается в теории «социальных представлений» С. Московиси, которая является важнейшей концепции психологии социального познания, по мнению Г.М. Андреевой [1]. Она указывает на пять основных типов субъектов социального познания (в английской терминологии – «познавателей»).

1. **Рациональный человек.** Для него основание познания – поиск соответствия, упорядоченности в его когнитивных структурах, он рационален, так как глубоко убежден, что в познании нужно руководствоваться доводами, а не эмоциями.
2. **«Наивный психолог»** – это обыденный человек, который полагается на сложившиеся у него представления о некотором сцеплении черт в человеке («все серьезные люди упрямы», «все веселые – легкомысленны», «все упрямыцы – педанты» и пр.).
3. **«Производитель данных»** – человек, который оценивает другого человека не в связи с существующими у субъекта имплицитными теориями личности, а исключительно на основании порядка предъявления информации о воспринимаемом.
4. **«Когнитивный скупец (скряга)»** – человек, допускающий много ошибок в оценивании другого человека из-за излишней «экономности» своих суждений. Иногда такой «скупец» опирается в своих суждениях на кажущуюся близость тех или иных объектов.
5. **Когнитивно-аффективный** тип, в отличие от «рационального», в гораздо большей степени опирается в своих оценках на эмоции: никогда не действует «по логике», но всегда – по «психологии».

Конечно, эта типология, как и всякая типология, достаточно условна: вряд ли описанные типы существуют в чистом виде. Тем не менее, она полезна, так как позволяет более конкретно рассмотреть вопрос

о том, какие механизмы человек включает при познании социального мира и как эти индивидуальные механизмы проявляют себя во взаимодействии с социальными факторами [1].

Параллельно с исследованиями Г.М. Андреевой шли разработки проблемы познания в школе другого известного отечественного психолога А.А. Бодалева, развивавшего идеи В.М. Бехтерева, А.П. Нечаева, И.А. Сикорского. А.А. Бодалев вместе со своими учениками ставили своей задачей изучать роль различных компонентов психики субъекта в целостном отражении им другого человека.

На настоящее время, вслед за А.А. Бодалевым, в изучении познания людьми друг друга можно выделить следующие аспекты исследований:

- 1) возрастной (исследования А.М. Зимичева, В.Н. Панферова, Р.А. Максимовой, И.А. Шихиной, Г.Г. Дьяконова и др.);
- 2) гендерный (В.Н. Куницына, Е.П. Ильин, В.А. Лабунская, В.М. Погольша, А.А. Чекалина и др.);
- 3) этнический (Т.А. Акопян, Доржмичин Дэлгэрма, Т.Г. Стефаненко и др.);
- 4) профессиональный (В.Н. Куницына, А.А. Бодалев, А.С. Егоров, А.М. Зимичев, Г.М. Андреева, Кан-Калик, Л.А. Петровская, А.А. Леонтьев и др.)

Следуя за А.А. Бодалевым и его учениками, можно определить познание человека человеком как одну из содержательных сторон процесса общения, где личностная сущность человека является предметом психического отражения. По мнению автора, наиболее важными компонентами структуры межличностного познания являются восприятие и понимание. Восприятие и понимание же можно трактовать и как этапы межличностного познания. Межличностное восприятие происходит в непосредственном общении, в форме отражения объективных свойств человека (внешнего облика, поведения, деятельности) и определения на их основе социально-психологических особенностей партнера (первое впечатление).

Как мы видим, А.А. Бодалев указывает на роль общения в процессе познания. В отличие от стремлений к типизации субъекта социального познания, о котором речь шла выше, А.А. Бодалев, его ученики и соратники стремятся к системному подходу. В нем отражены и направленность личности, и умение выбирать подходящий способ поведения, а также развитие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферы личности. Все вместе это позволяет говорить о понятии «коммуникативное ядро личности», которое включает характерное для нее единство отражения, отношения и поведения, проявляемое при прямых или опосредованных какими-то техническими средствами контактах индивида с различными

людьми и общностями. Это, во-первых, все формы знания о людях и общностях, которыми располагает человек и которые более или менее полно актуализируются у него в общении с ними; во-вторых, все переживания, проявляемые в контактах с другими людьми или общностями; в-третьих, все виды вербального и невербального поведения, через которое возникают эти контакты [3, 4].

В современной трактовке это находит отражение, например, в понятии коммуникативной направленности личности, где отражаются в виде установок, знаний, переживаний, ценностные отношения к другому человеку и самому общению (С.Л. Братченко, Л.И. Рюмина, Л.И. Габдулина и др.)

Подводя итоги проведенного анализа представлений о социальном познании в зарубежной и отечественной психологии, можно говорить о том, что во второй половине XX столетия проблема социального познания была на пике своей популярности. Однако и в настоящее время она не утратила своей актуальности, при этом приобрела современные формы, включающие ценности, смыслы, глубинные установки. Они востребованы в современной как зарубежной, так и отечественной психологии. Такая популярность ценностно-смысловой проблематики обусловлена тем, что именно ценности и смыслы позволяют человеку ориентироваться в постоянно изменяющемся сложном мире, их исследование, в определенной мере, выполняет то предназначение, с целью которого тема социального познания и вводилась в социальную психологию.

При этом основное отличие отечественных и зарубежных исследований проблемы социального познания заключается в том, что в зарубежной науке данное явление изучается в рамках большого количества подходов, что позволяет рассматривать его с различных сторон. Однако это может приводить к «размыванию» данного понятия. Этого нельзя сказать об отечественных исследованиях, где до сих пор наиболее популярны две точки зрения на

проблему познания, предложенные Г.М. Андреевой и А.А. Бодалевым и разрабатываемые их последователями. С учетом вышесказанного, наибольший интерес для нас представляет точка зрения школы А.А. Бодалева, где наиболее широко изучаются факторы и условия социального познания, как необходимые атрибуты общения (его процесса и результата), а также анализируются ценности и смыслы как важные детерминанты межличностного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. Учебное пособие. – М.: Изд-во Аспект-пресс, 2004. – 288 с.
2. Андреева Г.М. К проблематике социального познания. Цикл «Психология социального познания», посвященный юбилею Г.М. Андреевой // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 15–23.
3. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 199 с.
4. Бодалев А.А. Личность и общение. – М., 1983. – 272 с.
5. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 201–222.
6. Габдулина Л.И. Стиль педагогического общения и его ценностно-смысловые и когнитивные детерминанты: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Дону, 1999. – 237 с.
7. Мясищев В.Н. Психология отношений. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1998. – 368 с.
8. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1999. – 365 с.
9. Рюмина Л.И. Ценностно-смысловой подход к общению. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. – 176 с.

АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МАЛОЙ ГРУППЫ**Коваль Е.С.**

Рассматривается вопрос социально-психологической адаптации личности в малой группе, основные понятия, подходы и методы исследования. Представлена перспектива исследования социально-психологической адаптации учащихся в группе на начальном этапе ее формирования.

Ключевые слова: адаптация, социально-психологическая адаптация, социально-психологическая структура группы, малые группы и неформальные подгруппы.

Проблема адаптации человека во многих областях научного знания относится к числу фундаментальных. Все большее внимание специалистов различного профиля привлекает проблематика, связанная с адаптационными ресурсами человека как субъекта деятельности, общения и познания в целом. Это понятие активно используется в биологии, физиологии, медицине, в рамках которых достаточно давно предпринимались попытки изучения процессов взаимодействия организма и окружающей среды, что также позволило расширить область знания до гуманитарных и социальных наук, обогатив тем самым их новыми идеями, содержанием и значениями. Философы, психологи, социологи и педагоги не прекращают попыток осмысления феномена психологической адаптации личности в контексте постоянных изменений современного мирового и российского общества.

Само определение понятия «адаптация» представляет собой сложную философско-методологическую проблему. В общем виде (со времен Ламарка) – в естественных науках под адаптацией понималась вся «...совокупность реакций живой системы, поддерживающих ее целостность и функциональную устойчивость при изменении условий окружающей среды» [1, 6]. И соответственно, человек, являясь продуктом эволюции живой материи, имеет свою специфическую социальную среду обитания, соответствующую его биосоциальной природе, а значит вполне логично говорить о закономерностях адаптации человека к этой среде. Также очевидно, что наиболее сложные и разнородные аспекты явления адаптации проявляются именно в многогранной человеческой деятельности, в которой можно выделить психофизиологические, поведенческие, когнитивные и субъектно-личностные компоненты адаптационного процесса. Обратив свое

пристальное внимание на то, как понимают в психологии термин адаптация, мы сталкиваемся с обилием разных точек зрения: как в зарубежной психологии (в работах Г. Айзенка, З. Фрейда, Г. Гартмана, А. Филипса, Т. Шибутани и др.), так и в отечественной психологии – Е.Л. Белинской, Б.Д. Парыгина, Г.М. Андреевой, А.А. Реана, Г.А. Балла, В.М. Ромма и др.).

Особенности социально-психологического изучения адаптации заключаются в том, что, во-первых, отношения индивида и общества рассматриваются как опосредованные малыми группами, членом которых является индивид, во-вторых, малая группа сама становится одной из сторон, участвующих в адаптационном процессе, образуя новую социальную среду, к которой приспособливается человек [8].

Существуют разные определения социально-психологической адаптации индивида в микро-среде. Более обобщающим и подходящим, на наш взгляд, является определение, согласно которому социально-психологическая адаптация – это процесс и результат взаимной активности индивида и малой группы/неформальной подгруппы, связанный с усвоением им цели и задач, норм и ценностей группы/подгруппы, с определением своего места в системе отношений в соответствии с взаимными интересами и возможностями [7].

Также, принято выделять три основных подхода к изучению социально-психологической адаптации: адаптация как функция характеристик и активности индивида, адаптация как функция характеристик и активности группы, адаптация как функция взаимной активности индивида и группы [7, 8].

В первом подходе личность рассматривается как активное начало, внимание фокусируется на тех или иных индивидуальных и личностных качествах человека [5, 7, 8].

Второй подход заметно меньше, чем первый, представлен в теоретических и эмпирических исследованиях [2, 7]. Внимание обращается на те особенности группы, которые сильнее всего обуславливают успешность/неуспешность адаптации в ней индивида.

Третий подход является более всесторонним, по сравнению с двумя предыдущими, но в тоже время более сложным в плане теоретико-экспериментального и прикладного исследования. Например, представители интеракционизма рассматривают адаптацию как функцию взаимной активности личности и группы [4].

К данному подходу можно также отнести модель развития личности в новой микросреде (малой группе), разработанную в рамках концепции персонализации личности [7]. Как уже упоминалось, во всех существующих исследованиях социально-психологическая адаптация рассматривается с точки зрения того приспосабливается индивид к требованиям среды (группы) или приспосабливает требования под себя. Однако в анализ процесса адаптации не включается социально-психологическая структура, то есть неформальные подгруппы и «самостоятельные» члены, отношения между ними. Адаптация индивида рассматривается через связи либо в паре: индивид–индивид, либо с позиции группы в целом: индивид–группа. Поэтому из поля внимания выпадают иные важные связи: индивид–подгруппа, индивид–подгруппа–подгруппа, индивид–подгруппа–группа [7], как в классическом варианте социометрического подхода. Так, в основе социометрической структуры группы лежат лишь эмоциональные отношения симпатии и антипатии, феномены межличностной привлекательности и популярности.

В нашем исследовании будет применен разработанный А.В. Сидоренковым подход к изучению социально-психологической адаптации индивида в малой группе, суть которого заключается в анализе адаптации в контексте именно социально-психологической структуры группы. Неформальная подгруппа – это, в свою очередь, совокупность членов группы, объединенных на основании одного или нескольких психологических более общих и значимых для них признаков на данный момент времени по сравнению с другими членами группы. Неформальная подгруппа представляет собой коллективный субъект, который выполняет определенные социально-психологические функции для своих членов и группы в целом [8]. То есть, неформальные подгруппы и не включенные в них члены, являясь основой социально-психологической структуры группы, обладают общими характеристиками и находятся в определенных отношениях друг к другу и к группе. Здесь следует принимать во внимание потребностно-

мотивационный, социально-перцептивный и поведенческий аспекты внутренней и внешней их активности. К примеру, сплоченность группы основывается на отношениях между подгруппами по тем или иным основаниям (предметно-деятельностному или социально-психологическому), а не только на отношениях между индивидами, индивидами и группой в целом.

Проведенные ранее исследования, позволяют также говорить, что индивид адаптируется не в малой группе в целом, а в неформальной подгруппе наиболее «открытой» для него. Открытость подгруппы, в общем, как и группы в целом, связывается с ее адаптирующим потенциалом [7]. В результате процесс адаптации в группе содержит в себе процесс адаптации в одной из подгрупп. Причем иногда индивид включается в малую группу, но не включается ни в одну из подгрупп. Однако такой индивид не является неадаптированным, как показывают исследования, уровень его адаптации приближается к показателю адаптированности по малой группе в целом. Тогда как у членов отдельных подгрупп этот показатель может существенно отличаться от среднегруппового.

Стоит отметить, что иногда человек, не являющийся членом ни одной из подгрупп, не является объективно и не воспринимает себя субъективно полностью адаптированным. Более того, такие члены склонны к миграциям внутри малой группы в поисках «своей» подгруппы, но и здесь есть исключения. Это так называемые «тасующиеся» индивиды, их цель быть сопричастными с несколькими подгруппами [7].

В связи с существующей проблемой разобщенности членов учебных групп, находящихся на начальном этапе их формирования, нам представляется актуальным изучение социально-психологической адаптации с позиции именно микрогрупповой концепции.

Целью нашего исследования является изучение социально-психологической адаптации учащихся в (учебной) группе и неформальных подгруппах.

Объектом исследования, соответственно, являются группы учащихся высшей и средней школы, на начальном этапе их формирования. Говоря об адаптации студентов к условиям образования в вузе естественно считать, что наиболее интенсивно процесс адаптации происходит у первокурсников. Опыт показывает, что первый, а для ряда студентов и второй курсы обучения, оказываются критическими годами, в течение которых они переживают сложные и многообразные ситуации своей студенческой жизни. Именно в это время студенты взрослеют, у них формируется самосознание, продолжает развиваться система отношений с миром и с самими собой, формируются базовые учебные установки. Все это,

в существенной мере, определяет в дальнейшем успешность обучения студентов, эффективность обучения, возможности личностной самореализации в студенческой среде.

Это позволяет сформулировать ряд положений:

- в процессе вхождения новичка в группу он фактически включается в одну из неформальных подгрупп, которая наиболее открыта для него, или же не включается ни в одну из подгрупп; общий процесс адаптации новичка в группе – это, в значительной мере, процесс его включения или не включения в какую-то подгруппу;
- члены подгрупп имеют более высокий уровень адаптации внутри своих подгрупп, чем по группе в целом; «самостоятельные» члены характеризуются более высоким уровнем адаптации к подгруппе, на которую ориентируются, чем по группе в целом;
- адаптация полноправных членов в группе опосредована адаптацией в неформальной подгруппе (у членов подгрупп) или адаптацией к какой-то подгруппе (у «самостоятельных» членов), т.е. адаптация полноправных членов в группе осуществляется посредством их включения в ту или иную подгруппу;
- уровень адаптации индивида в группе в большей степени зависит от того, насколько «открыта» для него группа-подгруппа, чем от личностных характеристик.

Разработанный подход позволяет качественно расширить аналитические перспективы и получить более адекватное представление о заявленной проблематике.

Что же касается области психодиагностики социально-психологической адаптации личности, традиционно исходят с позиции группы в целом, что приводит к получению обобщенных, усредненных результатов. Включение же социально-психологической структуры в процедуру диагностики позволит ставить более дифференцированный и точный диагноз адаптации индивида в зависимости от его места в этой структуре. Социометрический тест, широко распространенный за рубежом и в нашей стране, сам по себе часто не позволяет с высокой степенью надежности выделять в малой группе неформальные подгруппы и не включенных в них членов. Чем более многочисленна группа и более сложными становятся отношения внутри нее, тем менее пригодной оказывается обычная социометрическая процедура для решения данной задачи.

Поэтому выделение в исследовании неформальных подгрупп возможно в том случае, если будет использована формализованная и достаточно простая процедура. Такая процедура, которая позволяет выделять подгруппы в группе, заранее не задавая

возможного числа таких подгрупп и количества членов, включенных в такие неформальные подгруппы, а также таких членов, которые не включены ни в одну из подгрупп.

Создание формализованного метода выделения подгрупп предполагает решение двух основных вопросов: по каким критериям определяется принадлежность данного индивида к подгруппе; с помощью какого алгоритма можно выделить подгруппы, если заранее не известны ни их количество в группе, ни их состав [3].

Принадлежность индивида к подгруппе определяют на основании самых разнообразных – как непсихологических (например, возраст, профессия, квалификация, продуктивность деятельности), так и психологических (например, сходство установок, ценностей, темпераментных свойств) критериев. При выделении микрогрупп по этим критериям обычно не требуется использование специальных математических процедур.

Когда же принадлежность индивида к подгруппе определяется на основании анализа межличностных выборов, отражающих отношения, складывающиеся между членами группы, то эта задача становится значительно более сложной. Такое разделение на подгруппы является структурной характеристикой группы и не столь очевидно, хотя может быть раскрыто посредством применения специального математического аппарата. При этом возможны три различных варианта определения принадлежности человека к подгруппе:

- а) на основании его собственного мнения (или, например, произведенных им межличностных выборов);
- б) на основании мнения членов подгруппы (их выборов);
- в) в результате совпадения собственного мнения человека и мнений членов подгруппы (взаимных выборов).

А.С. Горбатенко [2] отдает предпочтение второму варианту, т.е. мнению членов подгруппы. Он обосновывает это тем, что такой вариант в большей степени соответствует психологической традиции, предполагающей важную, детерминирующую роль группы по отношению к личности.

Для выделения неформальных подгрупп в малых группах А.С. Горбатенко разработал и апробировал метод, общая суть которого состоит в применении математической процедуры «распознавания образа» – кластерного анализа [3]. Её отличительной особенностью является возможность «без учителя» (т.е. не задавая заранее предполагаемое количество подгрупп или количество членов, включенных в подгруппы) выделить объективно имеющиеся в группе подгруппы и их состав.

Для исследования адаптации личности в контексте групповой структуры разработана «Методика изучения социально-психологической адаптации индивида в группе и подгруппе».

Данная методика также основывается на микрогрупповой теории А.В. Сидоренкова и позволяет измерить уровень адаптации, как в целом по группе, так и в неформальной подгруппе. Эта особенность методики позволяет сделать более полный анализ адаптации личности, поскольку адаптация к группе в целом не отражает реального уровня адаптированности. Индивид может быть включен в одну из неформальных подгрупп, может быть не включен, и это в значительной степени отражается на уровне его адаптации. Адаптация напрямую влияет на уровень самочувствия индивида, его работоспособности, эффективность и продуктивность его деятельности. Поэтому предложенная методика поможет наиболее полно и глубоко диагностировать те особенности в адаптации индивида, которые зависят от его включенности в неформальную подгруппу, а значит проводить коррекцию уровня адаптации на более высоком уровне.

Стимульный материал методики имеет единую форму для учебных, производственных, спортивных групп и содержит 14 пунктов в виде утверждений. Оценка выраженности признака, отображенного в пункте, осуществляется на основе 7-ми балльной шкалы Ликерта.

Методика состоит из двух частей: «Среди тех, с кем поддерживаю тесные отношения» и «По группе в целом». Первая часть предназначена для изучения адаптации индивида к подгруппе, а вторая – к группе в целом.

Так же, как было сказано ранее, для получения более точных и обоснованных результатов, нами планируется изучение взаимосвязи уровня адаптации с личностными особенностями индивида и степенью открытости группы/подгруппы. Необходимо изучить какие именно личностные качества (например, общительность/замкнутость; самоуверенность/неуверенность; ответственность/безответственность и пр.) влияют на успешную адаптацию в группе/подгруппы, и как меняется уровень адаптированности, исходя из степени «открытости» и принадлежности к подгруппе или группы в целом. Методический инструментарий находится в стадии разработки.

Итак, адаптация это сложное и многогранное явление. Понятие «социально-психологическая адап-

тация», заявленная нами в будущем диссертационном исследовании, является более узким понятием, чем «адаптация» вообще, и подразумевает приспособленность человека к существованию в обществе, в соответствии с требованиями общества и собственными потребностями, мотивами, интересами. Критерии адаптации мы будем рассматривать в двух аспектах: а) объективные (внешние) – продуктивность деятельности, успеваемость, соответствие поведения социальным нормам и т.п. и б) субъективные (внутренние) – субъективная удовлетворенность своим положением, отсутствие психоэмоционального напряжения, тревоги и т.д. Соответственно адаптация представляет собой многокомпонентное образование с содержательно-структурной и предметно-аппликативной точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Психологический журнал. – 1989. – № 1.
2. Горбатенко А.С. Социально-психологические детерминанты включения нового индивида в группу // Вопросы психологии. – 1982. – № 3. – С. 99–104.
3. Горбатенко А.С., Горбатенко Т.М. Структура межличностных отношений в старших классах: методика и результаты исследования. – Ростов н/Д: РГПУ, 1996.
4. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. – С. 10–12.
5. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.
6. Ромм М.В. Философия и психология адаптивных процессов: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: «МОДЭК», 2006. – 296 с.
7. Сидоренков А.В. Неформальные подгруппы в малой группе: социально-психологический анализ. – Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ, 2003. – 436 с.
8. Сидоренков А.В. Микрогрупповая концепция // Российский психологический журнал. – 2006. – № 1. – С. 21–40.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ПРОЦЕССА ДАРЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**Попова Л.В.**

Статья посвящена изучению феномена подарка и процесса как фактору межличностных отношений личности в деловом общении. В работе проанализированы понятия «дар», «подарок», «процесс дарения», на основе анализа феномена подарка и процесса дарения сформулированы их социально-психологические функции. Рассмотрены подарок и процесс дарения в российской культуре.

Ключевые слова: подарок, дар, гостинец, социально-психологические факторы, обычаи.

Обзор исследований в области психологии показал, что процесс дарения практически не изучен, более того, такое явление, как подарок еще не стало предметом различных социально-психологических работ. Вместе с тем необходимо отметить, что процесс дарения сопровождается различными аспектами жизнедеятельности человека, что уже на уровне обыденного поведения становится понятной существенная роль подарка в разнообразных ситуациях взаимодействия. Данный вывод подкрепляется исследованиями, выполненными в области антропологии, социологии, истории, семиотики, экономики, юриспруденции.

Особенностью изучения подарка с точки зрения антропологии, истории, культурологии является то, что изучается не столько сам подарок, сколько процесс дарения (Ю. Лотман, Б. Малиновский, М. Мосс, Тахо-Годи, М. Энафф и др.). В Ильин считает, что интерес к подарку как к предмету исследования впервые возник именно в рамках традиционной антропологии. Основы изучения этого феномена были заложены Марселем Моссом. В основополагающей работе об исследовании процесса дарения «Эссе о даре» М. Мосс изложил основные принципы этого процесса. Как пишет М. Мосс, основой древнейшего обычая обмена подарками является принцип «взаимности». По его мнению, делать подарки, принимать подарки, делать ответные дары – это в равной степени важные обязанности, которые должны неукоснительно выполняться. Вручение подарка имеет целью породить дружеские чувства. Подарок – вещь, которая должна доставить удовольствие получателю. С одной стороны, обмен подарками – дело добровольное, но, с другой стороны эта добровольность достаточно условна. Отказ от обычаев дарения и ответного дарения эквивалентен объявлению войны, отказу от союза.

В социологии рассматривают процесс дарения с нескольких сторон: 1) участники дарения – дарящий, одаренный и свидетели потребления; 2) сам подарок, который делится на рациональный и спонтанный, материальный и нематериальный; 3) результат дарения, понимающийся как определенное эмоциональное состояние, которое возникло после получения подарка. Функциями подарка, рассматриваемыми в социологии, чаще всего являются поддержание социальных сетей и разрыв рутины повседневности (В. Ильин, Е.А. Долгушева, М. Егорова и др.).

В. Ильин определяет социальные сети как каналы, связывающие индивидуальные позиции как внутри одного социокультурного поля, так и в разных полях. Наиболее распространенный тип социальных сетей – семейные, родственные или клановые отношения. Также социальные сети могут связывать друзей и знакомых, коллег по работе, быть профессиональными, классовыми, региональными и т.д.

Как считает А.Б. Фенько, для экономистов изучение феномена подарка представляет особый интерес, поскольку экономика подарка только наполовину является «рыночной» (Davis 1972, Garner & Wagner 1991). Для производителей и продавцов чрезвычайно важно знать правила и привычки тех, кто делает подарки: ведь большинство современных подарков покупаются в магазине. Особенностью изучения экономики подарка является, наряду с изучением, представители каких социально-демографических групп делают больше подарков, по каким случаям и кому чаще делают подарки жители разных стран, также и сколько денег люди в среднем тратят на подарки. (Wiseman 1974, Belk & Wallendorf 1990). А.Б. Фенько рассматривает такую характеристику подарка как иррациональность. Подарок может потерять свою ценность, если человек слишком озабочен его

ценой. Механизмы сакрализации обычно участвуют в приобретении подарков. Цель сакрализации – превращение денег в объекты, несущие особый смысл и значение. По ее мнению, именно священность, сакральность подарка противопоставляет, отличает его от обычных, профанных вещей.

Очень важным является вопрос, к каким именно праздникам (Новый год, Рождество, 8 Марта, День рождения, Пасха, юбилеи, свадьба и т.д.) покупается большее количество подарков. Данные таких исследований используются в рекламе того или иного товара или тех или иных услуг. Наряду с этим, по мнению М. Егоровой, реклама, в частности, и средства массовой информации, в общем, играют огромную роль в тиражировании знаковой нагрузки, которую несет за собой подарок. Цель рекламы, как она пишет, – не только способствовать продаже того или иного товара или услуги, но и внедрить в общественное сознание образ целого общества, потребляющего этот товар или услугу. Потребителя приводят к мысли, что именно данный товар или услуга отвечают его желаниям. Человек, покупая вместе с товаром его образ, покупает еще какую-то важную для себя энергию – радость от покупки, подъем сил.

Процесс дарения отмечен и в юриспруденции. В Гражданском Кодексе РФ (часть 2, раздел IV, глава 32 «Дарение») процесс дарения характеризуется как договор, при котором «одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность...». Как один из видов дарения, в гражданском праве рассматривается пожертвование: «Пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях» (там же, статья 582).

Среди психологической литературы одним из первых упоминаний о подарке было определение Л. Перлз в ее «Психологических заметках»: «Подарок – это то, что просто есть, что предложено... Подарок – это не жертва, а то, что дают легко, не ожидая ничего взамен. Это не сюрприз и не награда. Это нечто, чего по праву ждут и ищут в сложившемся обществе, как ребенок ждет материнского молока... Подарок восстанавливает целостность как дающего, так и принимающего. Свободное соответствие изобилия и нужды обеспечивает равновесие социального поля».

Психологи, как правило, рассматривают подарок в рамках коммуникации. В процессе коммуникации происходит обмен сообщениями, т.е. осуществляется передача информации от одного участника к другому. Информация кодируется с помощью определенной символической системы, передается и затем декодируется, или интерпретируется адресатом сообщения. Из всех видов знакового (символьного) поведения в человеческом сообществе являются использование языка (вербальная коммуникация) и сопрово-

ждающее его несловесное поведение (невербальная коммуникация).

Феномен символа является одной из наиболее занимательных составляющих системы коммуникаций. Под символами подразумеваются слова, жесты, предметы, несущие в себе особое значение и узнаваемые представителями данной культуры. По данным исследования, проведенного Н. Артемьевой, подарок является носителем культурных символов и используется людьми как своего рода средство коммуникаций. Преподнося подарок, люди стремятся передать информацию о характере взаимоотношений или делают это произвольно. Для этого они используют определенный набор символов, укоренившихся в данной культуре. Кроме того, подарок может выступать как символ в зависимости от ситуации общения. Подарок – это текст, который мы читаем, исходя из стереотипов и традиций, укоренившихся в культуре, особенностей социальной группы, к которой принадлежим, личного опыта и т.д.

Подарок изучается и сточки зрения гендерной идентичности личности (Г. Карпова). Она пишет, что традиционное восприятие «женского» и «мужского» влияет на выбор подарка и отношение к подарку. Определенные вещи принято дарить только женщинам, и наоборот. Женщинам чаще дарят подарки, чем мужчинам. Как считает Г. Карпова, это связано с подсознательным стереотипом, который своими корнями уходит в далекое прошлое: мужчина – добытчик и воин, он сам возьмет то, что ему нужно, и, если захочет, поделится этим с женщиной. Мужчины и женщины по-разному подходят к проблеме выбора подарка. По данным американского исследования (Carlson, 1982), которое Г. Карпова приводит в своей работе, женщины дарят намного больше подарков, чем мужчины, зато подарки мужчин – более дорогие. Получая подарок, мужчины и женщины также ведут себя по-разному. Стереотипы, характеризующие настоящего мужчину, предполагают, что он не должен говорить о своих эмоциях и переживаниях, поэтому мужчины более равнодушно относятся к самому подарку, – для них более важен процесс дарения. Женщины же очень сильно переживают по поводу подарка и открыто высказывают свои эмоции.

Таким образом, в результате анализа работ, выполненных в различных научных областях, можно выделить следующие социально-психологические характеристики подарка:

1. Подарок и процедура дарения являются традиционным способом установления связей и отношений, как между людьми, так и между группами.
2. Подарок, выполняя функции социальной коммуникации, превращается в «текст», знак, который несет информацию как о дарителе, получателе, так и о ситуации дарения.

3. Подарок является средством самопрезентации, управления впечатлением.
4. Подарок выполняет регулятивные функции: определяет, развивает, трансформирует отношения и взаимоотношения, поведение дарителя и получателя (одобрение, власть, дружеские чувства, «мир-война» и т.д.).
5. Подарок удовлетворяет социальные потребности как дарителя, так и получателя. В качестве главных мотивов дарения выступают: долг, любовь, стремление к одобрению, выгода, страх отчуждения, страх наказания, стремление к власти и контролю.
6. Одним из главных факторов, определяющих социально-психологические характеристики подарка, являются статусно-ролевые отношения между дарителем и получателем.

В русском языке у слова «подарок» есть еще и брат-близнец: «гостинец», от слова «гость». Это значит, что по обычаю человек входил в дом с подарком, и его готовы были в этом доме отдарить.

С древнейших времен подарок на Руси неразрывно связан с обычаями, он входит в обряд наравне с песней, танцем, декоративно-прикладным искусством.

Святочный обычай колядования и щедрых подношений колядовщикам имел двойной смысл. С одной стороны, люди как бы заговаривали действительность, представляя ее более сытой, богатой, чем она есть на самом деле. С другой, выражали убеждение, что зажиточная жизнь связана не только с обилием на столе и в погребах, но и с обязательной щедростью, готовностью делиться и одаривать ближних. На масленицу дарили узорчатые пряники с надписями: «кого люблю, того дарю», «от милого подарок дороже золота», «чин чина почитай, а подарок не забывай».

До сих пор жив обычай обмениваться на пасху крашеными яйцами. Так в сознании народа песня, пляска, «хитрые узоры», подарки были неразделимы в восприятии веселья, радости, праздника.

Еще значительнее место подарка в некалендарных, семейных торжествах. Человек родился – и знакомые, соседи, родные спешили с подарками. Родильнице посылали крупу, муку, кусок набивного ситца или полотна, рубашечку, чепчик для младенца.

Как только девочка научалась держать в руках иголку, она начинала готовиться к свадьбе: шить и вышивать подарки еще незнакомым жениху, свекру, свекрови. А уж когда наступало время сватовства, невесте приходили на помощь подруги – так много всего надо было заготовить. В некоторых местах на другой день после рукобитья жених посылал невесте свою рубашку и порты, чтобы она сшила ему такие же собственными руками. Подарки жениха были покупные и в первую очередь характеризовали его

щедрость: ларчики с лентами, иголками, нитками, башмаки, серьги, пряжки, румяна, белила и т.д.

Когда в связи с подарками заходит речь о государстве, уже труднее разобраться, где дар, а где дань, где подарок, а где «кормление» или взятка, где искреннее подношение, а где вымогательство. Ответная благодарность тоже порой облекается в неожиданные формы. Летопись сообщает, как в 1474 г. князь великий взъярился на псковских послов «и их на очи пускати к себе не велел» из-за того, что подарки их оказались «легкими».

Дары иностранным правителям и их послам служили чутким барометром дипломатических отношений. Такой дар назывался в России «поминком». Поминками могли служить кони, оружие, золото, серебро, дорогая ткань, соболя. Подношение их происходило строго по ритуалу, который каждый раз во всех деталях записывался в Наказе послам: сначала передать от великого князя поклон, потом, «мало посидев, поминки явити и молвити...». А уж после того подать верительные грамоты.

Государи строго следили за тем, чтобы их подчиненные ни с кем не сносились помимо их, государевой, воли и никаких поминков со стороны не принимали. Верных слуг они дарили сами, и в этих случаях трудно было провести грань между подарком и наградой. В древней Руси не было системы орденов, и жалованные правителем шубы со своего плеча, золотые чаши, серебряные кубки и прочее выполняли наградные функции.

В дошедших до нас описаниях этих предметов основной упор всегда делался на то, сколько пошло на их изготовление драгоценных металлов, камней, дорогих мехов. Никогда не упускался вес предмета, но почти нигде не встречается слов о «хитрой» работе мастера. Начиная с Ивана III и до начала XVIII в. великие князья и цари чеканили специальные «золотые». Ими жаловали за участие в военных походах, а при поставлении на царство осыпали ими нового царя и бросали в толпу. Таким образом, «золотые» были одновременно и государевой наградой, и его подарком, и памятью о крупнейших событиях в стране.

Восемнадцатый век принес многочисленные изменения в русскую жизнь. Сломав старые государственные институты, Петр I нарушил и прежнюю систему царских подарков. Знаки его благоволения и подарки сыпались на людей, которых с ним сталкивала судьба, не менее щедро, чем палочные удары и другие знаки его гнева. Золотая медаль, выбитая в честь победы, серебряный рубль для многочисленных царских крестников из простого звания, табакерки – эти предметы не имели такой утилитарной ценности, как, например, шуба с царского плеча, но ценность подарка как знака расположения была неизмеримо велика.

Изменения в частном быту привели к возникновению многих новых ситуаций. Стремление выразить в подарке свое доброе отношение к другому человеку осталось, но теперь оно уже не было так строго регламентировано и допускало, выражаясь современным языком, творческий подход. «Страсть любовная, – писал князь М.М. Щербатов, – до того почти в грубых нравах не знаемая, начала чувствительными сердцами овладевать». От кавалера теперь требовалось галантное обхождение с дамой, умение ухаживать и говорить комплименты. И обязательно дарить подарки. В рукописной «Истории о Александре, российском дворянине» изображается идеальная картина взаимоотношений возлюбленных: герой дарит избраннице «столп верности» – кольцо, данное ему родителями. Возлюбленная одаряет его «знаком любви» – «злата шнура узел», разъясня символический смысл этого подарка: «едина мя смерть развяжет».

Подарок в быту постепенно теряет тесную связь с обрядом. Предметом дарения становится все: от деревни в несколько тысяч душ крестьян до локна волос. Наиболее распространенными подарками были предметы женского рукоделия, кольца и перстни, миниатюрные портреты, которые можно было носить как медальон.

Чем ближе к нашему времени, тем больше подарок ценится не за его материальную стоимость, а за память, внимание, воспоминания, с которыми он связан. Формула «мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь» все точнее выражает суть отношений, связывающих дарящего и одариваемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Н. Символическое содержание подарка. – URL: www.socnet.narod.ru
2. Гештальттерапия. Теория и практика. Пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 320 с.
3. Гражданский кодекс РФ. Части 1 и 2. – М.: НОРМА, 2000. – 372 с.
4. Долгушева Е.А. Социальные сети, поддерживаемые актами дарения. – URL: www.socnet.narod.ru
5. Егорова М. Подарок самому себе. Социологическое эссе. – URL: www.socnet.narod.ru
6. Из истории русской культуры. – М., 2000. – Т. 4. – С. 184–185; Т. 5. – С. 522–523.
7. Ильин В. Подарок как социальный феномен. – URL: www.acapod.ru
8. Карпова Г. Гендерные аспекты феномена подарка. – URL: www.socnet.narod.ru
9. Лотман. Беседы о русской культуре: быт и традиции. – СПб., 1994.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

**Середина Н.В.,
Даниленко Е.В.,
Черныш Е.В.**

В статье приводятся результаты эмпирического исследования психологического переживания угрозы в различных профессиональных группах; выявляется характер связи между переживанием террористической угрозы и такими характеристиками, как жизнестойкость и тип этнической идентичности.

Ключевые слова: терроризм, террористическая угроза, жизнестойкость, этническая идентичность.

Проблема терроризма, как социального феномена, последствия которого являются масштабными и разрушительными, приобрела особенную актуальность в последние десятилетия в связи с ростом числа террористических актов по всему миру. Это явление широко освещается средствами массовой информации, и уже давно стало частью нашей объективной реальности: по телевидению транслируются репортажи с мест терактов, в газетах сообщают подробности событий, в интернете ведется активное обсуждение последних новостей о деятельности террористических организаций; таблички в общественном транспорте призывают пассажиров с осторожностью относиться к бесхозным предметам и сообщать о подозрительном поведении окружающих людей. Все это в совокупности с испытываемыми по поводу тревожных новостей эмоциями формирует у человека переживание террористической угрозы – субъективную оценку риска стать жертвой теракта.

Вопросу о возможности получения психологической травмы от восприятия информации о террористической деятельности до недавнего времени практически не уделялось внимания в психологии. Тем не менее, последние исследования многократно подтверждают наличие у определенного процента людей, никогда не сталкивавшихся с терактами, признаков посттравматического стресса от переживания террористической угрозы. Всплеск интереса зарубежного научного сообщества психологов к этому явлению произошел после событий 11 сентября 2011 года. В нашей стране эта тема на данный момент освещена лишь в небольшом количестве психологических работ.

В связи с все возрастающей серьезностью проблемы терроризма в современном мире этот социальный феномен становится объектом пристального внимания специалистов разных областей знаний –

юристов, политических аналитиков, криминалистов, социологов, историков, психологов, культурологов, антропологов.

Как отечественные, так и западные ученые до сих пор не сошлись на едином для всех определении терроризма. А.Ш. Тхостов и К.Г. Сурнов предлагают понимать терроризм как форму политической, экономической, военной, преступной или иной деятельности, направленной на достижение определенных целей в рамках удовлетворения различных потребностей [6]. У. Лакер (Laqueur) подчеркивает, что отсутствие общей научной теории терроризма не должно смущать исследователей, поскольку единая теория невозможна, по сути, из-за многогранности причин и проявлений самого терроризма. В.А. Соснин считает, что, несмотря на многообразие точек зрения, относительно содержательной природы этого явления, научное сообщество имеет единый взгляд на сущность терроризма, которую составляют противоправные насильственные действия для устрашения, подавления, навязывания определенной линии поведения.

Само происхождение слова «терроризм» (от лат. terror – страх, ужас) подчеркивает одну из основных целей этого явления – запугивание, что также подтверждается результатами исследований, показывающими, что наиболее часто встречаемой ассоциацией к словосочетанию «террористический акт» является слово «страх» [4].

Социальные и психологические последствия терроризма масштабны и многообразны. Они лежат в основе формирования в обществе определенного отношения к террористам [4]. С точки зрения медицины и психологии террористический акт – это, прежде всего, травматическое событие, которое может нанести серьезный вред как физическому, так и психическому здоровью человека.

В рамках теоретической концепции переживания человеком травматических событий все большее распространение получает понятие «психосоциальные последствия катастроф», разрабатываемое В.Н. Красновым с 1997 года. Проявления феномена психической травматизации выражаются широким спектром эмоционально-личностных изменений, которые возникают под воздействием стрессоров высокой интенсивности [3]. В.А. Соснин отмечает, что исследования по преодолению последствий посттравматического стресса у жертв преступлений и насилия также проводятся в рамках сформировавшейся в последнее десятилетие самостоятельной отрасли науки о психическом здоровье – психотравматологии.

Согласно исследованиям, травматические события, которые организованы людьми намеренно и являются неожиданными, характеризуются более разрушительным воздействием, чем природные катастрофы.

Такие специфические характеристики, как разрушительные последствия, эмоциональная окрашенность, освещаемость СМИ, непредсказуемость, неизвестность причин и невозможность контроля и избегания теракта, позволяют ему стать мощным психологическим оружием, направленным на демобилизацию общества, его раскол, формирование атмосферы страха, неуверенности и уязвимости [4].

Существует несколько классификаций жертв террористических актов, по которым предлагается разделять пострадавших на несколько категорий, по одной из которых выделяют четыре группы:

- 1) жертвы террористического акта, оказавшиеся в его очаге, – пострадавшие «первой линии»;
- 2) «спасатели» – профессионалы, выполняющие спасательные и иные работы в очаге, а также другие действия в рамках антитеррористической активности;
- 3) лица «второй линии поражения», ставшие свидетелями террористического акта, – жители окрестных территорий и др.;
- 4) население, опосредованно связанное с террористическим актом через административные структуры, СМИ и пр. [8].

Все классификации объединяет разделение пострадавших на две принципиально разные группы: жертвы теракта, оказавшиеся в его очаге – непосредственно пострадавшие; а также люди, чье психическое состояние теракты затронули опосредованно, чаще всего через СМИ – **косвенные жертвы**, как их называет Н.В. Тарабрина. Следует сразу оговориться, что не все авторы подразумевают под косвенными жертвами одно и то же. Зарубежные авторы, говоря о косвенных жертвах, имеют в виду всех, «вовлеченных в событие» людей: родных

и близких жертв, свидетелей терактов, спасателей и врачей, оказывавших первую помощь. Но мы будем придерживаться отечественной трактовки понятия «косвенная жертва».

Косвенные жертвы теракта – это уязвимая часть населения, которая после терактов, детально освещаемых СМИ и других средствах коммуникации, начинают испытывать дистресс, связанный с угрозой терактов. Косвенные жертвы не подвергаются непосредственной угрозе, они травмируются посредством информации, которая освещает угрожающие другим людям события. Н.В. Тарабрина подчеркивает, что посттравматическое стрессовое расстройство возникает в результате воздействия на человека травматических событий, связанных с гибелью или серьезными ранениями людей или с возможной угрозой такой гибели или ранений в результате террористического акта.

Результаты многочисленных исследований показывают, что постоянное освещение трагических и криминальных событий создают общий негативный фон неуверенности и тревоги, который является почвой для невротических и стрессовых расстройств, а последствия террористических актов и угрозы совершения последующих терактов имеют как кратковременные, так и долговременные компоненты [4].

Л. Крок отмечает, современные СМИ характеризуются невероятной скоростью предоставления информации. Выполняя свою работу, СМИ передают и неожиданность, и тот шок, на который рассчитывают организаторы терактов. Второй особенностью СМИ является их повсеместная доступность, обеспечивающая не только скорость, но и масштаб распространения информации [6].

Таким образом, анализируя данные о том, что стрессором, способствующим развитию посттравматического стресса, является не только непосредственно теракты, но и сформировавшееся у населения после серии терактов, совершенных за последнее время, представление о «террористической угрозе», Н.В. Тарабрина и Ю.В. Быховец предлагают выделить в качестве конструкта, играющего ключевую роль в процессе травматизации косвенных жертв терактов, переживание террористической угрозы. Под переживанием террористической угрозы понимается субъективная оценка риска стать жертвой теракта.

В результате нашего исследования выявлено, что существуют различия в особенностях переживания террористической угрозы у людей, относящихся к разным профессиональным группам.

Для изучения особенностей переживания террористической угрозы нами были обследованы следующие группы людей, работающих в государственных и негосударственных организациях:

- 1) педагоги;
- 2) сотрудники ОП УВД по г. Ростову-на-Дону;
- 3) сотрудники коммерческого банка.

В качестве методов исследования были использованы следующие методики:

1. Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ) Тарабриной Н.В. и Быховец Ю.В.
2. Опросник «Типы этнической идентичности» Солдатовой Г.У., Рыжовой С.В.
3. Тест жизнестойкости. Леонтьев Д.А. и Расказовой Е.И.

Группа педагогов характеризуется наиболее высокой интенсивностью переживания угрозы по сравнению с другими двумя исследуемыми группами, поскольку является социально незащищенной группой. Группа сотрудников полиции демонстрирует самые низкие результаты по уровню переживания угрозы, поскольку специфика их работы такова, что им часто приходится иметь дело со стрессовыми ситуациями, в результате чего у них формируются эффективные механизмы борьбы со стрессом. Кроме того, участвуя в реализации политики государственной безопасности, сотрудники полиции располагают большим количеством достоверной информации о террористической угрозе в стране, чем представители других групп, что помогает им справляться с тревогой.

Нами были выявлены гендерные различия в переживании террористической угрозы. В целом по выборке, женщины характеризуются высокими значениями по таким компонентам как «устойчивость к террористической угрозе» и «посттравматические симптомы», что в сумме дает более высокий уровень интенсивности переживания террористической угрозы. Это может обуславливаться большей степенью эмоциональной включенности женщин в процесс формирования отношения к террористическим актам, вследствие чего их способность противостоять потенциальной угрозе террора и минимизировать уровень последствий в случае реализации угрозы снижается, что и провоцирует развитие разнообразных симптомов посттравматического стрессового расстройства.

В различных профессиональных группах по-разному выражены гендерные особенности переживания террористической угрозы. Если в группе сотрудников коммерческого банка эти особенности соответствуют сходным тенденциям выраженности переживания террористической угрозы у мужчин и женщин, то в группе сотрудников полиции женщины продемонстрировали более низкие результаты по показателям интенсивности переживания террористической угрозы и антиципации террористической угрозы. Полученные результаты можно объяснить способностью женщин использовать

более разнообразные копинг-стратегии в борьбе со стрессом, что является более эффективным при работе, связанной с высоким риском психической травматизации.

Нами выявлена связь между показателями переживания террористической угрозы и типами этнической идентичности. Такие типы этнической идентичности, как «этнонигилизм» и «этнический изоляционизм», являясь соответственно вариантами гипо- и гиперидентичности, положительно коррелируют с уровнем переживания террористической угрозы. Люди же с позитивной этнической идентичностью или с высокими показателями «этнической индифферентности», характеризующейся высоким уровнем толерантности и низким уровнем значимости для человека принадлежности к тому или иному народу, характеризуются более низкой степенью интенсивности переживания террористической угрозы. Примечательно, что только в группе сотрудников коммерческого банка позитивная этническая идентичность (норма) положительно коррелировала со всеми шкалами опросника переживания террористической угрозы: «антиципацией», «посттравматическими симптомами», «устойчивостью» и «общим переживанием террористической угрозы».

Выявлена связь между жизнестойкостью личности и переживанием террористической угрозы: чем выше у человека показатели жизнестойкости, тем менее выражено переживание им угрозы и тем большей эмоциональной устойчивостью к последствиям терроризма он обладает. Люди с высоким уровнем таких компонентов жизнестойкости, как вовлеченность и контроль, менее подвержены риску травматизации от переживания террористической угрозы. Высокие показатели жизнестойкости и готовности к принятию риска находятся в обратной корреляции со шкалой «посттравматические симптомы», что говорит о том, что убежденность человека в пользе опыта, – независимо, позитивного или негативного, предполагает снижение риска травматического воздействия на него информации о терактах.

Имеется значимая положительная корреляция между показателем субъективной оценки своей социально-политической активности и шкалой «посттравматические симптомы». Вероятно, высокая социально-политическая активность связана с высоким уровнем осведомленности человека об актуальной ситуации страны, в том числе и об уровне террористической угрозы, что может объяснять большую степень травмирования информацией о терактах. Кроме того, активная, деятельная позиция по отношению к террористической угрозе, определяемая высокой социально-политической активностью, говорит о высокой актуальности террористической угрозы для человека, что может

выражаться в высоких результатах по шкале «посттравматические симптомы».

Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы для изучения особенностей переживания террористической угрозы и факторов, которые могут послужить причиной возникновения симптомов посттравматического стрессового расстройства у людей, являющихся косвенными жертвами террористической деятельности, то есть, у представителей любого пола, возраста и социальных групп. Результаты исследования содержат информацию, которая может быть полезна для разработки программы психологических мероприятий, направленных на оказание помощи людям, страдающим от ПТСР вследствие воздействия информации о травмирующих событиях, поскольку в нашей работе было показано, что высокий уровень переживания террористической угрозы, на фоне которого развиваются травматические расстройства, связан с низким уровнем жизнестойкости человека. Поскольку жизнестойкость не является врожденным качеством, а формируется в течение жизни, оно может быть развито на соответствующих тренингах, варианты которых в настоящее время уже апробированы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Л.А. К Концепции жизнестойкости в психологии // Экзистенциальная и гуманистическая психология. URL: <http://hpsy.ru>
2. Баева И.А. Психология безопасности: история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. – 2007. – №1 (2).
3. Быховец Ю.В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: дис. канд. псих. наук. – М., 2007.
4. Ениколопов С.Н., Мкртычан А.А. Психологические последствия терроризма // Вопросы психологии. – 2008. – № 3.
5. Знаков В.В. Понимание и переживание москвичами террористической угрозы // Вопросы психологии. – 2010. – № 4.
6. Крок Л. Психологическое воздействие терроризма // Perspectives Psy. – 2001. – Vol. 41. – № 4.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. – М.: «Смысл». – 2006. – 62 с.
8. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. – 2007. – № 1 (2).

Ossipian N.B.

Current trends of using psychological knowledge with the aim of resocialisation of the juvenile convicted offenders

This article analyzes the main trends of the juvenile criminality, the author reveals the sense of the notions «desocialisation» and «resocialisation», the essential tendencies of psychological knowledge application are treated in the frame of the complex of measures of the social rehabilitation and resocialisation of the offenders in juvenile correctional facility.

Key words: the juvenile criminality, desocialisation, resocialisation, social adaptation, penal system, convicted offender, juvenile correctional facility, socio-psychological help, offence prevention.

REFERENCES:

1. Boukharova M. Criteria of the analysis of the adolescents' resocialisation under conditions of the juvenile correctional facility // Power. – 2010. – № 2. – p. 117–119.
2. Goumirova G.F. Legal and psychological aspects of the optimization of the juvenile offenders' change: abstract of the thesis ... of Candidate of Juridical Sciences. – Samara, 2009. Kozulia V.G. Organization of the psychological support of juvenile offenders // Crime and punishment. – 2002. – № 9. – p. 53–61.
3. Ovcharenko I.A. Particularities and some problems of preparing for release of the juvenile offenders // Collection of the scientific works. – Stavropol: North-Caucases STU, 2004. – Issue 4.
4. Perinskaya N.A. Resocialisation // Knowledge. Understanding. Skill. – 2005. – № 4. – p. 161–162.
5. Program of psychological training of the offenders of Soudskoi juvenile correctional facility for release // Collection of the methodic materials dedicated to the organization of the educational work in the institutions of penal system in Vologodskii region. – 2002. – p. 134–137. Resocialisation of juvenile offenders: project experience. Methodic aids / edited by G.I. Simonova. – M.: «Orgservice-2000», 2005.
6. The improvement of the organization of the process of resocialisation of the juvenile offenders: collection of articles / edited by N.B. Iglina. – Arkhanguelsk, 2010.

Patsapay S.

Psychological preconditions of the crimes committed by military on imprudence

This article addresses the problem of coping with the psychological component in various kinds of unintentional

conduct of military personnel. Modern military technology is more complex to operate compared with the technique of the past years, also notes the tendency to reduce the period of military service. Such alignment increases the load on the psyche of the soldier and contributes to accidents and emergency situations, the legal responsibility for which rests with the soldier.

In this article the study area and the importance of forensic psychological expertise in investigating crimes of soldiers with reckless form of guilt. Also discusses the features of the human body and psyche, which can lead to errors when working on military equipment.

Keywords: reckless form of guilt, criminal incident, the area of forensic psychological assessment, personal factor, individual qualities of military, the selection of candidates for interaction with technology.

REFERENCES

1. Maklakov A.G. Psychology and Pedagogy. Military Psychology. – St. Petersburg: Peter, 2007.
2. Marinov M.L. Role of professional psychological training to ensure safety in transport, All-Russian scientific – practical conference «Transport of Russia – Problems and Prospects». – Moscow: Engineering, 2007.
3. Starov B.F. Several security issues of military service // Legal Human Security: Proceedings MNEPU. A series of «Jurisprudence». – M., 1998. – Vol. 11.
4. Khomenko M.N. Topical issues of the human factor in military aviation at the present stage. – M., 2009.
5. Yakovlev A.V. Prevention of crimes with reckless form of fault committed by military personnel: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. – M., 2003.

Brizhak Z.I.

Professional recruitment in the system of the investigating committee of Russian Federation

This article considers the perspectives of the development of the psychological service in the system of investigating committee of Russian Federation. The author suggests the stages of the development of the psychological service, the questions of the psychological training and professional development of the Investigating committee of Russia are discussed. The author gives the systematic analysis of the necessity of the professional staff, which constitutes the staff policy of the investigating committee of Russian Federation.

Key words: Psychological service, professional recruitment, psychological support, professional deformation.

REFERENCES:

1. Doubrovina I.V. Practical psychology of the education. – SPb., 1997.

2. Metelkova E.I. Psychological service in education: perspectives of the development// Bulletin of practical educational psychology. – 2005 – № 4 (5). – p. 6–8.
3. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. Bases of the theoretical psychology. – M., 1998.
5. Sidorenko E.V. Method of mathematical processing in psychology. – SPb: Speech, 2001 – 350 p.
6. Socially-psychological diagnostics of development of the person and small groups. – M.: Publishing house of institute of psychotherapy, 2005. – 490 p.
7. Stolin V.V. Self-consciousness of the person. – M: MSU Publishing house, 1983. – 284 p.

Sarelaynen A.I.

Methodology of professional psychological influence study

The development process of a specialized author's questionnaire for psychological influence study in investigator's work is described in the article. The questionnaire basis are two types of impact methods-organizational and influence – psychological, according to Kabachenko classification.

Keywords: questionnaires, psychology of labour, psychological influence, professional's psychology, forensic psychology.

REFERENCES

1. Kabachenko T.S. Methods of psychological impact. – M.: Russian Pedagogical Society, 2000.
2. Savelieva M.V., Smushkin A.B. Criminalistics. – M.: Publishing House «Dashkov & K», 2009.
3. Chaldini R. Psychology of influence. – St. Petersburg: Piter, 2009.

Afanasenko I.V., Onishchenko A.I.

Features of the self-relation of men and women of age early and late adults

In article results of empirical research of features of the self-relation of men and women of age early and late adults – self-relation definitions in substantial, structural and functional aspects of its studying are given; the comparative analysis of features of components of the self-relation and ways of the self-relation at men and women in groups early and late adults is carried out; prospects of the further research are designated.

Keywords: the self-relation, the integrated self-relation, the subject-subject and the subject-objective ways of the self-relation.

REFERENCES

1. The general psychodiagnostics / editors A.A. Bodalev, V.V. Stolina. – SPb.: Publishing house «Speech», 2000. – 440 p.
2. Pantileev S.R. Self-relation as emotional-estimated system. – M: MSU Publishing house, 1991. – 110 p.
3. Self-relation psychology: the Manual / A.M. Kolyshko. – Grodno: GrSU, 2004. – 102 p.
4. Sardgveladze N.I. The person and its interaction with the social environment. – Tbilisi: Mezniereba, 1989. – 206 p.

Kaidanovskay I.A.

Speaking about reflection

The phenomenon of reflection was known in antique times. The term «reflection» was widespread in scientific circles after the seventeenth century. The elaboration of the questions, connected to this phenomenon was realized in the treaties about the existence and knowledge. In the twentieth century, reflection as the mechanism of the existence, man and society development became the subject of the psychological research.

Key words: reflective abstraction, self-conscious, reflective conscious, sign invertibility, external reflexion, internal reflexion, auto-stimulation.

REFERENCES:

1. Alekseev N.G. The use of the psychological models of the reflection in the studies and diagnostics of the chess creativity // Studies of the problem of the creativity psychology. – M.: Science, 1983.
2. Velichkovskii B.M. Cognitive science: bases of the cognitive psychology: in 2 v. – M.: Smisl: Publishing center «Academy», 2006. – V. 2.
3. Vigotskii L.S. Collection of works: in 6 v. V. 2. Problems of general psychology./ edited by V.V. Davidova. – M.: Pedagogics, 1982.
4. Vigotskii L.S. Collection of works: in 6 v. V. 4. Children psychology / edited by D.B. Elkonin. – M.: Pedagogics, 1984.
5. Vigotskii L.S. Collection of works: in 6 v. V. 6. Scientific inheritance / edited by M.G. Yaroshevskii. – M.: Pedagogics, 1984.
6. Lektorskii V.A. L.S. Vigotskii and problem of reflection // Scientific work of L.S. Vigotskii and contemporary psychology. The heads of the report of the All-Union conference. – M., 1981.
7. Leibnits G.V. Collection in 4 v. – M.: Misl, 1983. – V. 2.
8. Locke J. Collection in 3 v. – M.: Misl, 1985. – V. 2.
9. Mamardashvilly M.K. Cartesian reflection. – M.: Publishing group «Progress», «Culture», 1993.
10. Petrov V.M. Reflection in the history of art culture. Its role and development perspectives.// Studies of the creativity psychology. – M.: Science, 1983.
11. Piaget J. Selected psychological works. – M.: Prosveshenie, 1969.

12. Piaget J., Inhelder B. Genesis of the elementary logic structures. Classification and seriation. – M.: Publishing house of Eksmo-Press, 2002.
13. Slobodchikov V.I., Issaev E.I. Basics of psychological anthropology // Human psychology: Introduction into psychology of the subjectivity. – M.: Shkola-Press, 1995.

Goreltseva V.V.

Approaches towards determination of the intimacy in the foreign psychology

Scientific determination of the intimacy phenomenon allows penetrating deeply into the mechanisms and processes of the communication and the interpersonal relations. Today the intimacy as a term hasn't got any clear content borders and very often is mixed with other notions, describing the interpersonal interaction. In the article there is a review of the foreign concepts of the intimacy. The levels, key compounds, temporary aspects of the phenomenon are set off.

Key words: *intimacy, closeness.*

REFERENCES:

1. Bern E. Sex in the human life / transl. From English M.P. Papousha. – M.: Publishing house of Eksmo-Press, 2001.
2. Giddens E. Transformation of the intimacy. Sexuality, love and sensuality in the contemporary societies / transl. from English V. Anourin. – SPb.: Peter, 2004.
3. Aron A.P., Mashek D.J., Aron E.N. Closeness as Including Other in the Self // Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 27–42.
4. Bennett Joel B. Time and Intimacy: A New Science of Personal Relationships. – Mahwah, NJ/London: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. – P. 349.
5. Bergner R., Bridges A. The significance of heavy pornography involvement for romantic partners: Research and clinical implications // Journal of Sex and Marital Therapy. – 2002. – № 28. – P. 198–206.
6. Ickes W., Hutchison J., Mashek D. Closeness as Intersubjectivity: Social Absorption and Social Individuation. Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 357–174.
7. Jamieson L. Intimacy: Personal relationship in modern societies. – Cambridge, MA: Polity Press, 1999. Kouneski E.F., Olson D.H. A Practical Look at Intimacy: ENRICH Couple Typology. Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 117–136.
8. Prager K.J., Roberts L.J. Deep Intimate Connection: Self and Intimacy in Couple Relationships Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004.
9. Prager K.J. The psychology of Intimacy. – New York: The Guilford Press, A Division of Guilford publications, 1995.
10. Reis H.T., & Shaver P.T. Intimacy as interpersonal process. In S. Duck (Ed.), Handbook of personal relationships: Theory, relationships, and interventions. – Chichester, England: Wiley, 1988. – P. 367–389.
11. Reis H.T., Clark M.S., Holmes J.G. Perceived Partner Responsiveness as an Organizing Construct in the Study of Intimacy and Closeness Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 201–228.
12. Register L.M., Henley T.B. The Phenomenology of Intimacy // Journal of Social and Personal Relationships. – 1992. – Volume 9. – Issue 4. – P. 124–151.
13. Rusbult C.E., Kumashiro M., Coolsen M.K., Kirchner J.L. An Attachment Theory Perspective on Closeness and Intimacy Handbook of Closeness and Intimacy. – Mahwah, New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. – P. 137–163.
14. Sexton R., Sexton B. Intimacy: A historical perspective // Fisher M., & Stricker, G. (Eds.). Intimacy. – New York: Plenum Press, 1982. – P. 1–20.
15. Waring E.M., Tillman M.P., Frelick L., Russell L., Weisz G. Concepts of intimacy in the general population // Published as a separate and in The Journal of Psychology. – 1980. – № 104. – P. 221–231.

Alperovich V.D.

Influence of the personal relations' contradictions on the transformation of the representations of friend and enemy

The problem «transformations of the representations of Other as Enemy and Friend and personal relations' dynamics» is touched by us in this article. Exposed, that the level of personal crisis of the relations' system determined the trend of transformations of social-psychological descriptions of representations of Other as Enemy and Friend. High level of the personal crisis of the relations' system determine the trend «emotional support by Friend, betrayal by Enemy' strengthening». Low level of the personal crisis of the relations' system determine the trend of transformations «common interests with Friend, aggression of Enemy' strengthening».

Keywords: *transformations, representations, Enemy, Friend, personal crisis of the relations' system*

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Social thought of person: problems and research perspectives // The

psychological journal. – 1994. – Vol. 15. – № 4. – P. 39–55.

2. Emelianova E.V. The crisis in the co-dependent relations. The principles and the algorithms of the consulting. – Saint-Petersburg, 2008.
3. Emelianova T.P. Construction of social representations in conditions of the Russian society's transformation. – M., 2006.
4. Markovskaya O.V. Influence of the cultures' psychological descriptions on the Russians and German social representations of hospitality: Autosummary of psychological master's thesis. – M., 2005.
5. Mokhova E.E. Age dynamics of the representations of friend and friendship in the younger age: autosummary of psychological doctor's thesis. – M., 2004.
6. Maisonneuve J., Lamit L. Selective relations // Social psychology: 7 ed. / Under the direction of S. Moscovici. – Saint-Petersburg, 2007.
7. Slobodchikov V.I., Issaev E.I. Psychological anthropology's principles. Personal development's psychology. – M., 2000.
8. Sosnina L.M. Comparative research of the social representations of justice in different ethnic associations (on the example of Russians, Moldavians and Gipsies): autosummary of psychological doctor's thesis. – M., 2005.
9. Tulinova D.N. Representations of Enemy and Friend in connection with the relation to the life on different periods: autosummary of psychological doctor's thesis. – Rostov-on-Don, 2005.
10. Shneider L.B. Personal, gender and professional identity: theory and diagnostic methods. – M., 2007.
11. Yurkova E.V. Manifestation of the social representations of friendship in the interpersonal relations: autosummary of psychological doctor's thesis. – Saint-Petersburg, 2005.
12. Seca J.-M. Les représentations sociales. – Paris, 2001.

Esipova M.E.

System research of conflict competency in the context of organizational culture

In the article conflict competency is considered as system quality; necessity of consideration conflict competency in relation to the social environment as to system of higher level is proved; the actual tendency of conflict researches in an organizational culture context are revealed; the urgency of conflict competency studying within the organization is proved; conflict competency's features of employees with different perception of organizational culture are described.

Keywords: *system approach, conflict competency, axiological relation to Other, organizational culture.*

REFERENCES

1. Averin A.V. Corporate culture of a modern society: Thesis ... Ph.D. – Stavropol, 2006. – 195 p.
2. Akxenovskaya L.N. Order model of organizational culture: monograph. – M.: Akademicheskij proekt, 2007. – 303 p.
3. Elfimova M.M. Psychological features of organizational culture perception of employees, working at educational institution (high school) and the industrial organization: Thesis ... Ph.D. – Samara, 2007. – 26 p.
4. Lipatov S.A. Organizational culture: social perception in organizational context // World of psychology. – 1999. – № 3. – P. 106–112.
5. Lipatov S.A. Organizational representations: problem statement // World of psychology. – 2004. – № 3. – P. 116–122.
6. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. – M.: Nayka, 1984. – 445 p.
7. Pavlova E.I. The role of organizational culture in negotiation of social-labor conflicts: Thesis ... Ph.D. – M., 2004. – 143 p.
8. Persikova T.N. Phenomenon of corporate culture in modern Russia (comparative analysis of corporate cultures in Russian and foreign organizations): Thesis ... Ph.D. – M., 2007. – 22 p.
9. Petrovskaya L.A. About conflict competency nature // The bulletin of Moscow university. Vol. 14. Psychology. – 1997. – № 4. – P. 41–45.
10. Khasan B.I. Constructive psychology of the conflict. – St.-Petersburg: Piter, 2003. – 250 p.

Ilin G.S.

Social-psychological interpretation of the phenomenon of «appearance perfectionism»

In the article the necessity of creation of construct «appearance perfectionism» as a social-psychological phenomenon, which the personal perfectionistic tendencies toward the appearance as the integral social-psychological formation underlie, is defined. Given construct is worked up as the type of personal orientation towards the appearance. The possibilities of the social-psychological study of this phenomenon are considered.

Keywords: *perfectionism, appearance, personal orientation, social-psychological peculiarities of personality.*

REFERENCES

1. Baranskaya L.T. The risk factors of the personal adaptation disorders in the aesthetic surgery patients: Abstract of a thesis ... Ph.D. – M., 2010. – 44 p.

2. Garanyan N.G. Psychological models of the perfectionism // *Voprosi psihologii.* – 2009. – № 5. – P. 74–83.
3. Gracheva I.I. Adaptation of P. Hewitt & G. Flett's «Multidimensional perfectionism scale» // *Psychol. zhurnal.* – 2006. – V. 27. – № 6. – P. 73–89.
4. Labunskaya V.A. No body language, and language of soul. – Rostov-on-Don: Fenix, 2009. – 344 p.
5. Labunskaya V.A. Human expression: communication and interpersonal cognition. – Rostov-on-Don: Fenix, 1999. – 608 p.
6. Leontev A.A. Psychology of communication. – Tartu, 1974; M.: Smisl, 1997.
7. Milkina-Pih I.G. Perfectionism and image body satisfaction in the structure of personality of the patients with eating behavior disorders and alimentary obesity // *Human ecology.* – 2010. – № 1. – P. 2–27.
8. Myasishev V.N. Psychology of relation. – M., 1995.
9. Paramonova V.V. Phenomenon of body perfectionism as the socio-cultural pathology // *Cultural-historical psychology.* – 2009. – № 3. – P. 34–41.
10. Rumsey N., Harcourt D. The psychology of appearance. Transl. from Engl. – SPb.: Piter, 2009. – 256 p.
11. Sokolova E.T. Narcissism as the clinical and socio-cultural phenomenon // *Voprosi psihologii.* – 2009. – № 1. – P. 67–81.
12. Travova V.V. The relation of normal and pathological perfectionistic tendencies. Preliminary thoughts // *Papers of theoretical and practical congresses of IV All-Russian forum «Health of a nation is basis of Russian wellbeing».* V. 2. Section «Health of a nation and edication». – M., 2008. – P. 289–290.
13. Kholmogorova A.B., Garanyan N.G. Culture, Emotions, and Mental health // *Voprosi psihologii.* – 1999. – № 2. – P. 61–74.
14. Kholmogorova A.B., Dadenko A.A. Physical perfectionism as a factor of the affective disorders in contemporary culture // *Medical psychology in Russian: electron. scien. journal.* – 2010. – № 3. URL: <http://medpsy.ru> (25.11.2010).
15. Tsigankova P.V. The interrelation of perfectionism and peculiarities of self-consciousness at autodestructive behavior // *Vestnik MGOU. Series «Psychological sciences».* – M.: Publ. MGOU, 2010. – № 2. – P. 28–32.
16. Yasnaya V.A., Enikolopov S.N. Perfectionism: history of study and current state of problem // *Voprosi psihologii.* – 2007. – № 4. – P. 157–168.
17. Cain A.S., Bardone-Cone A.M., Abramson L.Y., Vohs K.D., Joiner T.E. Refining the Relationship of Perfectionism, Self-Efficacy, and Stress to Dieting and Binge Eating: Examining the Appearance, Interpersonal, and Academic Domains // *International Journal of Eating Disorders.* – 2008. – № 41. – P. 713–721.
18. Canter D.E. Self-Appraisals, Perfectionism, and Academics in College Undergraduates: Thesis of PhD. – Virginia: Commonwealth University, 2008.
19. Grammas D.L., Schwartz J.P. Internalization of messages from society and perfectionism as predictors of male body image // *Body Image.* – 2009. – № 6. – P. 31–36.
20. Hewitt P.L., & Flett G.L. Perfectionism in the self and social contexts: Conceptualization, assessment, and association with psychopathology // *Journal of Personality and Social Psychology.* – 2001. – № 5. – P. 21–39.
21. Hall H.K., Hill A.P., Appleton P.R., Kozub S.A. The mediating influence of unconditional self-acceptance and labile self-esteem on the relationship between multidimensional perfectionism and exercise dependence // *Psychology of Sport and Exercise.* – 2009. – № 10. – P. 35–44.
22. Srivastava K. Conceptualization and Development of the Appearance Perfectionism Scale: Preliminary Evidence for Validity and Utility in a College Student Population: Thesis of BS in Psychology. – Michigan, 2009.

Pogontseva D.V.

To the problem of appearance discrimination

The article discusses the phenomenon of discrimination based on appearance. Theoretical and experimental work of Russian and foreign researchers devoted to such varieties of discrimination as: lookism, ageism, discrimination based on weight (fat / slim) (weightism), discrimination on the rise (highism) and others. Provides empirical evidence for studying various aspects of discrimination in appearance.

Keywords: *discrimination, lookism, ageism, appearance.*

REFERENCES

1. Belugina E.V. Special relationship to their external appearance during midlife. Cand. diss. ... Candidate. Sci. Science. – Rostov-on-Don, 2002.
2. Belugina E.V. The study of external «I» person in the context of the psychology of communication // *Psychological Bulletin RSU.* – Rostov-on-Don, 1999. – Vol. 3. – P. 293–298.
3. Vorobyova M.V. Perceptions of students exterior appearance of another person // *Yearbook of the Russian Psychological Society: Proceedings of the III All-Russian Congress of Psychologists 25–28 June 2003: In 8 vols.* – SPb.: Univ of St. Petersburg. Press, 2003. – T. 2. – P. 195–198.
4. Kon I. Opening of the «I». – M.: Politizdat, 1978.

5. Labunskaja V.A. «Visible Man» as a socio-psychological phenomenon // *Social psychology and society*. – 2010. – № 1. – P. 26–39.
6. Ageism: stereotyping and prejudice against older persons / edited by T. Nelson. – New York: Massachusetts Institute of Technology, 2002.
7. Felson R.B., Bohrnstedt G. W. «Are the Good Beautiful or the Beautiful Good?» The relationship between children's perception of ability and perceptions of physical attractiveness // *Social Psychology Quarterly*. – 1979. – Vol. 42. – № 4. – P. 386–392.
8. Furnham A., Mistry D., McClelland A. The influence of age of the face and the waist to hip ratio on judgements of female attractiveness and traits // *Personality and Individual Differences*. – 2004. – Vol. 36. – P. 1171–1185.
9. Hadjistavropoulos H.D., Ross M.A., Von Baeyer C.L. Are physicians' ratings of pain affected by patients' physical attractiveness? // *Social Science & Medicine*. – 1990. – Vol. 31. – Issue 1. – P. 69–72.
10. Hamermesh D., Parker A. Beauty in the classroom: instructors' pulchritude and putative pedagogical productivity // *Economics of Education Review*. – 2005. – Vol. 24. – Issue 4. – P. 369–376.
11. Nordholm L.A. Beautiful patients are good patients: evidence for the physical attractiveness stereotype in first impressions of patients // *Social Science & Medicine*. Part A: Medical Psychology & Medical Sociology. – 1980. – Vol. 14. – Issue 1. – P. 81–83.
12. Olson I.R., Marshuetz Ch. Facial Attractiveness Is Appraised in a Glance // *Emotion*. – 2005. – Vol. 5. – Issue 4. – P. 498–502.
13. Teuscher U. and Teuscher Ch. Reconsidering the double standard of aging: Effects of gender and sexual orientation on facial attractiveness ratings // *Personality and Individual Differences*. – 2007. – Vol. 42. – № 4. – P. 631–639.

Martynenko K.I.

Representation about Social Cognition in the Russian psychology

In this article we do the analysis of representations of foreign and Russian authors about Social Cognition, its features and the maintenance, distinctions of the points of view of researchers are allocated. And as it is described developments of the given problematics now within the limits of modern social psychology taking into account actual requirements of a society.

Keywords: social perception, social cognition, subjects of social cognition, dialogue, communicative kernel of the person, communicative orientation of the person.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. Psihologija of social knowledge. – M.: Aspect-press, 2004. – 288 p.
2. Andreeva G.M. To a problematics of social knowledge. A cycle «Psychology of social knowledge», G.M. Andreevoj devoted to anniversary // *The psychology world*. – 1999. – № 3. – P. 15–23.
3. Bodalev A.A. Perception and understanding of the person the person. – M: Publishing house MSU, 1982. – 199 p.
4. Bodalev A.A. The person and dialogue. – M., 1983. – 272 p.
5. Bratchenko S.L. Interpersonal dialogue and its basic attributes // *Psychology with a human face: humanistic prospect in Post-Soviet psychology / Under the editorship of D.A. Leonteva, V.G. Shchur*. – M.: Sense, 1997. – P. 201–222.
6. Gabdylina L.I. Style of pedagogical dialogue and its tsennostno-semantic and когнитивные determinants: The master's thesis author's abstract *Psychol. Sciences*. – Rostov-on-Don, 1999. – 237 p.
7. Mjasishchev V.N. Psychology of relations. – M.: Moscow Psihologo-social institute, 1998. – 368 p.
8. Leontiev A.A. Psychology of dialogue. – M.: Sense, 1999. – 365 p.
9. Riumshina L.I. Tsennostno the approach to dialogue. – Rostov-on-Don: Publishing house RSU, 2004. – 176 p.

Koval E.S.

Adaptation of personality in the social and psychological structure of the small group

The question of social-psychological adaptation of the person in small group, the basic concepts, approaches and research methods are considered. The prospect of the research of pupils' social-psychological adaptation in the group at the initial stage of its formation is presented.

Keywords: adaptation, social-psychological adaptation; social-psychological structure of group; small groups and informal subgroups.

REFERENCES

1. Bul G.A. The concept of adaptation and its significance for the psychology of personality // *Psychological journal*. – 1989. – № 1.
2. Gorbatenko A.S. Social-psychological determinants of introducing a new individual in the group // *Questions of psychology*. – 1982. – № 3. – P. 99–104.
3. Gorbatenko A.S., Gorbatenko T.M. The structure of interpersonal relationships in high school: technique and results of the study. – Rostov-on-Don: RSPU, 1996.
4. Nalchajyan A.A. Social-psychological adaptation of personality (forms, mechanisms and strategies). –

Yerevan: Publishing House of Sciences of the Armenian SSR, 1988. – P. 10–12.

5. Rean A.A., Kudashev A.R., Baranov A.A. Psychology of person's adaptation. – SPb: Prime-EVROZNAK, 2008. – 479 p.
6. Romm M.V. Philosophy and psychology of adaptive processes: Textbooks for Students of High School. – Moscow: Publishing House of Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: «MODEK», 2006. – 296 p.
7. Sidorenkov A.V. Informal subgroups in a small group: social-psychological analysis. – Rostov n/D, 2003. – 436 p.
8. Sidorenkov A.V. Microgroup concept // Russian psychological journal. – 2006. – № 1. – P. 21–40.

Popova L.V.

Socio-psychological factors of gift giving in Russian culture

The article is dedicated to studies of the gift as a phenomenon and process as a factor of the interpersonal relations of personality in the business communication. In the article the author analyzed the notions of the «donation», «gift», «process of giving gifts», using as the foundation the gift phenomenon and the process of giving gifts, their socio-psychological functions are formulated. The gift and gift giving are observed in Russian culture.

Key words: gift, donation, present, socio-psychological factors, customs.

REFERENCES:

1. Artemieva N. Symbolic contents of the gift. – URL: www.socnet.narod.ru
2. Gestalt therapy. Theory and practice. Translation from English. – M.: April Press, Publishing house of Eksmo-Press, 2001. – 320 p.
3. Civil code of RF. Part 1 and 2. – M.: NORMA, 2000. – 372 p.
4. Dolgousheva E.A. Social networks, supported by gift giving. – URL: www.socnet.narod.ru
5. Egorova M. A gift to Self. Sociological essay. – URL: www.socnet.narod.ru
6. From the history of Russian culture. – M., 2000. – V. 4. – p. 184–185; V. 5. – p. 522–523.
7. Ilyn V. Gift as a social phenomenon. – URL: www.acapod.ru.
8. Karpova G. Gender aspects of the gift. – URL: www.socnet.narod.ru.
9. Lotman. Conversations about Russian culture: way of life and traditions. – SPb., 1994.

Seredina N.V., Danilenko E.V., Chernish E.V. Psychological assessment experiences of terrorist threat

The article presents the results of an empirical study of psychological experience threats in different occupational groups, revealed the nature of the relationship between the experience of the terrorist threat and characteristics such as vitality and the type of ethnic identity.

Keywords: terrorism, terrorist threat, resilience, ethnic identity.

REFERENCES

1. Alexandrova L.A. By the concept of resilience in psychology. URL: <http://hpsy.ru>.
2. Baev I.A. The psychology of security: the history, formation and prospects // The National Journal psychological number. – 2007. – № 1 (2).
3. Bykhovets J. Perceptions of the terrorist act and experience of the terrorist threat, the different regions of Russia: dis. cand. crazy. Sciences. – Moscow, 2007.
4. Enikolopov S.N., Mkrtychan A.A. The psychological consequences of terrorism // Questions of Psychology. – 2008. – № 3.
5. Marks V. Understanding and experience of the Muscovites, the terrorist threat // Questions of psychology. – 2010. – № 4.
6. Croc L. The psychological impact of terrorism // Perspectives Psy. – 2002. – Vol. 41. – № 4.
7. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. Test of viability. – M., 2006. – 62 p.
8. Tkhostov I.N., Sunrov K.G. Motivation terrorist // The National Journal psychological number. – 2007. – № 1 (2).

Альперович Валерия Дмитриевна

преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* valdmalp@rambler.ru

Афанасенко Инна Владимировна

старший преподаватель кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 239, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* afinna@mail.ru

Брижак Зинаида Игоревна

доцент кафедры военной психологии и юридической психологии Южного федерального университета, руководитель отдела профессионального развития (учебный центр) следственного управления Следственного комитета РФ по Ростовской области, капитан юстиции, кандидат психологических наук

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, 13, к. 229, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 243-06-11;

e-mail: brigak_zinaida@mail.ru

Горельцева Виктория Владимировна

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303237;

e-mail: goreltsevavita@rambler.ru

Есипова Марина Евгеньевна

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303237;

e-mail: lammantinka@yandex.ru

Ильин Геннадий Сергеевич

аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* gen-ilin@yabdex.ru

Кайдановская Ирина Анатольевна

доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук

Alperovich Valeria Dmitrievna

the Southern federal university, the Faculty of psychology, the chair of social psychology

Official address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* valdmalp@rambler.ru

Afanasenko Inna Vladimirovna

the candidate of psychological sciences, the senior teacher of chair of psychology of the person of faculty of psychology SFU

Official address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* afinna@mail.ru

Brizhak Zinaida Igorevna

assistant professor of the department of the military and juridical psychology of South Federal University, head of the department of the professional development (training center) of the administration of Investigation Committee of RF of Rostov region, captain of justice, Candidate of Psychological Sciences

Official address: r. 229, b. 13 avenue Naguibina, Rostov-on-Don, 344038

Tel.: +7 (863) 243-06-11;

e-mail: brigak_zinaida@mail.ru

Goreltseva Victoriya Vladimirovna

3-d year postgraduate student of Social psychology department SFU

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237;

e-mail: goreltsevavita@rambler.ru

Esipova Marina Evgenevna

postgraduate student of Social psychology department SFU

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237;

e-mail: lammantinka@yandex.ru

Ilin Gennadiy Sergeevich

2-d year postgraduate student of Social psychology department SFU

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* gen-ilin@yabdex.ru

Kaidanovskaya Irina Anatolievna

candidate of Psychological Science, assistant professor of the department of psychophysiology and clinical psychology of the psychological faculty of SFU

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* physio@psyf.rsu.ru

Коваль Елена Сергеевна

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* socpsych@psyf.rsu.ru

Мартыненко Кристина Игоревна

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* mkristina@rambler.ru

Онищенко Анастасия Игоревна

студентка 5 курса факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* tess_krapiva@mail.ru

Осипян Наталья Борисовна

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2430611; *email:* natos@aaanet.ru

Пацапай Светлана Юрьевна

преподаватель факультета военного обучения ЮФУ, аспирант кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: ул. Зорге, д. 40, г. Ростов-на-Дону, 344090
Тел.: +7 (863) 2222010; *e-mail:* buffy_1@inbox.ru

Погонцева Дарья Викторовна

преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303237; *e-mail:* dashapgn@rambler.ru

Попова Лариса Владимировна

преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* larisa2210@bk.ru

Official address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* physio@psyf.rsu.ru

Koval Elena Sergeevna

postgraduate student of Social psychology department SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* socpsych@psyf.rsu.ru

Martynenko Kristina Igorevna

postgraduate student of Social psychology department SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* mkristina@rambler.ru

Onishchenko Anastasia Igorevna

the student 5 courses of faculty of psychology SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303247; *e-mail:* tess_krapiva@mail.ru

Osipian Natalia Borisovna

candidate of Psychological Science, senior teacher of Juridical and military psychology department of the psychological faculty of SFU.
Official address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2430611; *e-mail:* natos@aaanet.ru

Patsapay Svetlana

department of Military Training SFU professor, postgraduate student department SFU
Office address: 40, Sorge St., Rostov-on-Don, 344090, Russia
Tel.: +7 (863) 2222010; *e-mail:* buffy_1@inbox.ru

Pogontseva Darya Viktorovna

ph.D., lecturer in social psychology, Department of Psychology, SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* dashapgn@rambler.ru

Popova Larisa Vladimirovna

lecturer in social psychology, Department of Psychology, SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303237; *e-mail:* larisa2210@bk.ru

Сарелайнен Александра Игоревна

аспирантка кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 2430611; *e-mail:* law@psuf.rsu.ru

Середина Наталья Васильевна

старший преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 236, г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: (863) 2303237; *e-mail:* physio@psyf.rsu.ru

Sarelaynen Alexandra Igorevna –

phD student, department of legal and military psychology faculty of psychology of the SFU

Office address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2430611; *e-mail:* law@psuf.rsu.ru

Seredina Natalia Vassilievna

senior teacher of the department of psychophysiology and clinical psychology of the psychological faculty of SFU

Official address: 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: +7 (863) 2303237; *e-mail:* physio@psyf.rsu.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной

